

ВОСПОМИНАНІЯ

о

С И Б И Р И

1848—1854 г.

—

В. В. Струве.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза». В. Подъяч., № 89.
1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ гдѣ—не на Босфорѣ Константинопольскомъ, а на Босфорѣ Восточномъ должно со временемъ воспослѣдовать радикальное разрѣшеніе восточнаго вопроса.
Векюковъ.

Хотѣлось мнѣ, въ дополненіе къ создаемому въ Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому металлическому памятнику, воздвигнуть ему, по силамъ моимъ, другой памятникъ въ видѣ его біографіи, но силою обстоятельствъ я лишенъ возможности это исполнить. Поэтому я рѣшился дать читающей публикѣ, интересующейся отечественною нашею исторіею, хоть часть того, что мнѣ извѣстно о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ и того, что сокрыто въ моемъ дневникѣ и въ лично мнѣ доставшихся бумагахъ, чтобы этимъ путемъ ближе познакомить общество съ личностью этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Періодъ времени управленія восточною Сибирью Муравьевымъ несомнѣнно составляетъ эпоху въ исторіи нашего отечества. Я позволяю себѣ такъ выразиться потому, что въ исторіи всякой страны составляетъ эпоху тотъ моментъ, когда правительство сознаетъ свое заблужденіе и избираетъ новые пути для выполненія своей задачи во всемірной исторіи. До начала пятидесятихъ годовъ правительство наше держалось англофильской политики. Первый, кто позволилъ себѣ энергично возстать противъ этой системы и смѣло высказывать свой взглядъ на этотъ вопросъ Самодержцу Всероссійскому Николаю I, былъ Н. Н. Муравьевъ, впоследствии Амурскій. Это великая заслуга. Но Муравьевъ не только указывалъ на это ложное направленіе нашей политики, а всѣми дѣйствіями своими осуществлялъ

то, что высказывалъ. Ему мы обязаны сближеніемъ Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами, съ этимъ противобѣсомъ Англій во всемірныхъ событіяхъ, ему мы обязаны и тѣмъ, что Россія ни тогда, ни теперь еще не потеряла возможность играть на Великомъ океанѣ ту роль, которую ей подобаетъ играть какъ государству величайшему, омываемому на своихъ окраинахъ волнами всѣхъ океановъ.

Еслибы Муравьевъ, кромѣ этого, не провель никакихъ мѣръ для внутренняго благоустройства вѣреннаго ему края, то и этого было бы достаточно, чтобы преклониться передъ нимъ, но онъ и въ этомъ отношеніи являлся замѣчательнымъ администраторомъ, и въ этомъ отношеніи проницательный умъ его открывалъ такія язвы нашего внутренняго хозяйства, которыя незамѣтнымъ образомъ разъѣдали и подтачивали могучую Россію.

Доказать все это документально будетъ задача біографа Муравьева-Амурскаго. Біографія его не должна быть однимъ только перечнемъ его дѣятельности, а историко-политическимъ обзорѣнемъ всѣхъ непосредственныхъ послѣдствій, вызванныхъ этою дѣятельностью и всѣхъ сопрягающихся къ ней событій въ области науки по всѣмъ отраслямъ. Для этого, кромѣ серьезныхъ и кропотливыхъ архивныхъ занятій, необходимо до мельчайшихъ подробностей предварительно ознакомиться со всѣмъ, что явилось въ литературѣ объ эпохѣ Муравьева-Амурскаго и со всей частной корреспонденціею его. Только при этихъ условіяхъ можно будетъ создать что-нибудь достойное двухъ царей, которымъ Муравьевъ служилъ, изъ безпредѣльной любви къ отечеству, вѣрою и правдою, достойное всей эпохи, въ которой ему суждено было быть дѣятелемъ на поприщѣ государственномъ, наконецъ достойное самого передоваго труженника Муравьева

Б. Струве.

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРИ.

Характеръ моихъ воспоминаній.—Краткій очеркъ дѣятельности Муравьева.—Двѣ группы государственныхъ дѣятелей. 1848 г.: Первое впечатлѣніе, полученное въ Сибирѣ. Пребываніе въ Красноярскѣ.—Пріѣздъ въ Иркутскъ.—Донесеніе Муравьева о современномъ положеніи золотопромышленности.—Крещеніе Бурятъ пресвященнымъ Ниломъ.—Декабристы и ихъ семейства.—Доносъ на наше сближеніе съ ними.—Резолюція Государя и письмо Л. А. Перовскаго по этому поводу.—О мѣрахъ противъ злоупотребленій откупа и объ уничтоженіи винокурения и солеваренія отъ казны.—Возбужденіе вновь Амурскаго вопроса и сопряженнаго съ нимъ мѣры.—Англичане въ Иркутскѣ.—Письмо Л. А. Перовскаго съ планомъ дѣйствія для борьбы съ противниками.—Недостатокъ финансовыхъ средствъ.—Необходимость сбереженій.—Заготовленіе продовольственныхъ запасовъ.—Сотрудники Муравьева.

Все мои воспоминанія о Сибири относятся ко времени отъ начала 1848 года до конца 1855 года, когда тамъ ярко блеснуло одно изъ свѣтилъ въ сонмищѣ нашихъ государственныхъ дѣятелей—Н. Н. Муравьевъ, впоследствии графъ Амурскій. А такъ какъ я, въ числѣ многихъ его спутниковъ, былъ съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, и поэтому мои воспоминанія о Сибири естественно будутъ вращаться около него, то да будетъ мнѣ дозволено предположить въ краткій очеркъ дѣятельности этого савовника, который поражалъ современниковъ своею феноменальною энергіею.

Замѣчательны три черты характера этого выдающагося общественнаго дѣятеля.

Во-первыхъ, крайне незаносчиво и несамонадѣянно обрисовывалъ онъ самому себѣ и передъ высшими правительственными лицами и учрежденіями границы того, чего онъ желалъ достигнуть своею дѣятельностью; поэтому онъ всегда больше дѣлалъ, чѣмъ самъ надѣялся и обѣщалъ. Во-вторыхъ, съ какою настойчивостью и последовательностью онъ проводилъ задуманныя имъ преобразованія, какъ онъ дѣйствовать въ широкомъ смыслѣ предусмотрительно и подготовительно и, наконецъ, въ третьихъ, какъ благоразумно, оцѣнивая значеніе того или другаго возбужденнаго имъ вопроса, онъ не затруднялся сдѣлать подчасъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы совершить съ тѣмъ большею увѣренностью дѣйствіе, которое онъ считалъ необходимымъ для достиженія опредѣленной цѣли. Этими тремя благородными чертами отличалась вся его жизнь: таковъ онъ былъ на полѣ брани, таковъ въ семейномъ быту, таковымъ онъ явился на длинномъ поприщѣ своей гражданской дѣятельности. Здѣсь не время и не мѣсто доказывать это фактами изъ прежней его жизни въ Польшѣ и на Кавказѣ и изъ среды семейной—это будетъ задачею біографіи этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Ограничимся подтвержденіемъ выше сказаннаго о Муравьевѣ только немногими фактами изъ служенія его отечеству въ отдаленной Сибири, откуда долетали и долетаютъ до насъ самыя разнорѣчливыя свѣдѣнія. При этомъ нельзя не повторить, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ—и солнце не безъ пятенъ.

По приѣздѣ въ Сибирь, познакомившись нѣсколько съ чиновниками и дѣлами этого богатаго края и пораженный ужасающимъ положеніемъ, въ которомъ засталъ этотъ край. Муравьевъ мечталъ только объ одномъ и ставилъ это предѣломъ своей дѣятельности, а именно: хотя бы привести все въ движеніе, дать всему толчекъ, соотвѣтствующій будущему назначенію этой громадной окраины великой Руси. Эта мысль ясно была имъ высказана въ письмѣ его къ министру финансовъ О. П. Вронченко отъ 27 апрѣля 1849 г. по дѣламъ Кяхтинскимъ. Этою мыслью онъ одушевлялся, отнюдь не увлекаясь увѣренностью, что онъ достигнетъ тѣхъ

блестящихъ результатовъ, которыми увѣнчались его труды, а только живя надеждою, что если не онъ, то послѣдующіе за нимъ дѣятели довершатъ дѣло, если оно только будетъ поставлено на прочныхъ основаніяхъ. Первымъ условіемъ для этого онъ считалъ, что Царь долженъ знать всю истину. Онъ глубоко вѣрилъ, что Царь Русскій, кромѣ добра, своему народу ничего не желаетъ и не можетъ желать. Въ этихъ видахъ онъ, прежде всего, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ январѣ 1848 г., лично исходатайствовалъ себѣ Высочайшее соизволеніе писать Государю съ полною откровенностью обо всемъ, что сочтетъ нужнымъ, въ собственныя Его Величества руки. Вотъ тотъ талисманъ, которому онъ обязанъ всѣмъ успѣхомъ въ подъятыхъ имъ дѣлахъ. Затѣмъ, чтобы имѣть возможность и право высказывать Царю правду, онъ считалъ безусловно необходимымъ немедленно и тщательно познакомиться лично съ истинными потребностями края. Этимъ объясняется то неутомимое рвеніе, съ которымъ онъ постоянно объѣзжалъ всю Восточную Сибирь, начиная съ Забайкальскаго края и не останавливаясь передъ огромными трудностями пути въ Камчатку. На мой удѣлъ выпалъ счастливый жребій ему сопутствовать во всѣхъ этихъ путешествіяхъ и быть свидѣтелемъ, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ онъ бесѣдовалъ со священниками и мірянами, съ офицерами и солдатами, съ чиновниками и купцами, съ богатыми и бѣдными, какъ онъ разспрашивалъ крестьянъ и инородческихъ обывателей и выслушивалъ ихъ незатѣдливые рассказы.

Только такимъ образомъ, познакомившись съ потребностями Сибири и органами мѣстнаго управленія, онъ позволилъ себѣ послѣ двухгодичнаго пребыванія въ краѣ, войти съ первыми по отдѣльнымъ частямъ представленіями о необходимыхъ по его убѣжденіямъ мѣропріятіяхъ и преобразованіяхъ. Вопросъ о русской рѣкѣ Амурѣ, какъ ее называлъ Императоръ Николай I, безуспѣшно возбуждавшійся различными дѣятелями въ теченіи двухъ столѣтій, обратилъ, разумѣется, на себя особое вниманіе Муравьева, тѣмъ болѣе что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ревниво отклоняло

всякую попытку вызвать къ жизни вопросъ объ Амурѣ, основывая, по соглашенію съ министромъ финансовъ, свое противодѣйствіе этому патріотическому стремленію на ложной боязни возбудить неудовольствіе Китайцевъ и подорвать Кяхтинскую торговлю. Договоры, заключенные Китаемъ въ 1842 году съ Англіею и 1844 г. съ Франціею и Сѣверо-Американскими Штатами, вывели Небесную Имперію изъ той замкнутости, въ которой она пребывала тысячелѣтіями и доставили европейскимъ западнымъ державамъ и Сѣверной Америкѣ съ юга такой доступъ къ ней, которымъ они могли бы воспользоваться, чтобы постепенно отстранить Россію отъ всякой торговли съ Китаемъ, еслибы Муравьевъ, чую зло, не настоялъ, чтобы Кяхтинскій мѣновой торгъ былъ разрѣшенъ на новыхъ началахъ, на началахъ свободной торговли. Онъ доказалъ, что боязнь подорвать Кяхтинскую торговлю лишена всякаго основанія и служила только предлогомъ для оправданія бездѣйствія нашего по отношенію къ побережью Восточнаго океана и къ теченію рѣки Амура.

Муравьевъ первый указалъ, что вопросъ о пріобрѣтеніи всего теченія рѣки Амура можетъ быть съ успѣхомъ поднятъ только тогда, когда въ нашихъ рукахъ будутъ не только ключи отъ входа въ эту область, но и отъ выхода изъ нея, т. е. когда мы, владея истоками Амура, станемъ твердою ногою на восточномъ побережьи, примыкающемъ къ устью этой рѣки и не составлявшемъ въ то время ни чьей собственности. Такимъ образомъ, взявшись за это дѣло, одновременно, такъ сказать, съ двухъ концовъ, т. е. съ одной стороны развязывая Гордіевъ узелъ обветшалаго Кяхтинскаго торговаго узла, а съ другой стороны водружая русское знамя на устьяхъ Амура, онъ подготовлялъ небывалое въ исторіи событіе — пріобрѣтеніе для отечества обширной области съ судоходными рѣками и превосходными гаванями пути къ мирнымъ.

Но въ то же время Муравьевъ зналъ и постоянно выражалъ, что предвидѣть всѣ случайности невозможно, что, хотя онъ и идетъ путемъ мирнаго пріобрѣтенія, но нужно быть готовымъ поддерживать свои болѣе чѣмъ справед-

ливныя требованія, въ случаѣ надобности, вооруженною силою какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Вотъ почему онъ съ такою настойчивостью проводилъ всѣ тѣ преобразованія по военному и морскому вѣдомствамъ, за которыя многіе его осуждали, приписывая ихъ его тщеславію, его пустому будто бы желанію быть дѣйствительно корпуснымъ командиромъ, наравнѣ съ генераль-губернаторомъ Западной Сибири, и главнымъ начальникомъ нашей флотиліи въ Восточномъ океанѣ. Муравьевъ смотрѣлъ въ будущее, предвидѣлъ, и предчувствовалъ, что будетъ гроза, разразившаяся войною 1854 года и нашествіемъ западныхъ державъ на сосѣдній Китай въ 1857 году. Тутъ ему пришли на помощь его военно-морскія приготовленія, они поддержали всѣ послѣдующіе дипломатическіе переговоры.

Казалось бы, что еще нужно? Дипломатія въ связи съ финансовыми соображеніями и военно-морскія приготовленія идутъ рука объ руку, и довольно!

Но нѣтъ, Муравьевъ этимъ не ограничивался: онъ сознавалъ, онъ глубоко чувствовалъ, что пріобрѣтеніе новаго края должно быть непремѣнно сопровождаемо христіанскою проповѣдью и научнымъ изслѣдованіемъ. Какимъ путемъ Муравьевъ и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ подготовительно, доказываетъ вся его переписка съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, воскликнувшимъ отъ глубины души, обращаясь 16 мая 1858 г., по заключеніи Амурскаго договора, къ Муравьеву: „Еслибы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь!“ Въ то же время Муравьевъ съ безпримѣрною предусмотрительностью основалъ въ 1851 году Сибирскій отдѣлъ Императорскаго географическаго общества и сумѣлъ привлечь къ участию въ его дѣятельности немалыя денежныя средства, давшія возможность снарядить всѣ тѣ научныя экспедиціи, которыя мы обязаны изслѣдованіемъ обширнаго Амурскаго края и другихъ мѣстностей Восточной Сибири. Литература о Сибири свидѣтельствуетъ, что дѣятельность Восточно-Сибирскаго отдѣла географическаго общества тѣхъ временъ отличалась тою

живостью и пронизательностью, которая олицетворяла собою его энергическій предсѣдатель и покровитель.

Всѣ мѣропріятія и преобразованія, которыя были или проведены или начертаны Муравьевымъ во время его управленія Восточною Сибирью, по различнымъ частямъ внутренняго управленія въ отношеніи военно-морскомъ, торгово-промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, горнозаводскомъ и наконецъ административномъ, имѣли между собою арѣло-обдуманную, тѣсную связь, изображая звенья безконечной цѣли, которою Муравьевъ приводитъ въ движеніе непосредственно Восточную Сибирь, а посредствомъ ея и различныя отрасли нашего государственнаго управленія. Періодъ времени управленія Восточною Сибирью Муравьевымъ составляетъ безъ сомнѣнія эпоху въ исторіи нашего отечества. Это докажутъ грядущее время и исторія.

Сплою обстоятельствъ я лишенъ возможности составить, какъ я надѣялся, сколько-нибудь полную біографію Муравьева, но я позволяю себѣ думать, что мои рассказы и воспоминанія изъ обыденной нашей жизни на дальнемъ Востокѣ послужатъ хотя отчасти къ разъясненію тѣхъ ошибокъ и промаховъ, которыми многіе такъ настойчиво попрекаютъ Муравьева, не полагая на вѣсы правосудія тѣхъ великихъ заслугъ, которыя онъ оказалъ нашему отечеству.

Поступилъ я на службу въ Восточную Сибирь вслѣдъ за выпускомъ изъ Императорскаго Лицея въ 1847 г., въ то именно время, когда Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ. Рѣшимость моя, 20 лѣтняго юноши, отправиться на службу въ Восточную Сибирь считалась въ то время необыкновеннымъ подвигомъ. Директоръ Лицея Д. Б. Броневскій показывалъ мнѣ моимъ товарищамъ и младшимъ курсамъ Лицея какъ какое-то чудовище. насъ было всего трое изъ молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые съ юношескимъ увлеченіемъ отправились къ Муравьеву въ Сибирь на борьбу съ неслыханными злоупотребленіями, о которыхъ повѣствовало только-что оконченная ревизія сенатора И. Н. Толстаго, и только мы трое, В. М. Муравьевъ,

А. О. Стадлеръ и я, составили въ началѣ ближайшій кружокъ около почти столь же молодаго еще борца за правду. И. С. Мавровичъ, А. И. Заборинскій, Д. В. Молчановъ и В. В. Гауптъ пріѣхали уже послѣ насъ. Муравьеву тогда мвнуло всего 38 лѣтъ. Не зналъ онъ усталости и не признавалъ онъ ея въ своихъ подчиненныхъ; отсюда та безпримѣрная требовательность, съ которою онъ относился ко всемъ по дѣламъ службы, но въ то же время онъ былъ въ службѣ младѣйшій, снисходительнѣйшій членъ общества. Необычайно быстрое, по тогдашнему времени, повышеніе Муравьева составляло предметъ всеобщаго разговора въ столицѣ. Съ 14 декабря 1825 г. Императоръ Николай, какъ извѣстно, не очень жаловалъ фамилію Муравьевыхъ и не назначалъ ихъ на высшія административныя должности. Если Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ и былъ назначенъ въ 1833 году Гродненскимъ губернаторомъ, по личному выбору Императора, то единственно потому, что изъ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ онъ былъ извѣстенъ юному Царю какъ ярый полонофобъ по принципу, а такого-то именно онъ искалъ, послѣ польскаго возстанія 1831 года, для Гродненской губерніи. Поэтому служилая аристократія немало была поражена извѣстіемъ, что Государь, проѣздомъ черезъ Тулу, нежданно-негаданно назначилъ молодаго генераль-маіора Н. Н. Муравьева, только годъ еще состоявшаго въ должности Тульскаго губернатора, генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Догадкамъ и пересудамъ не было конца. Дошли до такой незѣпости, что приписывали это назначеніе невозможной ошибкѣ со стороны графа Орлова, которому будто бы было поветѣно вызвать въ Тулу бывшаго корпуснаго командира Н. Н. Муравьева, впоследствии Карскаго, для назначенія его генераль-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, а онъ подставилъ Тульскаго губернатора Муравьева. Между тѣмъ дѣло просто объясняется тѣмъ несомнѣннымъ вліяніемъ, которымъ великая княгиня Елена Павловна пользовалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Императора Николая. Выборъ Н. Н. Муравьева на эту должность принадлежалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ. П. А.

Перовскому, провелъ же онъ задуманное имъ дѣло съ помощью великой княгини Елены Павловны, оказывавшей постоянно искреннее благорасположеніе Муравьеву, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ ея камеръ-юнкеромъ. Великая княгиня, отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ и глубокимъ пониманіемъ современнаго положенія Россіи, которую она любила, какъ второе свое отечество, видѣла въ Муравьевѣ именно такого дѣятеля, какимъ онъ оказался впоследствии. О своемъ назначеніи Николай Николаевичъ тотчасъ же написалъ еще изъ Тулы, а именно 10-го сентября, сердечное письмо своему дядѣ Николаю Николаевичу Муравьеву, т. е. тому Муравьеву, про котораго говорили, будто онъ собственно предназначался Императоромъ Николаемъ на должность генералъ-губернатора Восточной Сибіри, но туда не попалъ по ошибкѣ. Переписка ихъ свидѣтельствуетъ о необыкновенной задушевности отношеній этихъ двухъ генераловъ, державшихъ впоследствии одновременно въ своихъ рукахъ бразды правленія двухъ главнѣйшихъ окраинъ Россіи: Кавказа и Восточной Сибіри. Между прочимъ Муравьевъ (Амурскій) сообщаетъ Николаю Николаевичу (Карскому), съ какою теплотою онъ былъ принятъ въ Москвѣ (по назначеніи его генералъ-губернаторомъ) старымъ войномъ и героемъ А. П. Ермоловымъ.

Отправляясь въ Сибирь, Муравьевъ и мы всѣ, его приближенные, вполне сознавали трудность его положенія. Какъ всегда, такъ и тогда въ руководящихъ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ высшей интеллигенціи проявлялось раздвоеніе взглядовъ: одни тяготѣли къ Западу, считали своею обязанностію возиться съ нимъ, прикрывая свою подчасъ постыдную уступчивость указаніемъ на необходимость руководствоваться маківвеллевско-меттерниховскою системою, свободною отъ всякаго нравственнаго закона, для поддержанія существующаго порядка вещей и во избѣжаніе опасности нарушенія установленнагося равновѣсія. Представителемъ этого направленія былъ гр. К. В. Нессельроде, къ которому, ради финансовыхъ соображеній, примыкалъ министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко, а поддерживалъ ихъ всею своею силою

гр. В. Н. Панинъ. Другую группу, къ которой присоединился Муравьевъ со своею энергіею, составляли кн. А. С. Меншиковъ съ своимъ сотрудникомъ по морскому вѣдомству Вас. Ал. Перовскимъ, гр. П. Н. Киселевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій. Они держались строго русской политики: никому не наступать на ногу, но и не уступать безъ надобности, изъ боязни какихъ-то мнимыхъ опасностей. Военное министерство, сначала въ лицѣ своего ревностнаго исполнителя царской воли, кн. А. И. Чернышева, а потомъ, по безошибочно рассчитанной уклончивости кн. Вас. Андр. Долгорукова, относилось какъ бы безучастно къ этимъ проявленіямъ жизни въ высшей правительственной сферѣ и ограничивалось строго лишь своею отраслью администраціи не вдаваясь въ политику ни внутреннюю, ни вѣшнюю. Гр. П. А. Клеймихель соблюдалъ тотъ же образъ дѣйствія, ревниво сторожа только, чтобы никто не заглядывалъ въ дѣла его Главнаго Управленія Путями Сообщенія и Публичными Зданіями Государственный контроль тогда не имѣлъ еще никакого значенія. Среди этихъ двухъ теченій велъ свой корабль мощною рукою Императоръ Николай, съ необычайною твердостью, рѣдкимъ умѣніемъ и прозорливостью, давая ему направленіе къ той цѣли, которую онъ считалъ задачей Русскаго Царя, съ именемъ котораго слава Россіи неразлучна. Между этими теченіями пришлось лавировать и Муравьеву. Его спасло довѣріе, котораго его удостоивалъ Самодержецъ, покровительство великой княгини Елены Павловны и рѣдко-искреннее расположеніе къ нему тогдашняго министра Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскаго. До какой степени это расположеніе было искренно и вѣстѣ съ тѣмъ благотворно глѣяло на Муравьева, доказываетъ та откровенная переписка, которую они вели между собою. Въ своемъ мѣстѣ я подтверждаю это выпискамъ изъ подлинныхъ писемъ, у меня находящихся. Имѣть хоть одного истиннаго друга, это великое счастье на землѣ. Здѣсь не могу не упомянуть еще объ одной изъ ряду выходящемъ соетѣ, который далъ молодому генераль-губернатору, при самомъ назначеніи его,

старый другъ и начальникъ его генералъ Евг. Алекс. Головинъ, къ которому Муравьевъ питалъ дѣтскую привязанность, такъ какъ на рукахъ Головина возмужала юность Муравьева, и Головинъ былъ первымъ свидѣтелемъ развивавшихся въ немъ на службѣ способностей, обратившихъ теперь на Муравьева вниманіе Государа Императора и всѣхъ искренно любившихъ Россію. По назначеніи своемъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибиряи, Николай Николаевичъ немедленно сообщалъ объ этомъ своему старому благодѣтелю и другу Е. А. Головину, передъ опытностью котораго онъ благоговѣлъ. Муравьева страшила трудность дѣла, къ которому онъ былъ призванъ, опасаясь онъ козней завистниковъ при отдаленности поля дѣйствія отъ центра государственной дѣятельности; при этомъ онъ богобоязненно выразилъ, что вся его надежда на помощь свыше. На это письмо Е. А. Головинъ отвѣтилъ ему слѣдующими словами: „не мудро, „что у тебя есть и будутъ завистники. Немного было та- „кихъ, кто бы, какъ теперь ты, имѣлъ передъ собою, на „такъ важномъ мѣстѣ, яѣтъ тридцать постоянной дѣятель- „ности. Если Богъ продлитъ жизнь твою, ты будешь имѣть „время для пріобрѣтенія опытности. Мнѣ остается только „пожелать, чтобы надежда твоя на помощь свыше не оста- „лась тщетною; а она навѣрное не будетъ тщетною тогда „только, когда будетъ основана на живой вѣрѣ по *н-ому* „смыслу ученія Евангельскаго, т. е. Христова. Свѣтъ этотъ, „открывающійся въ сердцѣ, одинъ только можетъ вывести „человѣка изъ толпы *Vulgaire*, ибо разумъ нашъ, свѣтомъ „живой вѣры не ослѣпленный, самъ по себѣ останется всегда „*Vulgaire*, какими бы способностями одаренъ бы былъ и ка- „кія бы ни имѣлъ въ себѣ познанія. Такая голова можетъ „много возвыситься надъ другими, но не выйдетъ изъ толпы „*Вольера*, и самыя свѣтоносныя истины будутъ для нея буй- „ствомъ, безуміемъ или глупостью. Паче всего не желаю „тебѣ увлечься раболѣпнымъ уваженіемъ къ такъ называе- „мому *Progrès*, кумиру, передъ которымъ мною просвѣщен- „ная Европа преклоняетъ колѣна“.

По управленію Восточной Сибирью стояли на первомъ

извѣ вопросы о Восточномъ прибрежьи нашемъ на Тихомъ океанѣ, въ связи съ дѣятельностью Сѣверо-Американской компаніи, и о занятіи устьевъ р. Амура, вопросы о Кяхтинской торговлѣ и о злоупотребленіяхъ по части золотопромышленности, акцизно-откупнаго комиссіонерства и провіантскихъ заготовленій.

Послѣ этого небольшого введенія, я постараюсь мои воспоминанія о Сибири, по возможности, взложить въ хронологическомъ порядкѣ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, откланиваясь Муравьеву, я познакомился у него съ капитанъ-лейтенантомъ Геннадіемъ Ивановичемъ Невельскимъ, назначеннымъ командиромъ военнаго транспорта „Байкалъ“, имѣвшаго отправиться въ кругосвѣтное плаваніе для доставленія въ порты Петропавловскій и Охотскій различныхъ комиссаріатскихъ, кораблестроительныхъ и артиллерійскихъ матеріаловъ. Первое впечатлѣніе сибирское получалъ я въ Тюмени, гдѣ тогда (въ январѣ 1848 г.) была въ полномъ разгарѣ знаменитая ярмарка. Трудно себѣ представить, а еще труднѣе описать разгулъ тогдашнихъ большихъ ярмарокъ, къ числу которыхъ причислялись Нижегородская, по-купеческому Макарія, Полтавская—Ильинская, Крещенская въ Харьковѣ, Мензелинская, Ирбитская и Тюменская. При несуществованіи тогда еще въ Россіи ни одной желѣзной дороги, кромѣ Царскосельской, при жалкомъ состояніи путей сообщенія, какъ грунтовыхъ, такъ и рѣчныхъ, при неразвитіи пароходства по рѣкамъ и озерамъ, ярмарки являлись совершенно исключительное значеніе и представляли въ данной мѣстности явленіе, хотя и ежегодно повторявшееся, но какое-то стоящее внѣ правилъ, развязывающее на опредѣленный срокъ всѣ узы, какъ будто внѣ ярмарки ничего болѣе не существуетъ. Гостиниць съ номерами тогда въ сибирскихъ городахъ еще вовсе не существовало, а ямщики послѣдней станціи знали, что можно останавливаться для отдыха у такого-то хозяина и туда привозили проѣзжихъ. Во время ярмарки всякій мѣстный житель, купецъ ли или мѣщанинъ, чиновникъ или солдатъ, стѣснялъ себя со своимъ семействомъ, въ полномъ смыслѣ слова—

въ уголокъ, а лучшую часть своего жилья уступалъ за высокую плату прїѣзжему на ярмарку купечеству съ безчисленными его прикащиками. Плата за время ярмарки еоставляла годовой доходъ домовладѣльца, чиновники этимъ способомъ оплачивали взимаемая ими на годъ квартиры. Здѣсь я познакомился съ типомъ сибирскаго купца тогдашняго времени: въ обществѣ, въ особенности въ присутствіи чиновнаго начальства, замѣняющаго въ Сибиріи дворянство, скромнѣе и сдержаннѣе, всегда, какъ говорится, съ камнемъ за пазухою; въ дѣлахъ прозорливѣе, смѣлѣе и ловкѣе, въ домѣ вставно по „сибирски“ гостепрїимнѣе и радушенѣе, хорошій семьянинѣ, позволяющій себѣ: за порогомъ семейнымъ, въ кругу своей братьи широкой разгулъ, а на ярмаркахъ полнѣйшую разнузданность во всѣхъ отношеніяхъ, будто семья не существуетъ. Среди ярмарочнаго разгула рѣшались крупнѣйшія торговныя дѣла, совершались многотысячныя сдѣлки. Тюменская ярмарка свела меня съ многими Иркутскими купцами, какъ молодыми, неженатыми, такъ и пожилыми; послѣднихъ я считалъ по образу жизни, которую они здѣсь вели, или за холостяковъ или за бездѣтныхъ вдовцовъ. Каково же было мое удивленіе, когда я, по прїѣздѣ въ Иркутскъ, узналъ во многихъ изъ нихъ почтенныхъ отцевъ семействъ, пользующихся уваженіемъ въ кругу семейномъ и почетомъ въ обществѣ,—ярмарки какъ будто не было. Въ Тюмени было Благородное Собраніе, гдѣ два раза въ недѣлю общество собиралось на танцевальныя вечера. Въ особенности врѣзались въ память мою прїѣздъ въ Собраніе Тобольскаго губернатора Энгельке и его отъѣздъ. Столичная молодежь тогда уже склонилась съ мыслью, что на службѣ начальникъ недослагаемо высоко стоитъ, а всѣ службы всѣ равны, всѣ безразлично—члены одного благовоспитаннаго общества, причемъ, разумѣется, отдается должное почтеніе старшимъ. Но тутъ была особенно характеристичная сцена: танцевали кадрили; вдругъ старшины клуба засуетились, полиція забѣгала, музыку и танцы остановили: губернаторъ ѣдетъ! Музыканты заиграли торжественный маршъ, входятъ болѣе средняго роста сѣдой старикъ въ вѣщъ-мун-

дирѣ со звѣздою, раскланиваясь во все стороны, провожаемый старшинами съ полицеймейстеромъ во главѣ въ особую маленькую гостиную, гдѣ ожидалъ почетнаго гостя ломберный столъ съ извѣстными, уже заранѣе избранными, партнерами, въ числѣ которыхъ непременно жандармскій штабъ-офицеръ. Въ эту комнату изъ постороннихъ почти никто не входилъ, только изрѣдка тотъ или другой любопытный позволялъ себѣ подойти къ порогу этого святилища, чтобы имѣть удовольствіе взглянуть на Его Превосходительство. По окончаніи партіи, продолжавшейся часа три, то же торжество: остановили танцы, музыка заиграла маршъ, Его Превосходительство изволятъ уѣзжать, сопровождаемый тѣмъ же внушительнымъ порядкомъ. Для непривыкшаго къ этому столичнаго посѣтителя это было необычайное зрѣлище, производившее на меня впечатлѣніе, въ которомъ я сразу не сумѣлъ себѣ дать отчета, есть ли это жалкое раболѣпство или выраженіе истиннаго высокопочитанія, или наконецъ только исконно водившійся церемоніаль, не имѣющій въ существѣ никакого значенія. Долго думалъ я о видѣнномъ, но не могъ, по неопытности, придти ни къ какому заключенію тѣмъ болѣе, что это совпадало съ разказами о нѣкоторыхъ подобныхъ же эпизодахъ изъ Сибирской полуоффиціальной жизни. Тогдашній генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ во всехъ своихъ наружныхъ проявленіяхъ разыгрывалъ царька, силясь подражать Государю Николаю Павловичу. Да! по нѣкоторымъ своимъ выходкамъ онъ казался похожимъ на Царя, но по существу онъ никогда не былъ на высотѣ возрѣній Самодержца Всероссийскаго и не понималъ всехъ тѣхъ сокровенныхъ пружинъ, которыя руководили дѣятельностью этого Рыцаря-вѣщевоспа. Кн. Горчаковъ въ первое время ѣздилъ по степи и губерніямъ постоянно со своимъ кучеромъ, и тогда только отмѣнилъ этотъ порядокъ ѣзды, когда узналъ, что лейбъ-кучеръ его, если не находилъ, садясь на козлы, по крайней мѣрѣ спенской бумажки отъ содержателя стаціи или отъ обывателей, выставлявшихъ лошадей, то загонять лошадей, чтобы доказать: знай молъ, нашихъ. Когда князь Горчаковъ на

балахъ въ Омскѣ хотѣлъ оказать особое вниманіе какой-либо барышнѣ или дамѣ, то онъ дѣлалъ съ нею одинъ туръ вальса, а потомъ, какъ бы выбрасывая ее изъ своихъ рукъ къ близъ стоящему адъютанту, приговаривалъ: На! покружи-ка ее! Онъ всѣмъ своимъ адъютантамъ и вообще непосредственно его окружавшимъ чиновникамъ говорилъ „ты“.

Повертѣвшись въ омутѣ Тюменской ярмарки трое сутокъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь по Барабинской степи, по Барабѣ, уже не на почтовыхъ лошадяхъ, а на сдаточныхъ, отъ дружка къ дружку. Въ то время, кто не имѣлъ особенной надобности представляться высшему мѣстному начальству, тотъ не заѣзжалъ въ тогдашнюю столицу Западной Сибири, Омскъ, такъ что большая часть проѣзжихъ по Барабѣ миновала этотъ, къ тому же не привѣтливый, городъ, созданный княземъ Горчаковымъ единственно въ видахъ военно-административныхъ, близъ границы Большой Орды, по которой кочевали непокорные тогда еще и безпозойные Киргизы, Чингисъ-Хановы потомки. Отъ Тюмени до Томска считалось, что ѣдешь по Барабѣ, хотя собственно Барабинская степь простирается отъ Тюкалинска до Кавска. Что-за пергобытность нравовъ, что-за прелесть Сибирскаго хлѣбосоляства по этой степи, какая зажиточность, какой избытокъ перевозочныхъ средствъ! У перваго селенія, гдѣ начинается сдаточная ѣзда, встрѣчаетъ вашу повозку цѣлая ватага лихихъ ямщиковъ, верховныхъ, съ гамомъ и гикомъ. Чья шапка попала въ повозку, а если нѣсколько, то чью схватилъ владѣлецъ повозки, къ тому во дворъ везутъ проѣзжаго. Пока лошадей перепрягаютъ, привѣтливая хозяйка, либо мать старушка, либо молодца, хлопчуть, чтобы хоть чѣмъ-нибудь угостить дорогаго гостя; самоваръ всегда готовъ, а въ обѣденную пору — отличныя щи и жаркое, и за это ничего не платится, слышится одна только приговорка: кушай, голубчикъ, на здоровье, кушай, нашъ родимый! Взнявшій сѣдока на первой перепряжкѣ ямщикъ везетъ его на слѣдующую станцію непремѣнно къ своему дружку и такъ по всей степи

отъ дружка къ дружкѣ, вездѣ та же привѣтливость, то же желаніе угодить проѣзжему, а плата вмѣсто 3 коп. на версту за пару, получаемыхъ чиновникамъ отъ казны прогонныхъ денегъ, по 2 коп. на версту за тройку. Бѣдному чиновнику просто благодать: сбереженіе отъ прогоновъ, да еще даромъ кормятъ. Впрочемъ, тароватыхъ въ обществѣ и расчетливыхъ въ домашнемъ быту Сибирскихъ купцовъ везли на тѣхъ же условіяхъ, а такъ какъ большая часть изъ нихъ проѣзжала по Барабѣ два раза въ году, на Нижегородскую ярмарку въ іюлѣ и на Тюменскую—въ январѣ, то всѣхъ ихъ тамъ дружки знали по имени и отчеству.

Вотъ и Томскъ, центръ Сибирской золотопромышленности. Тамъ жили тогда тузы этого дѣла Гороховъ и Филимоновъ, поражавшіе всѣхъ своею безумною расточительностью, и И. Д. Асташевъ, отличавшійся разумною роскошью своей обстановки; первымъ поклонялись, какъ несмѣтнымъ богачамъ да и только, а послѣдняго искренно уважали и любили. Здѣсь кстати вспомнить объ одномъ миломъ поступкѣ И. Д. Асташева, вполне его характеризующемъ. Губернеръ сына Асташева, тогда маленькаго Веньямина, иностранецъ Лютцъ, за обѣденнымъ столомъ, при разговорѣ о количествѣ пудовъ добытаго въ томъ году на приискахъ Асташева золота, какъ-то шутя, выразился: какой бы я былъ счастливецъ, когда бы на мою долю выпалъ хотя одинъ пудикъ! У И. Д. Асташева въ высшей степени былъ развитъ органъ слуха; хотя онъ сидѣлъ на другомъ концѣ стола, но, расслышавъ эти слова Лютца, сказанныя безъ всякаго умысла и почти шопотомъ, онъ какъ бы въ отвѣтъ сказалъ ему: „г. Лютцъ, если одинъ пудъ золота дѣйствительно можетъ составить ваше счастье, то извольте, я вамъ даю его“. Тутъ же онъ выдалъ Лютцу записку въ его контору объ отпускѣ ему суммы, равной стоимости одного пуда золота. Эти деньги составляютъ основаніе того скромнаго состоянія, съ которымъ Лютцъ, по окончаніи воспитанія Веньямина Ивановича Асташева, уѣхалъ на родину. Въ то же время начиналъ въ Томскѣ, въ знаніи чиновника особыхъ порученій генералъ-губернатора Западной Сибири, свою дѣятельность Альфонсъ

Фомичъ Козелло-Паклевскій, одинъ изъ богатѣйшихъ теперь собственниковъ на Русь. Ему была поручена развозка спирта съ винокуренныхъ заводовъ по всей Западной Сибири на правѣ коммерческомъ. Въ Томскѣ не было никакихъ достопримѣчателностей, никакихъ развлеченій. Здѣсь впервые поразила меня рѣзкій переходъ отъ шумной масляницы къ великому посту, переходъ въ столицѣ, вообще незамѣтный, а въ особенности для молодежи.

Окоро и легко совершился и переѣздъ отъ Томска до Красноярска, перваго на пути въ Иркутскъ губернскаго города Восточной Сибири, гдѣ мнѣ приказано было дожидаться прибытія генераль-губернатора, котораго ожидали съ замирающимъ сердцемъ. Что-то будетъ? спрашивали каждый самого себя и всѣ между собою. Въ Красноярскѣ мнѣ была отведена квартира въ домѣ купца-золотопромышленника, Виссаріона Федоровича Машарова, братъ котораго даже совершилъ путешествіе въ Бразилію съ цѣлью изучить тамъ способъ разысканія драгоценныхъ камней, рассчитывая применить его къ Сибирской тайгѣ. Еще до пріѣзда генераль-губернатора я былъ пораженъ въ одно прекрасное утро появленіемъ ко мнѣ одного господина среднихъ лѣтъ, входившаго ко мнѣ съ вопросомъ: *Sind Sie der kleine Berni Struve aus Dorpat, den ich oft begegnet und gesehen habe im Hause des Professor's Kruse, wo ich als Student wohnte.* Получивъ утвердительный отвѣтъ, этотъ господинъ продолжалъ: *Erlauben Sie mir mich ihrem freundlichen Wohlwollen zu empfehlen. Ich bin Julius Stubendorf, dessen Sie sich doch wohl erinnern werden* ¹⁾. Смутно я что-то помнилъ и признаюсь, что я былъ крайне обрадованъ встрѣтить на чужбинѣ стариннаго знакомаго, знавшаго все мое семейство и меня маленькимъ мальчикомъ. Съ юношескимъ увлеченіемъ я бросился ему на шею, и съ этого момента онъ сталъ

---

¹⁾ Не вы ли тотъ маленький Берни Струве изъ Дерпта, котораго я такъ часто встрѣчалъ и видѣлъ въ домѣ профессора Крузе, гдѣ я жилъ, будучи студентомъ.

Позвольте мнѣ поручить себя вашему дружескому расположенію. Я Юлій Штубендорфъ, котораго вы вѣроятно помните.

играть не малую роль въ моей жизни сибирской, тѣмъ болѣе, что онъ игралъ впоследствии выдающуюся роль въ Восточной Сибири, во время управленія ею генераль-губернатора Муравьева, которымъ Штубендорфъ, хотя и докторъ медицины, былъ опредѣленъ на службу, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, на первыхъ порахъ, сверхштатнымъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій. Повторяю, съ трепетомъ ожидали пріѣзда генераль-губернатора, что и случилось 27 февраля 1848 г. вечеромъ. Встрѣтили его въ роскошномъ домѣ Мясниковыхъ только губернаторъ, Василій Кирилловичъ Падалка, и я; кромѣ насъ обихъ, генераль-губернаторъ никого въ этотъ вечеръ не принималъ. Свиданіе съ губернаторомъ было самое короткое, а мнѣ было приказано явиться на другое утро въ 8 час. за приказаніями. Въ то время много шуму надѣлало пресловутое дѣло объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ и еще нѣкоторыя другія золотопромышленныя дѣла, въ особенности о такъ называемыхъ казенныхъ остаткахъ, раздававшихся въ видѣ особой монаршей милости различнымъ, близь престола стоявшимъ, лицамъ. Это было дѣло самой гнусной, постыдной спекуляціи. Никогда и нигдѣ подкупъ не проявлялся въ такой нахальной формѣ и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ дѣлѣ золотопромышленномъ. Самыя высокопоставленныя лица негнушались участвовать въ подобныхъ спекуляціяхъ. Цѣлыя шайки безчестныхъ людей были заняты подыскиваніемъ причинъ для зачисленія того или другаго пріиска, на основаніи закона, казеннымъ остаткомъ. Сегодня это зачисленіе совершилось, а завтра уже поступаетъ къ Царю ходатайство о предоставленіи права разработки этого пріиска какому-либо высокопоставленному лицу или компаніи, въ которой эти лица негласно участвуютъ...

28 февраля, утромъ, былъ отправленъ въ Петербургъ всеподданнѣйшій рапортъ о вступленіи Муравьева въ управленіе Восточною Сибирью и въ командованіе войсками, въ ней расположенными. Явившись къ Муравьеву, я получилъ іяриказаніе отправиться въ Губернскій Судъ для рассмотрѣнія во всей подробности многотомнаго дѣла объ Ольгинскомъ

и Платоновскомъ приискахъ, съ цѣлью составленія изъ него, по возможности, подробнаго доклада. Этимъ я былъ занятъ въ теченіе пяти дней пребыванія генераль-губернатора въ Красноярскѣ и, разумѣется, успѣлъ сдѣлать только поверхностный обзоръ этого огромнаго дѣла и составить нѣкоторыя выписки, которыя вмѣстѣ съ дѣломъ представлялъ на усмотрѣніе Муравьева. Разсмотрѣніе въ Красноярскѣ дѣла объ Ольгиномъ и Платоновскомъ приискахъ и еще другихъ подобныхъ дѣлъ имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ своего рода легкую демонстрацію со стороны Муравьева по отношенію къ богачамъ. До разсмотрѣнія этихъ дѣлъ Муравьевъ обѣщалъ было богачамъ Машаровымъ, что на пути изъ Красноярска въ Иркутскъ они примутъ отъ нихъ обѣденный столъ въ гор. Канскѣ, гдѣ они владѣли великолѣпно устроеннымъ домоу. Прочитавъ эти дѣла, онъ пришелъ къ убѣжденію, что поклоненіе богатству составляетъ отличительную черту не только чиновниковъ, но и присутственныхъ мѣстъ въ Сибири. Поэтому желая, съ перваго вступленія въ управленіе этимъ краемъ, доказать, что богатство не должно давать никакихъ преимуществъ передъ закономъ и властью, онъ поручилъ мнѣ передать гг. Машаровымъ, чтобы они не надѣялись, что онъ къ нимъ заѣдетъ въ Канскъ. Исполняя данное мнѣ порученіе, я замѣтилъ, что это страшно озадачило гг. Машаровыхъ, которые рассчитывали изъ этого посѣщенія извлечь немалыя для себя выгоды. Увы! ускользнула рыбка, не попавшая на удочку! Канскъ былъ центромъ найма рабочихъ на золотые промыслы, отсюда уходили на промыслы, сюда выходили изъ тайги бѣдные труженники со своимъ заработкомъ, здѣсь проливали они свои трудовые рубли и здѣсь же опять нанимались на промыслы; отсюда же отправлялись въ тайгу всѣ запасы на время лѣтнихъ работъ, поэтому установить здѣсь убѣжденіе, что генераль-губернаторъ, — гроза Восточной Сибири, благоволяетъ къ Машаровымъ, дѣлить съ ними хлѣбъ-соль, имѣло свою пріятность, подававшуюся всевозможнымъ расчетамъ. Послѣ осмотра войскъ и объѣзда въ теченіе пяти дней всѣхъ город-

скихъ и общественныхъ заведеній, мѣсть заключенія и т. д., мы выѣхали изъ Красноярска въ Иркутскъ. Я позволяю себѣ говорить „мы“ потому, что со дня пріѣзда Муравьева въ Красноярскъ я былъ принятъ имъ и его супругою Екатериною Николаевною какъ родной сынъ. Здѣсь я расстался со своимъ спутникомъ изъ Петербурга А. И. Красильниковымъ, сибирскимъ уроженцемъ, возвращавшимся на родину съ намѣреніемъ продолжать службу подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева, которому онъ былъ рекомендованъ ревизовавшимъ Восточную Сибирь сенаторомъ И. Н. Толстымъ. У адъютанта Вас. Мих. Муравьева была своя просторная повозка, въ которую я перемѣстился со своимъ багажемъ. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ путешествіе. Съ этого часа начинается то близкое знакомство мое съ Василиемъ Михайловичемъ, которое кончилось бы тѣсною дружбою, еслибы смерть не похитила преждевременно этого славнаго юношу, про котораго Головинъ писалъ Муравьеву, что онъ пріобрѣтаетъ въ немъ хорошаго офицера, усерднаго въ службѣ, при томъ дѣльнаго, основательнаго и скромнаго. Я отъ себя прибавляю, что это была душа теплая, чистая, свѣтлая, благоговѣвшая передъ сердцемъ и умомъ своей матери Пелаг. Вас. Муравьевой, урожденной Шереметевой. „Она чуетъ сердцемъ и понимаетъ умомъ многое, что другимъ невдомекъ“, говаривалъ про нее Василій Михайловичъ, читая получаемыя имъ отъ нея за шесть тысячъ верстъ задушевныя письма.

Быстро промчались мы отъ Красноярска до Иркутска, остановились только на нѣсколько часовъ въ Нижнеудинскѣ, гдѣ безпорядки по управленію округомъ обратили на себя вниманіе генераль-губернатора. Желво и рѣшительнаго распорядился Муравьевъ, чтобы водворить довѣріе къ власти, которое за послѣднее время было тамъ совершенно утрачено.

Пріѣхали мы въ Иркутскъ ночью въ 3-мъ часу. Утромъ въ 9 час. Муравьевъ уже былъ на ногахъ, принялъ полицеймейстера и даже нѣсколько просителей, а затѣмъ и губернатора А. В. Пятницкаго, которому предложилъ подать прошеніе объ увольненіи отъ должности, такъ какъ онъ,

Муравьевъ, не считалъ возможнымъ продолжать службу совместно съ нимъ. Независимо отъ многихъ другихъ причинъ, окончательно побудило Муравьева къ этому рѣшительному шагу убѣжденіе, вынесенное имъ изъ разсмотрѣнія дѣла объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ приискахъ, и вообще характеръ дѣятельности по золотопромышленнымъ дѣламъ, производившимся въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири, въ которомъ, за отсутствіемъ генераль-губернатора, предсѣдательствовалъ Иркутскій губернаторъ Пятницкій въ теченіе продолжительнаго времени.

Смотръ войскъ, общій пріемъ чиновниковъ, посѣщеніе присутственныхъ мѣстъ и разсмотрѣніе вечеромъ до ночи и рано утромъ съ замѣчательною провѣстительностью и быстротою главнѣйшихъ дѣлъ по управленію краемъ, занимали Муравьева въ послѣдующіе за пріѣздомъ нашимъ дни и дали ему возможность и право уже 25-го марта 1848 г. послать Государю Императору всеподданнѣйшій рапортъ съ приложеніемъ особой записки, надѣлавшей много шума въ высшей административной сферѣ по новому взгляду на золотопромышленность, высказанному въ этой запискѣ.

„Золотопромышленность, недавно еще возбуждавшая всеобщее вниманіе къ неисчерпаемымъ богатствамъ Восточной Сибири, — писалъ Муравьевъ, — клонится уже къ упадку: приписки бѣднаго содержанія оставлены безъ разработки по чрезмерной дороговизнѣ въ содержаніи рабочихъ, богатые приiski выработываются, а новыхъ значительныхъ открытій не дѣлается. По всѣмъ вѣроятіямъ однако жъ можно заключить, что въ Восточной Сибири золотыя россыпи дѣйствительно неисчерпаемы. Не смѣю разрѣшить вопроса, полезно ли для государства, чтобъ частная золотопромышленность распространялась, но я убѣжденъ въ томъ, что доколѣ она существуетъ и дозволена, то Вашему Величеству угодно, чтобъ богатства эти распредѣлялись болѣе справедливо и правильно, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлается. А между тѣмъ существующій порядокъ способствуетъ къ захватамъ одними лицами большихъ золотоносныхъ пространствъ, къ захватамъ чужихъ открытій и къ раззоренію золотопромышлен-

„никовъ, неизмѣющихся розсыней чрезмѣрно богатаго содер-
 „жанія. Соображая различныя законоположенія, по этому
 „предмету существующія, мѣстное по нимъ исполненіе, по-
 „рядокъ судопроизводства, составъ направленія присутствен-
 „ныхъ мѣсть, я осмѣливаюсь сказать, что въ настоящемъ
 „видѣ, при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ Вашего Величества,
 „предметъ этотъ, возбуждающій до высшей степени наиболѣе
 „свойственную человѣку слабость—корысть или любостыжаніе,—
 „будетъ источникомъ несправедливостей, неправосудія и об-
 „щаго развращенія нравовъ во всѣхъ состояніяхъ, до него
 „касающихся. Еслибы споры и тяжбы между частными откры-
 „вателями и владѣльцами пріисковъ обыкновенно о старшин-
 „ствѣ и неопредѣлительности первоначальныхъ заявокъ и о
 „неправильности въ измѣреніи отведенныхъ площадей,—го-
 „ворить далѣе Муравьевъ—могли оканчиваться въ пользу
 „одной или другой стороны, то дѣла эти подходили бы подъ
 „общій порядокъ судопроизводства въ цѣломъ государствѣ;
 „на золотовосныхъ же розсыпахъ, при всякомъ спорѣ, воз-
 „никающемъ между частными лицами отъ вышесказанныхъ
 „причинъ, является, въ силу существующихъ узаконеній,
 „третья сторона со своими уже правами на открытую роз-
 „сыпь—*это казна!* и дѣло неминуемо запутывается болѣе и
 „болѣе. По всей строгости существующихъ узаконеній, весьма
 „рѣдкій золотой пріискъ могъ бы оставаться за настоящимъ
 „своимъ открывателемъ или владѣльцемъ. Почти вездѣ есть
 „отступленія, достаточныя для того, чтобы по законамъ пріиска
 „обратить въ казну, но казна до сихъ поръ объявляла обык-
 „новенно свои права на пріиски *богатаго содержанія и по ос-
 „бымъ только случаямъ.* Ваше Величество! я здѣсь какъ стар-
 „шій блюститель законовъ и первый защитникъ казны, дол-
 „женъ бы, не ожидая доносовъ, искательствъ и споровъ сдѣ-
 „лать строгую провѣрку по первоначальнымъ заявкамъ всѣмъ
 „золотовоснымъ площадямъ, отведеннымъ въ частное владѣніе,
 „и *большая часть ихъ, на основаніи узаконеній, были бы за-
 „числены въ казну;* но я уже сказалъ выше, что новыя
 „открытія не дѣлаются, и частная золотопромышленность вло-
 „нитъ къ упадку вслѣдствіе тѣхъ *особыхъ случаевъ,* кото-

„рыми казна воспользовалась, чтобы отобрать отъ частныхъ лицъ только *нѣкоторые* пріиски“.

Это откровенное, рѣдко-безкорыстное и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно смѣлое, въ виду бури страстей, которая неминуемо должна была подняться въ высшихъ сферахъ, изложеніе передъ вѣнценосцемъ положенія золотопромышленнаго дѣла — разумѣется не могло не понравиться Царю-рыцарю и произвело на него глубокое впечатлѣніе: онъ ясно понялъ *le dessein des cartes* о казенныхъ остаткахъ и доказалъ это на дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ и согласно вышеназложеннымъ основаніямъ Муравьевъ представилъ Государю 28-го Августа 1848 г. проектъ *единой* Компаніи золотопромышленности въ Восточной Сибиря съ подробною объяснительною запискою. Гражданское Управленіе по Енисейской губерніи представлялось въ болѣе или менѣе благопріятномъ видѣ. Недостатокъ въ благонадежныхъ чиновникахъ тамъ былъ менѣе замѣтенъ, и жалобъ на притѣсненія отъ цѣлыхъ волостей или сословій не было приносимо, потому что тогдашніе Енисейскіе Губернаторъ В. К. Падалка и Предсѣдатель Губернскаго Правленія Родюковъ по возможности преслѣдовали злоупотребленія, не изыскивая собственныхъ своихъ выгодъ. Совершенно въ иномъ видѣ представлялась Иркутская губернія. Съ самаго вѣзда въ нее посыпались къ генераль-губернатору самыя вопіющія жалобы отъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ низшаго класса на притѣсненія, дѣлаемые ими чиновниками. Въ особенности поражали Муравьева жалобы отъ инородцевъ — Бурятъ Иркутскаго Округа, которые толпами приходили въ губернский городъ. По пріѣздѣ въ Иркутскъ я былъ немедленно опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, и Муравьевъ поручилъ моему особому надзору всѣ дѣла по инородческимъ дѣламъ. По примѣру того, какъ въ Астраханской губерніи существуетъ должность главнаго попечителя Калмыцкаго народа, Муравьевъ поручилъ мнѣ главное попеченіе о Бурятахъ Иркутской губерніи. Въздѣтвіе этого я поселился, съ мая 1848 года, въ центрѣ Инородческаго Вѣдомства, въ Идинской Степной Думѣ; всѣ дѣла, касава-

шіяся Бурятъ, съ этого времени проходили черезъ мои руки, такъ что самъ Муравьевъ, Екатерина Николаевна и всѣ приближенные Муравьева меня иначе не называли, какъ *le père des Bougiats*, которые, говоря безъ хвастовства, меня любили и уважали, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боялись, потому что, когда нужно было, я былъ также и строгъ, и распоряжался по-степенному. Одни Буряты исповѣдуютъ буддизмъ въ формѣ ламаизма, а другіе шаманизмъ. Замѣчательно, что шаманизмъ въ Сибири за Байкалъ вовсе не распространился, а ламаизмъ перешелъ на западную сторону Байкала только въ одно вѣдомство¹⁾ Иркутскаго Округа, въ Аларское. Для изслѣдованія ламаизма, то есть вліянія касты жрецовъ-ламъ на Бурятъ съ цѣлью установленія какихъ-либо правилъ для завѣдывающихъ духовною частью этого народа, въ 1848 году былъ командированъ въ Иркутскъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ камеръ-юнкеръ А. П. Левашевъ, труды котораго впоследствии послужили основаніемъ для изданія штата ламъ, зависимыхъ отъ главнаго ламы, Хамбы-Ламы, имѣвшаго сѣдалище на Гусиномъ озерѣ за Байкаломъ, недалеко отъ города Селенгинска, гдѣ куруль или дацанъ его (ламаитскій монастырь составлялъ предметъ особаго любопытства для всѣхъ путешественниковъ по Восточной Сибири. Архіепископъ Иркутскій, преосвященный Нилъ, задвѣлся было тогда идеею крещенія Бурятъ во что бы то ни стало, и не щадилъ никакихъ соблазнительныхъ для простодушнаго ивородца мѣръ. Такъ главный тайша Балаганскаго вѣдомства получилъ по его ходатайству кресть Св. Владиміра 4-ой ст. за принятіе имъ самимъ Св. крещенія и окрещеніе одновременно съ нимъ 600 Бурятъ его вѣдомства. Когда преосвященный Нилъ выѣхалъ въ Балаганскую Степную Думу для совершенія этого торжества крещенія всенародно, желающихъ креститься не оказалось и половины этого числа, и послѣ того годами собирали по-одиночкѣ изъявившихъ желаніе креститься всякими правдами и неправдами. Всякому

¹⁾ Буряты Иркутскаго Округа раздѣлены на вѣдомства по ролоничальникамъ—тайшамъ, ихъ всего 7: Балаганское, Идинское, Кучинское, Аларское, Верхояленское, Ленское и Капсальское.

крещаемому инородцу полагались отъ правительства крестъ и нижняя одежда, рубашка и исподнее. Духовенство давало такимъ новокрещаемымъ еще отъ себя денежное пособіе, чтобы отличиться своимъ усердіемъ въ глазахъ владыки и угодить ему. Частенько случалось, что какой-нибудь конокрадъ, воръ или мошенникъ изъ Бурятъ, который по законамъ степнымъ подлежалъ преслѣдованію и примѣрному наказанію, убѣжить изъ кочевья. И гдѣ его найдешь? Въ оградѣ Иркутскаго собора, подъ покровительствомъ протоіерея, которому поручались преосвященнымъ эти негодяи подъ предлогомъ наставленія и укрѣпленія въ правилахъ христіанской вѣры, къ которой они изъявили будто-бы чистосердечное желаніе присоединиться. А за этимъ и всякой расправѣ съ подобными молодцами — конецъ. Когда ихъ привлекали къ отвѣтственности послѣ окрещенія, то говорилось, что однородцы преслѣдуютъ ихъ за принятіе Св. крещенія, и преосвященный считалъ своею обязанностью за нихъ заступиться. Много ссорился я съ владыкою паъ-за подобныхъ лицъ и большою частью безуспѣшно. Эти прискорбныя столкновенія съ духовнымъ начальствомъ кончились только въ 1853 году, когда преосвященный Нилъ былъ перемѣщенъ въ Ярославль, и на мѣсто его былъ назначенъ преосвященный Афанасій, истинный пастырь церкви, съ строго опредѣленнымъ взглядомъ на свои обязанности, отъ котораго онъ, ни ради чего и ни для кого не отступалъ. Чтобы кончить съ этимъ тяжелымъ воспоминаніемъ объ образѣ дѣйствій преосвященнаго Нила, я расскажу здѣсь, какъ онъ въ 1853 году, когда я уже состоялъ въ должности управляющаго Иркутскою губерціею, со мною простился при отъѣздѣ своемъ изъ Иркутска. Преосвященный Нилъ былъ человѣкъ колоссальнаго ума, но суровый, даже жесткій. Въ теченіе пяти лѣтъ я никогда не только не вдалъ, но даже не могъ подмѣтить въ немъ проявленія какой-либо мягкости.

Когда онъ въ 1853 г. по первому лѣтнему пути уѣжалъ изъ Иркутска, городской голова А. П. Медвѣдниковъ приготовилъ для переправы его черезъ Ангару особую большую лодку съ стеклянною рубкою, раскрытою на всѣ стороны,

такъ что, какое бы положеніе ни приняла лодка при переправѣ, преосвященный всегда могъ видѣть кафедральный соборъ и архіерейскій домъ, въ которомъ онъ жилъ 17 лѣтъ и провелъ лучшіе годы своей жизни. Разумѣется, провожали его духовенство, чиновники съ начальникомъ губерніи во главѣ, купечество и масса народа. Усѣвшись на приготовленное ему въ стеклянной рубкѣ сѣдалище, онъ облокотился на столъ, долго, пристально и молча глядѣлъ на соборъ. Мы всё стояли нѣсколько поодаль, царствовала полнѣйшая тишина. Тутъ я впервые подмѣтилъ, что изъ глазъ преосвященнаго Нила покатилося нѣсколько слезъ по блѣднымъ его щекамъ. Мы подходили къ противоположному берегу, гдѣ стоялъ тарантасъ, въ которомъ онъ со свитою долженъ былъ отправиться въ дальній путь. Преосвященный внезапно всталъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ: „Мы постоянно съ вами ссорились, но я васъ люблю, вы мнѣ всегда говорили правду, до свиданія!“ Онъ перекрестилъ меня и мы обнялись. Я до того былъ изумленъ, что не зналъ, что отвѣчать. Затѣмъ простившись съ остальными и благословивъ крестнымъ знаменіемъ всѣхъ провожавшихъ его, онъ сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ. Я думаю, что никогда больше съ нимъ не увижусь. Но нѣтъ. Въ 1862 году преосвященный Нилъ присутствовалъ здѣсь въ Св. Синодѣ. Мнѣ привелось съ нимъ встрѣтиться, я былъ у него, и мы бесѣдовали съ нимъ весьма откровенно нѣсколько часовъ о временахъ былыхъ, пркутскихъ.

Мы всё трое, В. М. Муравьевъ, А. О. Стадлеръ и я, были въ нѣкоторомъ недоумѣніи, какъ намъ держаться по отношенію къ государственнымъ преступникамъ, декабристамъ. Недоумѣніе это немедленно было разрѣшено генералъ-губернаторомъ: онъ позволилъ намъ смотрѣть на нихъ какъ на равноправныхъ членовъ мѣстнаго общества, въ средѣ котораго они и до насъ уже вращались совершенно свободно, наравнѣ съ остальными болѣе просвѣщенными жителями города. Въ двухъ домахъ бывшихъ князей ссыльно-поселенцевъ, Сергія Григорьевича Волконскаго и Сергія Петровича Трубецкаго, собиралось все болѣе просвѣщенное общество губернскаго города. Главн этихъ домовъ считались посе-

левцами, водворенными въ одномъ изъ ближайшихъ къ городу селеній Урлѣ и временно будто приѣзжавшими только въ городъ для свиданія со своими семействами, но въ дѣйствительности они постоянно проживали въ своихъ домахъ, записанныхъ по городскимъ спискамъ на имя ихъ женъ, просторныхъ и роскошно убранныхъ по образцу лучшихъ столичныхъ барскихъ домовъ, соотвѣтственно тѣмъ большимъ средствамъ, которыя жены этихъ государственныхъ преступниковъ получали отъ своихъ родственниковъ изъ Москвы или Петербурга. Княгиня Марія Николаевна Волковская была дочь известнаго генерала Н. Н. Раевского, героя 1812 года, умершаго въ 1827 году, а княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая—урожденная графиня Ла-Валь. Высшее утонченное образованіе, полученное этими двумя дамами въ молодости, поставило ихъ выше всякихъ сословныхъ предразсудковъ. У Волковскихъ были тогда сынъ Михаилъ, ученикъ старшаго класса Иркутской гимназіи и дочь Елена (Нелли) 13-ти лѣтъ; у Трубецкихъ—три дочери: Александра, уже взрослая, Елизавета и Зинаида, воспитывавшіяся въ Иркутскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, и сынъ Иванъ 7 лѣтъ. Такъ какъ я, по воспитанію въ Императорскомъ Лицеѣ, былъ прежде всего un jeune homme de bon ton, то княгиня М. Н. Волковская просила меня наперочивать ея любимица Мишу, что я съ удовольствіемъ и принялъ на себя, польщенный вниманіемъ ко мнѣ почтенной дамы. Нѣкоторые другіе декабристы, поселенные близъ Иркутска, жили также въ городѣ скромно и уединенно, посѣщая постоянно дома Волковскихъ и Трубецкихъ, съ которыми они составляли, такъ сказать, одну семью. Изъ нихъ Петръ Александровичъ Мухановъ и Александръ Викторовичъ Поджіо просвѣщеннымъ своимъ умомъ, привѣтливостью обращенія и выработанностью взглядовъ на условія Сибирской жизни, болѣе всѣхъ плѣняли насъ своими бесѣдами. Къ декабристамъ причислялъ себя, но никогда не былъ ими признаваемъ за товарища по дѣлу, Владимиръ Федосеевичъ Раевскій, поселенный въ 70 верстахъ отъ Иркутска въ селѣ Оловкахъ. Онъ былъ женатъ на простой оловской крестьянкѣ, Авдотѣ Моисеевнѣ, женщинкѣ со здравымъ

умомъ и сибирскимъ тактомъ, благодаря которому она, появляясь въ обществѣ, не заставляла за себя краснѣть своихъ дочерей Александру и Вѣру, вполнѣ благовоспитанныхъ и получившихъ порядочное образованіе отъ отца. Самъ генераль-губернаторъ и супруга его Екатерина Николаевна вскорѣ послѣ пріѣзда въ Иркутскъ сдѣлали визитъ княгинямъ Волконской и Трубецкой и этимъ самымъ указали, какое мѣсто они пожелали предоставить ихъ семейству въ средѣ Иркутскаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы поощрили наше сближеніе съ ними. Сами государственные преступники вели себя по отношенію къ Муравьевымъ и къ намъ, какъ къ лицамъ оффиціальнымъ, съ утонченною деликатностью, не давая ни малѣйшаго повода къ какимъ-либо нареканіямъ. Тѣмъ не менѣе губернаторъ Пятницкій, изъ досады, что ему было предложено оставить службу въ Сибиря, еще до увольненія своего отъ должности, счелъ своею обязанностью, изъ вѣрноподданнической преданности Царю и отечеству, послать въ Петербургъ доносъ, въ которомъ онъ въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовывалъ предосудительность сближенія Муравьева и ближайшихъ къ нему чиновниковъ съ декабристами надѣясь вѣроятно этимъ поправить свое положеніе въ служебномъ мірѣ. Отъ шефа жандармовъ графа Алексѣя Федоровича Орлова, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, доносъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ присланъ къ генераль-губернатору Муравьеву для доставленія соотвѣтственнаго объясненія. Ник. Ник. Муравьевъ, сколько я помню, отвѣтилъ на этотъ доносъ приблизительно слѣдующее: что онъ убѣжденъ, что такъ называемые декабристы теперь (т. е. въ маѣ 1848 г.), искупивъ заблужденія своей юности тяжелою карою, принадлежатъ къ числу лучшихъ подданныхъ Русскаго Царя; что никакое наказаніе не должно быть пожизненнымъ, такъ какъ цѣль наказанія есть исправленіе, а это вполнѣ достигнуто по отношенію къ декабристамъ и что нѣтъ основанія оставлять ихъ изверженными навсегда изъ общества, въ составѣ котораго они имѣютъ право числиться по своему образованію, своимъ нравственнымъ качествамъ и теперешнимъ полити-

ческимъ убѣжденіямъ. На объясненіи, данномъ Муравьевымъ въ этомъ смыслѣ, Императоръ Николай I написалъ: „Благодарю. Муравьевъ меня понялъ“. — Губернаторъ Пятницкій за доносъ на генераль-губернатора былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. По поводу этого доноса и многихъ другихъ, полученныхъ въ Петербургѣ, Л. А. Щеро-вскій 26 іюли 1848 г. написалъ Ник. Ник. Муравьеву рѣдко дружеское письмо, такого содержанія: „вы безъ сомнѣнія увѣрены въ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи и въ томъ, что я отъ души желаю вамъ добра и успѣха; посему мнѣ кажется, что полная откровенность должна быть необходимымъ условіемъ взаимныхъ нѣшихъ отношеній. Въ этомъ убѣжденіи я буду вамъ говорить всегда то, что мыслю и вызываю васъ поступать со мною также. Здѣсь распускаютъ слухи о вашей вспыльчивости, которая будто выходитъ часто изъ дозволенныхъ границъ; о послѣдствіяхъ, съ которою вы осуждаете людей, прежде, чѣмъ имѣли время ихъ узнать или даже выслушать и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что чиновники вредные для службы, отъ которой вы ихъ удалили, суть распространители этихъ слуховъ, не менѣе того не теряйте изъ вида, что у насъ есть здѣсь всегда болѣе или менѣе покровителей, которые готовы вторить своимъ кліентамъ, т. е. громко сожалѣть о мнимыхъ жертвахъ, осуждать ваши дѣйствія, жаловаться на нихъ и кричать. Я совершенно понимаю ваше положеніе, вы не любите злоупотребленій, которыхъ во ввѣренномъ вамъ краѣ бездна, и потому принимаете все къ сердцу. Въ ваши дѣла я преслѣдовалъ всякій безпорядокъ и всякую несправедливость или злоупотребленіе съ горячностью и настойчивостью; теперь та же настойчивость у меня осталась, но горячности уже нѣтъ, и едва-ли послѣдніи методы не лучше прежней. Это ведетъ меня къ тому, чтобы дать вамъ дружескій совѣтъ: дѣйствуйте, сколько можно осмотрительно, клянокровиво, безъ шума и отдаляйте всякій поводъ къ нареканіямъ и жалобамъ. У васъ есть общіе знакомые, М. Н. М. и В. В. С., которыхъ вы можете увѣдомить, когда не будете писать ко мнѣ, о всякомъ случаѣ,

„выходящемъ изъ обыкновенной колеи: это дастъ возмож-
 „ность опровергать ложные слухи и сплетни. По свѣдѣнiямъ,
 „которыя вы мнѣ сообщили о Пятницкомъ, я видѣлъ, что
 „онъ человекъ не совсѣмъ чистый, но теперь убѣдился, что
 „онъ, сверхъ того, и глупъ и золъ; это ясно видно изъ по-
 „ступка его противъ васъ, о чемъ пишу къ вамъ официально
 „съ будущею почтою. Если Пятницкiй еще въ Иркутскѣ,
 „я это письмо дойдетъ къ вамъ, какъ полагаю, прежде мо-
 „его отношенiя, то прошу остановить выѣздъ Пятницкаго
 „впередъ до полученiя сказанной бумаги“. — Пятницкаго уже
 не было въ Иркутскѣ, онъ выѣхалъ первымъ лѣтнимъ пу-
 темъ, а письмо было получено въ первыхъ числахъ августа.

Еще за мѣсяць до полученiя отъ Л. А. Перовскаго этого
 письма, Н. Н. Муравьевъ сообщилъ ему о своихъ распоря-
 женiяхъ противъ злоупотребленiй откупщиковъ и въ осо-
 бенности о мѣрахъ, принятыхъ имъ для сопровожденiя ра-
 бочихъ при выходѣ съ золотыхъ приисковъ до мѣстъ ихъ
 постоянного жительства, съ цѣлью удержанiя ихъ отъ пьян-
 ства и сохраненiя у нихъ заработанныхъ денегъ, въ томъ
 предположенiи, что они, по прибытiи въ мѣста ихъ водво-
 ренiя, съ немалыми средствами, употребятъ таковыя на домо-
 обзаведенiе и устройство своего быта на болѣе прочныхъ
 основанiяхъ, чѣмъ ежегодныя заработки на приискахъ, тамъ
 же пропиваемые безъ остатка. Въ то же время Муравьевъ
 написалъ Перовскому о своихъ предположенiяхъ упразд-
 нить винокурение и солеварение отъ казны и о возможности
 извлечь изъ этого значительныя выгоды какъ для правитель-
 ства, такъ и для края, съ передачею этого производства въ
 частныя руки. На эти сообщенiя Л. А. Перовскiй немед-
 ленно отвѣтилъ такимъ же дружественнымъ письмомъ, отъ
 5 сентября:

„Я раздѣляю ваше мнѣнiе, что откупщики будутъ про-
 „исками и деньгами стараться дать своему неправому дѣлу
 „благопрiятный оборотъ, но сомнѣваюсь, чтобы они успѣли
 „въ своемъ замыслѣ, доколѣ вы не выйдете за черту зако-
 „ности, т. е. если всѣ ваши распоряженiя будутъ основаны
 „на буквальной смыслѣ откупныхъ условiй. Вообще о вся-

„комъ новомъ распоряженіи по сему предмету не лишнимъ
 „будетъ писать сюда, чтобы можно было опровергнуть лож-
 „ные доносы. Вы поступили очень осторожно, поставляя въ
 „явѣстность гр. Орлова и Киселева о теперешнихъ ва-
 „шихъ отношеніяхъ къ откупщикамъ, первый, т. е. гр. Ор-
 „ловъ, сообщилъ мнѣ о содержаніи вашего письма, какъ скоро
 „его получилъ. Кажется, никто не можетъ оспаривать той
 „истины, что, для одной денежной выгоды, не слѣдуетъ жер-
 „твовать благоденствіемъ цѣлаго края, тѣмъ не менѣе, Ми-
 „нистръ Финансовъ до такой степени нуждается въ деньгахъ,
 „что, для приобрѣтенія ихъ, онъ часто принужденъ смотрѣть
 „на вещи съ другой точки зрѣнія. Какъ откупщики непре-
 „мѣнно будутъ увѣрять Министра Финансовъ, что ваши рас-
 „поряженія разорительны для откупа и при новыхъ торгахъ,
 „можетъ быть, не только не возвысятъ плату, но будутъ ста-
 „раться повязать ее, то весьма бы желательно доказать про-
 „тивное посредствомъ цифръ, хотя это и довольно трудно,
 „потому что расчеты откупщиковъ сохраняются въ глубокой
 „тайнѣ. Если вы успѣете, посредствомъ строгаго надзора
 „за чиновниками, которые у васъ подъ рукою, прервать
 „тѣсную связь между полиціею и откупщиками, то не знаю,
 „въ какой степени удастся вамъ то же самое въ отношеніи
 „служащихъ въ отдаленіи отъ васъ? Мнѣ извѣстно, что васъ
 „озабочиваетъ введеніе новыхъ штатовъ и потому вы мо-
 „жете быть увѣрены, что я съ своей стороны употреблю
 „все мое стараніе, чтобы дать ходъ этому дѣлу, но не скрою
 „отъ васъ, что къ успѣшному окончанію его я предвижу
 „большое затрудненіе при теперешнихъ финансовыхъ обсто-
 „тельствахъ. Если вы истрѣтите слишкомъ большое пре-
 „пятствіе къ уничтоженію винокуренныхъ и солеваренныхъ
 „заводовъ, не смотря на выгоду того для казны и для
 „края, то совѣтую подробно объяснить ваши предположенія
 „во всеподданнѣйшемъ отчетѣ вашему; Государь Императоръ
 „всѣ отчеты изволяетъ читать съ большимъ вниманіемъ и
 „если убѣдится приводимыми доводами мѣстныхъ начальствъ,
 „то нерѣдко выражаетъ въ собственноручныхъ отмѣткахъ

„столь положительно свое мнѣніе, что это самое можетъ дать
„дѣлу желаемый оборотъ“.

Относительно Кяхтинской торговли Муравьевъ получилъ еще проѣздомъ черезъ Москву подробную записку отъ торгующаго на Кяхтѣ Московскаго купечества за подписью городского головы Лепешкина. Какъ эта записка, такъ и другія неблагопріятныя о Кяхтинской торговлѣ свѣдѣнія побудили генераль-губернаторе немедленно командировать въ Кяхту своего адъютанта Вас. Мих. Муравьева для негласнаго и по возможности точнаго изслѣдованія всѣхъ изворотовъ нашей торговли съ Китайцами. По соображеніи собранныхъ адъютантомъ Муравьевымъ данныхъ, Николай Николаевичъ въ письмѣ отъ 19 мая 1848 г. къ Г. П. Вронченко заявилъ, что хотя онъ и затрудняется высказать свое *рыночное* мнѣніе по вопросу о необходимости намѣненія правилъ 1800 г. о Кяхтинской торговлѣ, по кратковременности управленія имъ Восточною Сибирью, но тѣмъ не менѣе, онъ находитъ и теперь уже, что „по мѣстному взгляду на этотъ предметъ, столь важные интересы отечественныхъ мануфактуръ и промышленности нельзя оставлять въ рукахъ и безответственномъ распоряженіи такихъ людей, у которыхъ они теперь находятся“.

О результатѣ всѣхъ этихъ представленій и мѣропріятій я сообщу въ своемъ мѣстѣ въ хронологическомъ порядкѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Иркутскъ Муравьевъ получилъ отъ кн. Алекс. Серг. Меншикова сообщеніе отъ 9 февраля съ перепискою о предполагаемомъ перенесеніи Охотскаго порта въ одну изъ бухтъ южной части Охотскаго моря и объ отправленіи сухопутной экспедиціи для открытія прямого пути сообщенія этой бухты съ г. Нерчинскомъ. Это предположеніе Муравьевъ прямо отвергъ, какъ бесполезное и неисполнимое. Но онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы убѣдить кн. Меншикова снабдить имѣющаго отправиться въ кругосвѣтное плаваніе капитанъ-лейтенанта Невельскаго Высочайше утвержденною инструкціею для описанія южной части Охотскаго моря и прилегающихъ къ ней мѣстностей въ порядкѣ имъ, Муравьевымъ, указываемомъ.

Въ связи съ предположеніемъ о новомъ изслѣдованіи Амурскаго лимана состоялось Высочайшее повелѣніе о приведеніи въ подвижное состояніе 4-хъ баталіоновъ 3-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Восточной Сибири и о передвиженіи ихъ въ Забайкальскій край. Съ этою цѣлью было предпринято новое устройство Иркутскаго и Енисейскаго городовыхъ казачьихъ полковъ. Предположеніе объ этомъ устройствѣ составлялъ командированный по Высочайшему повелѣнію въ Сибирь полковникъ генеральнаго штаба Александръ Ивановичъ Веригинъ, и имъ оно было представлено по начальству съ заключеніемъ и дополненіями Муравьева, которыя онъ съ своей стороны считалъ необходимыми по мѣстнымъ потребностямъ и настоящему положенію дѣлъ.

Въ Иркутскѣ мы застали Англичанина Гиль, который въ качествѣ турпста проживалъ тамъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и успѣлъ втереться во всѣ слои общества. Вращаясь онъ какъ свой человѣкъ въ средѣ чиновниковъ, былъ вхожъ во всѣ купеческіе дома, встрѣчался постоянно съ ссыльнымъ польскимъ элементомъ, составлявшимъ довольно значительный контингентъ, цѣлые дни и вечера проводилъ въ домахъ Волковскихъ и Трубецкихъ, гдѣ, какъ я уже упомянулъ, собиралась *la fine fleur* Иркутскаго общества, и все это съ такимъ кажущимся простодушіемъ, какъ будто онъ путешествуетъ только для себя и никакихъ другихъ цѣлей не преслѣдуетъ. Англичане всюду проникаютъ, все выслѣдятъ, все узнаютъ для достиженія весьма опредѣленно созданныхъ и настойчиво преслѣдуемыхъ цѣлей. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Англичане вполне отчетливо знали, что Императоръ Николай въ 1844 году вновь возбуждалъ вопросъ объ устьѣ рѣки Амура, что предполагалось тогда послать къ берегамъ Китая и Японіи экспедицію, состоящую изъ двухъ судовъ корвета Мевелая (Оливуца) и транспорта подъ начальствомъ Е. В. Путятина, съ цѣлью установленія торговыхъ сношеній съ этими государствами и что этой экспедиціи, между прочимъ, Высочайше повелѣвалось обследовать лиманъ и

устье рѣки Амура. Точно также имъ навѣрное было извѣстно, что эта экспедиція не состоялась, благодаря соединеннымъ усиліямъ графа К. В. Нессельроде и министра финансовъ Ф. П. Вронченко, и наконецъ рѣшено было лѣтомъ 1846 г. произвести изслѣдованіе Амурскаго лимана и устья чрезъ російско-американскую компанію. Инструкція, данная командиру того судна, которое предполагено было командировать для этой цѣли, свидѣтельствуетъ, съ какимъ страхомъ, съ какими опасеніями Министерство Иностранныхъ Дѣлъ приступало къ исполненію Высочайшей воли, которая была выражена съ величайшею опредѣленностью въ резолюціи Государя, положенной на докладѣ гр. Нессельроде: *„принять всѣ мѣры, чтобы ниче всего удостоившимся могутъ не входить суди въ рѣку Амуръ, ибо въ этомъ и заключенъ весь вопросъ, важный для Россіи“*. И это Англичане навѣрное знали, равно какъ и то, какимъ путемъ предполагалось отправить въ Петербургъ донесеніе о дѣйствіяхъ этой сравнительно ничтожной экспедиціи, а именно черезъ Аянъ въ Иркутскъ. Англичане—не промахъ. Немедленно явился въ Иркутскъ англійскій туристъ Гиль, сталъ нюхать и развѣдывать и затѣмъ хотѣлъ отправиться въ Аянъ. Насилу удалось его направить на Охотскъ, гдѣ онъ, разумѣется, едва-ли успѣлъ что-нибудь разузнать, такъ какъ командиръ Охотскаго порта капитанъ Вонлярлирскій крайне не сочувствовалъ этой экспедиціи, а начальникъ Аянскаго порта В. С. Завойко, который былъ съ нимъ не въ задахъ, понятно, ему ничего не сообщалъ. Узналъ ли Гиль послѣ этого что-нибудь въ Петропавловскомъ портѣ, намъ неизвѣстно. Фактъ только тотъ, что вслѣдъ за нимъ, отправившимся въ маѣ 1848 г. черезъ Иркутскъ въ Охотскъ, явился въ Иркутскъ иностранецъ Англичанинъ Остенъ (Austin), путешествовавшій для производства будто-бы геологическихъ изслѣдованій, и считавшій необходимымъ для этой цѣли спускаться по теченію рѣкъ, чтобы видѣть обнаженія почвы по берегамъ ихъ. со своею молодою женою изъ Шведокъ, имѣвшей обширное знакомство въ Петербургѣ и владѣвшей англійскимъ языкомъ какъ

своимъ роднымъ. Появленіе Остена въ Иркутскѣ совпало съ отсутствіемъ генераль-губернатора, отправившагося за Байкаль для обозрѣнія Забайкальскаго края. Остенъ, долго не думая, переправился черезъ Байкаль и далѣе почтовымъ трактомъ черезъ Верхнеудинскъ и Читу въ Нерчинскъ, гдѣ онъ немедленно приступилъ къ постройкѣ большаго плота, на которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру къ устьямъ этой рѣки, надѣясь найти тамъ китобойное или иное судно, чтобы добратъся черезъ Тихій Океанъ до материка Америки или и прямо до Европы. Только на обратномъ пути, изъ Цурухайтуя по пограничной линіи казачьихъ станицъ черезъ Кяхту, въ Верхнеудинскѣ, генераль-губернаторъ узналъ о проѣздѣ Остена въ Нерчинскъ. При Муравьевѣ состоялъ тогда Корпусъ топографовъ поручикъ В. В. Вагановъ, который сопровождалъ ему во время перваго объѣзда Забайкальской Области. Отправить Ваганова обратно въ Нерчинскъ въ догоню Остену, съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не допустить его до исполненія своего намѣренія и живаго или мертваго возвратитъ его въ Иркутскъ, было для Муравьева дѣломъ момента. Вагановъ чрезвычайно ловко исполнилъ данное ему порученіе и не далше какъ черезъ десять дней вернулся въ Иркутскъ въ сопровожденіи Остена съ его милويدною супругою. Обо всемъ Муравьевъ немедленно донесъ въ Петербургъ и, разужбѣясь, въ письмѣ къ Л. А. Перонскому отъ 25 августа далъ волю своимъ сужденіямъ объ опасности, угрожающей дѣлу занятія Амура отъ гѣхъ непрошенныхъ гостей, которые, подъ видомъ безхитростныхъ туристовъ или невинныхъ ревнителей науки, развѣдываютъ все, что нужно звать Англійскому правительству, и о своемъ предположеніи въ 1849 году *встрѣчными* отправиться въ Камчатку. Неизмѣнный другъ и тутъ опять являлся со своими совѣтами, изображающими цѣлый планъ дѣйствія для борьбы не слѣпной, но вѣрной съ противниками патриотическихъ стремленій Муравьева и свидѣтельствующими объ антагонизмѣ, существовавшемъ въ высшей правительственной сферѣ. „Не безъ основанія вы изволите полагать, пишетъ Л. А.

Перовскій отъ 14 октября 1848 г., что надобно предупредить Англичанъ и что уже наступило время *не откладывать*, а съ своей стороны вполне раздѣляю ваше мнѣніе, но не такъ думаетъ гр. Нес., онъ будетъ всѣми силами стараться отклонить всякую рѣшительную мѣру и въ этомъ отношеніи поддержитъ его непремѣнно Мин. Фин.; первый поставитъ на видъ опасеніе разрыва дружескихъ сношеній съ Англіею, второй упрется на вредныя послѣдствія для нашей внутренней мануфактурной и торговой промышленности отъ разрыва съ Китаемъ: по сему безошибочно можно сказать, что сочувствіе со стороны тѣхъ, отъ кого настоящій предметъ наиболѣе зависить, вы ожидать не можете. Не пожалѣйте и васъ, скажутъ, что вы слишкомъ скоры, легкомысленны, самонадѣяны. что не успѣли еще ознакомиться ни съ врагомъ, которымъ управяете, ни съ тою идеею, которую осуществить желаете; что вы не приняли въ соображеніе ни затрудненій, ни послѣдствій зветѣяемаго вами предиріятія и проч. и проч. Такія и подобныя рѣчи неминуемо повредятъ вамъ, а слѣдовательно и самому дѣлу и потому вотъ мой дружескій совѣтъ: отложите вашу поѣздку на годъ, а покуда не упускайте ни одного случая въ донесеніяхъ Государю Императору знакомить Е. В. съ предметомъ; говорите, но издалека, о необходимости дѣйствовать и о вредныхъ послѣдствіяхъ въ будущемъ, если мы будемъ предупреждены: выражайтесь сильно, но хладнокровно; запаситесь мѣстными свѣдѣніями, чтобы вооружиться ими, когда дѣло дойдетъ до личныхъ объясненій, и докажите въ свое время, что, при осторожныхъ дѣйствіяхъ, торговля съ Китаемъ не пострадаетъ;—сдѣлайте смѣту расходовъ, которыхъ требуютъ ваши предположенія, старайтесь, чтобъ эти расходы были какъ можно умѣреннѣе и отнесите ихъ, если можно, на мѣстные способы“.

У Муравьева всегда стояли на первомъ планѣ казенный интересъ, сбереженіе въ расходахъ и чистота дѣйствій въ приготовленіяхъ для продовольствія войскъ, для содержанія каторжанъ и рабочихъ на заводахъ и въ рудникахъ, и для винокурарія. Постоянныя напоминанія Л. А. Пе-

ровскаго о затруднительности нашего финансоваго положенія и о томъ, чтобы стараться, для исполненія представляемыхъ со стороны Муравьева предположеній, изыскивать мѣстныхъ, Восточно-сибирскія средства, ваставили Муравьева съ большою еще энергіею взяться за эту часть мѣстнаго хозяйничанія казеннымъ добромъ. При самомъ вступленіи въ командованіе войсками, въ Восточной Сибири расположенными, Муравьевъ сначала отстранилъ отъ должности, и затѣмъ и предалъ суду оберъ-проіантмейстера. Въ октябрѣ наступило время торговъ на поставку продовольственныхъ предметовъ для войскъ и зерноваго хлѣба для Александровскаго винокуреннаго завода, находящагося въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска. Такъ какъ я въ теченіе шести мѣсяцевъ жилъ въ центрѣ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей Иркутской губерніи и, постоянно разъѣзжая для производства слѣдствій и дознаній по воѣмъ направленіямъ, былъ поставленъ въ непосредственныя отношенія къ производителямъ зерноваго хлѣба, крестьянамъ и Бурятамъ, и пріобрѣлъ между ними нѣкоторую популярность, то генералъ-губернаторъ не безъ основанія соображалъ, что я могу, вѣроятно, быть полезнымъ въ дѣлѣ заготовленія хлѣбныхъ запасовъ. Я былъ вызванъ въ Иркутскъ. Муравьевъ подвергъ строгому экзамену мои познанія и имѣвшіяся у меня свѣдѣнія объ урожаѣ и стоимости обывателямъ произведений разнаго рода хлѣбовъ. Оставшись доволенъ моими изложеніемъ по даннымъ вопросамъ, онъ рѣшился поручить мнѣ открытіе цѣнъ на хлѣбъ къ предстоющимъ торгамъ. Въ подтвержденіе открываемыхъ мною цѣнъ разрѣшили отъ мнѣ незначительную покупку изъ первыхъ рукъ до 20 т. пуд. не дороже 40 коп. за пудъ. По этому порученію пришлось мнѣ объѣхать, изъ села въ село, изъ улуса въ улусъ, весь Иркутскій Округъ и часть Нижнеудинскаго. Опытъ удался полною мѣрою. Я закупилъ порученное мнѣ количество по 35 коп. за пудъ и довелъ, что по этой цѣнѣ можетъ быть совершена закупка всего потребнаго для войскъ и домогннхъ количества муки и зерна. Торги не состоялись. Тогда Муравьевъ раздѣлялъ все заготовленіе на двѣ части: закупка

для военнаго вѣдомства была поручена мнѣ, а для Александровскаго винокуреннаго и Иркутскаго солевареннаго заводовъ И. В. Ефимову, бывшему смотрителю упраздненнаго Илгинскаго винокуреннаго завода, а затѣмъ переведенному на таковую же должность въ Александровскій заводъ, (для котораго онъ долженъ былъ заготовить запасы). Ефимовъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ Сибирскихъ людей-самородковъ, которыми нельзя довольно дорожить; ими нужно умѣть пользоваться, и тогда они становятся неоцѣнимы для дѣла. Честность, энергичность, практичность и стойкость— вотъ неразлучныя качества этихъ самородковъ. Муравьевъ зналъ имъ цѣну и умѣлъ ими пользоваться. Другой такой самородокъ оказался за Байкаломъ. Это былъ есаулъ Хилковскій въ Цурухайтуйской станицѣ Забайкальскаго казачьяго войска, много содѣйствовавшій успѣху дѣла, подъятаго Муравьевымъ. Такимъ же былъ поручикъ В. В. Вагановъ, уроженецъ Западной Сибири, погибшій за дѣло, какъ мы впоследствии увидимъ. Порученныя намъ закупки совершились успѣшно и къ полному удовольствію генералъ-губернатора. Въ исполненіи этого порученія оказалъ мнѣ лично большую помощь В. Ѡ. Раевскій, по близкому знакомству его съ крестьянскими обществами и въ особенности съ тайшами и шуленгами въ инородческихъ кочевьяхъ и стойбищахъ Иркутскаго Округа. Проѣздомъ черезъ село Олонки я постоянно заѣзжалъ къ нему, и онъ снабжалъ меня своимъ совѣтомъ и указаніями. Это сблизило меня такъ съ его семействомъ, что Иркутская молва считала меня негласнымъ женихомъ старшей его дочери Александры Владиміровны, и всѣ были очень удивлены, когда она въ концѣ 1848 года вышла за засѣдателя Иркутскаго земскаго суда Б. Ив. Вл. Ефимовъ былъ замѣчателенъ по своему умѣнію обращаться съ ссыльно-каторжными. Лѣтомъ 1848 года Илгинскій заводъ на Ленѣ былъ упраздненъ. Пришлось находившихся тамъ каторжныхъ перевести за 400 верстъ въ Александровскій заводъ на Ангарѣ по Якутскому почтовому тракту черезъ Верхотенскъ, Качугу и Иркутскъ. Въ штабѣ были составлены расчисленіе необходимаго для сего конвоя

в росписаніе переходовъ и дневокъ, словомъ все, какъ это требуется по правиламъ военной службы. Муравьевъ ужаснулся цифрѣ потребныхъ для этого войскъ и сопряженныхъ съ этимъ расходовъ. Какъ быть? Тутъ Ефимовъ вылезся это исполнить съ конвоемъ изъ 24 конныхъ казаковъ, но не по почтовому тракту, а черезъ волокъ съ Лены прямо на Ангару по почти непроходимымъ дебрямъ и зѣсамъ, а затѣмъ по берегу Ангары до Александровскаго завода, если ему будетъ предоставлена въ его безотчетное распоряженіе самая ничтожная сравнительно денежная сумма. Муравьевъ колебался, долго думалъ и въ концѣ концовъ изъявилъ свое согласіе на предложеніе Ефимова, вполне сознавая, что онъ беретъ на себя страшную отвѣтственность. Ефимовъ менѣе чѣмъ въ три недѣли совершилъ этотъ переходъ. Съ иѣсными и песельемъ, съ бубнами, балабайками и барабанами, онъ провелъ эту ватагу и у него не было ни одного бѣглаго. Дѣло было сдѣлано безпримѣрно хорошо, и не малы суммы сбережены.

Въ дѣлѣ сбереженія и охраненія казеннаго интереса, вообще по управленію краемъ, незамѣнимымъ помощникомъ Муравьеву былъ вновь назначенный въ Иркутскъ губернаторъ, Владиміръ Николаевичъ Заринъ, человекъ безукоризненной честности и твердости. Его заслуга состояла именно въ томъ, что онъ своимъ хладнокровіемъ и нѣкоторою даже медлительностью уравновѣшивалъ горячность и пылкость Муравьева. Какъ старшій сослуживецъ и товарищъ Муравьева по Кавказу, онъ имѣлъ право и возможность откровенно высказывать ему свое мнѣніе и свои взгляды на тотъ или другой вопросъ и онъ, для пользы дѣла, нерѣдко пользовался этимъ правомъ, считая это своею обязанностью по отношенію къ товарищу, хотя теперь я высокопоставленному начальнику. Передъ отъѣздомъ въ Сибирь онъ жеплся въ Москвѣ на В. Гр. Г. и привезъ съ собою въ Иркутскъ двухъ своихъ племянницъ - сиротъ А. и Е. Изъ Е. только-что вышедшихъ изъ Смольнаго монастыря, два прекрасныхъ цвѣт-

ка — *Blanche et Rose*, какъ ихъ стали называть въ Иркутскѣ: онѣ поражали всѣхъ своею скромностью и въ то же время развитостью ума.

Изъ главныхъ сотрудниковъ Муравьева, приглашенныхъ имъ для содѣйствія въ трудномъ дѣлѣ по части горнозаводской и золотопромышленной, и долженъ здѣсь упомянуть о трехъ, выдававшихся тогда, дѣтеляхъ: А. Н. Таскинѣ, какъ начальникѣ Горнаго отдѣленія Главнаго управленія Восточной Сибири, В. В. Клейменовѣ, горномъ ревизорѣ золотыхъ промысловъ и Баронци де Эльсѣ, специалистѣ желѣзно-дѣлательнаго производства. Предшественникъ Таскина въ должности начальника горнаго отдѣленія К. А. Д. навлекъ на себя довольно основательное подозрѣнiе генералъ-губернатора въ недобросовѣстности по дѣламъ золотопромышленнымъ. При одномъ докладѣ, въ концѣ шестой недѣли великаго поста, терпѣнiе Муравьева лопнуло: онъ отправилъ Д. на гауптвахту, въ то же время сообщилъ и министру финансовъ объ увольненiи его отъ службы и о назначенiи на его мѣсто А. Н. Таскина. Пресвященному Нилу едва удалось упросить Муравьева, чтобы онъ, помни ученiе о прощенiи, преподанномъ нашимъ Спасителемъ, ради вступавшаго Праздника праздниковъ, освободилъ Д. отъ содержанiя на гауптвахтѣ. Это арестованiе Д., публичное распеканiе оберъ-провiантмейстера Е., городского головы Т. и губернскаго почтмейстера Л., при бытности множества лицъ, являвшихся къ Муравьеву по службѣ, и постороннихъ свидѣтелей, были причиною дошедшихъ до Петербурга о вѣсмычпости Муравьева, выходящей будто-бы въ дозволенныхъ границахъ, службовъ, о которыхъ Л. А. Перовскiй сообщилъ Муравьеву въ своемъ письмѣ отъ 30-го iюля. Слухи были основательны, факты несомнѣны, но кто видѣлъ, что тамъ творилось, и былъ свидѣтелемъ всѣхъ подпольныхъ интригъ, пущенныхъ въ ходъ, чтобы парализовать честное направленiе, которое Муравьевъ сумелъ дать восточно-сибирскимъ дѣламъ, тотъ не можетъ не сознаться, что подчасъ подобная острастка, въ особенности по отношенiю

къ представителямъ отдѣльныхъ частей, являлась тяжелою необходимостью, и всегда портила много крови Муравьеву. Онъ искренно скорбѣлъ объ этомъ, какъ доказываетъ его письмо къ Перонскому: „Эти выходы не въ моемъ духѣ, но здѣсь, поневолѣ, приходится играть новую для меня и весьма непріятную роль“.

II.

1849 г.: Встрѣча новаго года. — Монгольскій праздникъ „Цаган-Сара“. — Путешествіе англичанина Остена по Забайкалью. — Смерть В. М. Муравьева. — Приѣздъ М. С. Корсакова и командировка его на встрѣчу въ Охотскомъ морѣ транспорту „Байкаль“. — Письмо Л. А. Перонскаго отъ 25 января 1849 г. — Всеподд. докладъ мин. вн. дѣлъ объ обитателяхъ сѣвера, Сахалина и о мѣстностяхъ, привлекающихъ къ р. Амуру съ сѣвера. — Канцлеръ гр. Нессельроде о нашей границѣ съ Китаемъ. — Всеподд. рапортъ Муравьева отъ 26 февраля. — Приготовленія къ походу въ Камчатку. — Всеподд. рапортъ Муравьева отъ 15 мая — Письма его къ министрамъ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. — Плаваніе по Ленѣ къ Якутску. — Переходъ изъ Якутска въ Охотскъ. — Пребываніе въ Охотскѣ. — Переходъ на транспортъ „Иртышъ“ изъ Охотска въ Петропавловскій портъ. — Указаніе Муравьева гдѣ ставить батареи. — Встрѣча генералъ-губернатора съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. — Обратное плаваніе и посѣщеніе острова Сахалина. — Приходъ въ портъ Аянъ. — Транспортъ „Байкаль“ входитъ въ тотъ же портъ и капитанъ Невельскій доноситъ о слѣданныхъ имъ важныхъ открытіяхъ. — Возвращеніе въ Якутскъ. — Всеподд. донесеніе Муравьева, записки и рапортъ, посланные Муравьевымъ къ мин. Л. С. Меншикову. — Пребываніе въ Якутскѣ. — Возвращеніе въ Иркутскъ. — Представленіе министру финансовъ о мѣрахъ для прекращенія тайнаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ въ Китай.

Не даромъ говорится, что первый шагъ всегда труденъ. Прошелъ 1848 годъ, представляющій первый шагъ въ нашей сибирской жизни, — рѣдко трудно трудный по встрѣченному противодействию и непріятный по той роли, которую пришлось поневолѣ играть Муравьеву и всѣмъ, дѣйствовавшимъ непосредственно отъ его имени и по его порученію; но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительный и многознаменательный годъ въ исторіи Сибири. Въ 1848 году было положено начало всѣмъ тѣмъ капитальнымъ вопросамъ, благопріятное разрѣшеніе которыхъ,

съ теченіемъ времени, было возможно только при той энергіи, съ которою Муравьевъ за нихъ ваялся и которою онъ воодушевлялъ насъ къ перенесенію значительныхъ трудностей. Вступили мы въ новый годъ радостно и весело въ залъ благороднаго собранія, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, при оживленныхъ обоюдныхъ поздравленіяхъ, подъ звуки музыки, съ криками „ура!“, когда дежурный старшина И. С. Червинъ провозглашалъ тостъ за здравіе генераль-губернатора Муравьева, съ пожеланіемъ еще много лѣтъ сряду встрѣчать новый годъ при той же дружной обстановкѣ. Дѣйствительно къ концу 1848 года образовался около Муравьеведружный кружокъ, который онъ называлъ „нашъ“ кругъ; попасть въ него было не легко, многіе добивались этого, но безуспѣшно. Этотъ кружокъ заправлялъ всѣмъ Иркутскимъ обществомъ, держалъ камертонъ. Этому кружку въ угоду Муравьевъ встрѣтилъ новый годъ оффиціально въ благородномъ собраніи. Но такъ какъ въ провинціи, а въ особенности въ столицѣ генераль-губернаторской, время тогда назначалось не по солнцу, а по желанію начальства, то оффиціальная полночь и встрѣча новаго года въ собраніи состоялась нѣскольکو ранѣе дѣйствительности. Вслѣдъ за тостомъ Муравьевъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Екатериною Николаевною, за ними последовали и мы, жившіе у него въ домѣ—адъютантъ Муравьевъ и я. Въ его незатѣйливомъ рабочемъ кабинетѣ произошла семейная встрѣча новаго года ровно въ полночь. Муравьевъ всегда встрѣчалъ новый годъ очень сосредоточенно, молча, не знаю, въ молитвѣ ли, но несомнѣнно погруженный въ серьезныя размышленія, которыя продолжались нѣскольکو минутъ до полночи, съ вывѣренными часами передъ собою. Мнѣ казалось, что онъ тихо молился, и я имѣю основаніе это думать, потому что онъ всегда, что бы ни задумывалъ, что бы ни предпринималъ, прибавлялъ слова: „Богъ милостивъ“ или „коли Господь дозволить“. О своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и вообще о вопросахъ, касающихся сокровенной вѣры, онъ никогда не бесѣдовалъ, но богобоязненное настроеніе его подтверждается всѣми его письмами къ близкимъ ему лицамъ. Онъ не боялся заранѣе, за годъ

впередъ, составлять самыя смѣлыя предположенія и маршруты, исполняемые съ педантическою точностью и неотступною настойчивостью, но въ то же время онъ всегда искренно выражалъ, что эти планы осуществимы только „съ Божьею помощью“. Онъ глубоко вѣрилъ, что нѣтъ препятствій и затрудненій какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, которыхъ онъ не преодолеетъ, коли Господи дозволитъ. Въ этомъ уваженіи онъ составилъ, почти за годъ, планъ и маршрутъ своего похода въ Камчатку, къ которому онъ и всѣ избранные имъ спутники начали готовиться съ начала 1849 года.

Въ началѣ января празднуется въ пограничномъ Китайскомъ городѣ Маймачинѣ съ большимъ весельемъ Монгольскій праздникъ „Цаганъ-Сара“, извѣстный между русскими. имѣющими дѣло на Кяхтѣ, подъ названіемъ „бѣлый мѣсяцъ“. Къ этому торжеству собирается въ Кяхту большинство Иркутскаго купечества—потому что съ этого праздника начинается ежегодный размѣнъ товаровъ—и кромѣ того другія постороннія торговлѣ лица, не связанные службою и иными дѣлами въ Иркутскѣ. Во время бѣлаго мѣсяца въ Кяхтѣ бывало необыкновенное оживленіе, что-то въ родѣ нашей русской ярмарочной суеты, но только поскромнѣе. Главнѣйшій интересъ состоялъ въ томъ сближеніи, которое въ это время происходило между жителями обомъ пограничныхъ городовъ, Кяхты и Маймачина, зрѣвшіе тѣмъ болѣе рѣдкомъ, что китайцы тогда еще не выѣзжали за предѣлы своего государства, Китайскихъ посольствъ еще не существовало, вообще Китай былъ еще всецѣло погруженъ въ ту замкнутость, изъ которой навлекли его только послѣдующія событія. Известно, что англичанинъ Остенъ послѣдствѣннѣе заявилъ генералъ-губернатору о своемъ желаніи съѣздить въ Кяхту на празднество „бѣлаго мѣсяца“, нагѣрваясь воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побывать на Гусиномъ озерѣ у Хамбы-Ламы и познакомиться съ байкальскими старообрядцами Тарбагатайской и Мухоршибирской волостей, извѣстными своею закяточностью. Недоброжелатели Россіи всегда рассчитываютъ на готовность старообрядцевъ возстать противъ правительства въ случаѣ ка-

кихъ-либо политическихъ замѣшательствъ. И какъ они въ этомъ ошибаются! Это только доказываетъ, какъ они мало знаютъ духъ раскола и суть его ученія. Остенъ былъ въ томъ же заблужденіи. Кроме того, при продолжительныхъ и постоянно повторявшихся бесѣдахъ моихъ съ нимъ и съ его женою о разнохарактерности сибирскаго населенія, у него можно было подмѣтить мысль, что забайкальскіе буряты-монголы вѣроятно тяготеютъ къ Манчжурскимъ монголамъ въ силу общности языка, исповѣданія и вѣрованій, вращающихся около Далай-Ламы въ Тибетѣ, который слыветъ за олицетвореніе міросоздателя и божество. Остенъ видимо хотѣлъ удостовѣриться, въ какой степени его предположеніе справедливо и въ какой мѣрѣ Русское правительство можетъ рассчитывать на преданность своихъ разнородныхъ подданныхъ, въ случаѣ столкновенія между Россією и Китаемъ.

Отказать Остену въ предпринимаемомъ имъ объездѣ части Забайкалья Муравьеву показалось неудобнымъ, чтобы обнаруженіемъ подозрѣнія не дать Остену основаніе думать, что тутъ дѣйствительно что-нибудь неладное кроется. Съ другой стороны представлялось не совсѣмъ своевременнымъ предоставить ему полную свободу въ этомъ отношеніи. Дѣло устроилось весьма благопріятно. Такъ какъ и я радъ былъ нѣсколько поразвлечься и повеселиться на Маймачинскомъ празднествѣ, то я предложилъ Остену съ его супругою имъ сопутствовать въ этой поѣздкѣ. Муравьевъ былъ этимъ очень доволенъ, потому что онъ былъ увѣренъ, что Остенъ въ моемъ присутствіи стѣснится вступать съ китайцами, монголами, ламаитскими жрецами и представителями старообрядства въ такіе разговоры, которые, по современному положенію дѣлъ, могли бы быть поняты ими въ совершенно превратномъ смыслѣ. Кяхтинскіе купцы: маститый Николай Матвѣевичъ Игумновъ, Иванъ Яковлевичъ Куликовъ, Александръ Андріановичъ Кузнецовъ, всѣ коммиссіонеры и представители первыхъ московскихъ фирмъ наперерывъ усердствовали, чтобы доставить намъ случай видѣть все, что только можно было въ Маймачинѣ. Блистательный обѣдъ, вполнѣ Китайскій, состоящій изъ сотенъ различныхъ отврат-

тельныхъ блюдъ съ каракатицами, ласточкиными гнѣздами и равными червячками, въ фузѣ (магазинѣ) одной изъ лучшихъ Пекинскихъ фирмъ, Маю-ты, съ обильнымъ возліаніемъ шампанскаго, кромѣ непремѣннаго угощенья подогрѣтою рисовою водкою, завершилъ празднество у китайцевъ. Мнѣ съ трудомъ удалось привести своего англичанина домой въ Троицкосавскъ. такъ онъ разгулялся съ китайцами въ Маймачнѣ. Самъ хозяинъ фузы старикъ Маю-та къ обѣдѣ не участвовалъ; онъ съ важностью сидѣлъ въ сторонѣ на огромномъ креслѣ, покуривая трубку, которую держалъ правою рукою, и потирая лѣвою пару грецкихъ орѣховъ, которые онъ уже болѣе тридцати лѣтъ, для забавы, перебиралъ постоянно лѣвою рукою. При прощаніи онъ въ знакъ особаго расположенія подарилъ мнѣ эту пару грецкихъ орѣховъ, совершенно уже обтертыхъ отъ продолжительнаго перебирания; эти орѣхи до сихъ поръ хранятся у меня. Изъ Троицкосавска была устроена въ горы небывалыхъ размѣровъ облава на дикихъ козъ. Собралось громадное общество верями. Мадамъ Остенъ оказалась смѣлою наѣздыщею. Верстахъ въ 12-ти отъ города насъ разставили по номерамъ линіи въ ожиданіи приближенія козъ, которыхъ выгоняли не менѣе 300 бурятъ-загончяковъ, уже съ утра охватившихъ огромный кругъ лѣсистой мѣстности. Такъ какъ было довольно холодно, то мы сдѣлали только одинъ загонъ, застрѣлили нѣсколькихъ козъ и затѣмъ поспѣшили отправиться въ бурятское стойбище, гдѣ въ чистой, просторной войлочной юртѣ, вокругъ огня, горѣвшаго въ серединѣ юрты подъ котломъ, подвѣшаннымъ на треножникѣ, мы согрѣлись кипучимъ кирпичнымъ чаемъ на молокѣ съ саломъ и солью. Къ питью этому можно пристраститься, если войти во вкусъ. Я его пилъ съ величайшимъ удовольствіемъ, Остенъ стойко проглотилъ одно блюдце, объясняя хозяину-буряту знаками, что его угощеніе ему очень нравится, мадамъ Остенъ отплевывалась. Предлагали намъ и цаганъ-аракэ, водку, приготовляемую бурятами изъ квашенаго молока. Вино это называется цаганъ-аракэ т. е. бѣлою водкою, потому что оно готовится изъ молока, въ различіе отъ каръ-аракэ, черной

водки, приготовляемой русскими изъ ржаной муки, чернаго хлѣба. На другой день послѣ облавы, мы пустились въ путь по старообрядческимъ волостямъ. Остенъ былъ пораженъ ихъ зажиточностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ видимо удивленъ, что нигдѣ не слыжалъ ни слова, которое могло бы указать на раздраженіе или нерасположеніе въ правительству, какъ онъ ожидалъ. Напротивъ, вездѣ могъ онъ только убѣдиться въ искреннѣйшей преданности царю, отечеству, высшему правительству и мѣстнымъ его представителямъ; единственное неудовольствіе высказывалось по отношенію къ духовенству и въ чинамъ полиціи, поведеніе которыхъ не отличалось безупречностью въ дѣлахъ, касавшихся раскольниковъ, и это только благодаря тому направленію, которое давалъ этимъ дѣламъ преосвященный Нилъ. Муравьевъ смотрѣлъ на старообрядцевъ и раскольниковъ совершенно иными глазами, что и доказалъ впоследствии. Проѣздомъ мы были и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, который, разумѣется, показался англичанину крайне жалкимъ по сравненію съ этимъ производствомъ въ его отечествѣ. Посѣщеніе на Гусиномъ озерѣ у Хамбы-Ламы доставило Остену и его женѣ большое удовольствіе. Хамба-Лама, поражающій всѣхъ своею наружностью, необыкновенно широкою, какъ говорится, косая сажень въ плечахъ, трехъ аршинъ росту, по тучности не передвигавшійся съ мѣста на мѣсто безъ посторонней помощи, что считалось у ламайтовъ особымъ благословеніемъ свыше, принялъ насъ чрезвычайно привѣтливо, не вставая со своего сѣдалища. Насъ угостили чаемъ и сухими китайскими фруктами, послѣ чего Хамба-Лама предложилъ намъ присутствовать при торжественномъ богослуженіи, которое онъ собирался совершить въ своемъ большомъ дацанѣ съ участіемъ большаго числа ламайтскаго духовенства. Духовенства собралось человѣкъ 150, всѣ въ желтомъ облаченіи, снабженные музыкальными инструментами всевозможныхъ родовъ и размѣровъ (двѣ трубы были не меньше 2-хъ сажень длины, въ нижней оконечности болѣе полуаршина въ діаметрѣ). Когда все это усѣлось по мѣстамъ, Хамба-Лама вошелъ въ дацанъ, поддерживаемый двумя

прислужниками и въ сопровожденіи своей матери, согбенной старушки меньше маленькаго роста, которая пользовалась особымъ почетомъ. Хамба-Лама усѣлся на свое первенствующее мѣсто и возлѣ него, нѣсколько позади, его мать. Послѣ этого началась ужасающая музыка изъ сотенъ инструментовъ, барабановъ, бубенъ, трубъ, флейтъ, свистковъ, безъ всякой гармоніи, словомъ что-то неопредѣлимое и невообразимое, чего съ нашими нервами нельзя выдержать. Хамба-Лама видѣлъ, что эта, по его понятіямъ, предѣстная, а по нашимъ, убійственная музыка, производитъ на насъ потрясающее впечатлѣніе и остался этимъ очень доволенъ, полагая, вѣроятно, что впечатлѣніе не можетъ быть иное, какъ пріятное. Когда все кончилось, мы рады были выбраться изъ этого ада музыки и пошли опять въ Хамбѣ-Ламѣ на домъ. Угощая насъ чаемъ и фруктами, онъ преподнесъ намъ, по восточному обычаю, подарки: Остену, которому и какъ гостю далъ предпочтеніе, старинную монгольскую кольчугу, а мнѣ деревянную чашку, такъ какъ я отъ подарка такой рѣдкости, какую онъ вручилъ Остену, отказался. Но чашка эта имѣла въ его глазахъ еще большую цѣну, служа выраженіемъ глубокаго его уваженія ко мнѣ, потому что она много лѣтъ оряду только одинъ пилъ изъ нея чай; она и теперь у меня хранится. И здѣсь Остену не удалось подмѣтить ничего того, что ожидалъ, наоборотъ, онъ вынесъ убѣжденіе, что ламанты Манчжуріи и сѣвернаго Тибета скорѣе тяготеютъ къ Россіи, чѣмъ къ Китаю. Въ началѣ февраля мы вернулись въ Иркутскъ.

Для поѣздки въ Камчатку были назначены адъютанты В. М. Муравьевъ, докторъ Ю. И. Штубендорфъ въ качествѣ натуралиста и медика, при немъ лаборантъ Фурманъ, сопутствовавшій въ 1843 году академикъ Миддендорфу во время его путешествія на сѣверъ Сибири, корпуса топографовъ поручикъ В. В. Вагановъ съ топографомъ Литвиновымъ, для астрономическихъ наблюдений и глазомѣрныхъ съемокъ и я, въ качествѣ управляющаго путевою канцеляріею и завѣдующаго хозяйственною и полицейскою частью экспедиціи. Но раньше чѣмъ намъ отправиться въ этотъ многотрудный

путь, Господу Богу угодно было подвергнуть насъ тяжкому испытанію. Еще съ осени 1848 г. В. М. Муравьевъ сталъ прихварывать. Вслѣдствіе хронической перемежающейся лихорадки, обнаружилось общее ослабленіе организма, которое въ свою очередь преимущественно отозвалось на дѣятельности мозга, раньше вѣроятно уже пораженнаго контузією, полученною на Кавказѣ. 13-го апрѣля, искренно любимый и уважаемый всѣми, знавшими его, Ваопліи Михайловичъ, скончался въ страшныхъ конвульсіяхъ. Эта потеря произвела на меня такое ужасное впечатлѣніе, что боялся за мой рассудокъ. Муравьевъ послѣшилъ немедленно отправить меня опять въ бурятскую степь на слѣдствіе, чтобы удалить меня изъ той квартиры, гдѣ я жилъ вмѣстѣ съ В. М. и гдѣ онъ умеръ на моихъ рукахъ, и чтобы отвлечь меня отъ грустныхъ размышленій, которымъ я предавался. Мои страданія были двойныя: привязавшись на чужбинѣ со всею пылкостью юной души къ молодому товарищу, я страдалъ за себя; страдалъ я и за Николая Николаевича, глядя, какъ онъ горевалъ. Но Господь безмѣрно милостивъ. Онъ щедро наградилъ насъ за смиренно перенесенныя страданія. За нѣсколько дней до смерти В. М. Муравьева пріѣхалъ въ Иркутскъ назначенный состоять для особыхъ порученій при командующемъ войсками, въ Восточной Сибири расположенными, штабсъ-капитанъ Михаилъ Семеновичъ Карсаковъ, двоюродный братъ Муравьева. Въ лицѣ его Богъ послалъ Муравьеву неизмѣнно вѣрнаго друга и неустыжлаго и честнаго сотрудника, а мнѣ великодушнаго товарища. Установившіяся впоследствии отношенія между нами не смѣю я назвать дружбою, а лицепріятною, основанною на обоюдномъ искренномъ уваженіи, преданностію, на которуѣ во всякое время можно рассчитывать.

Вмѣстѣ съ пріѣздомъ въ Иркутскъ М. С. Карсакова, Муравьевъ получилъ изъ Петербурга отъ кн. А. С. Меншикова Высочайше утвержденную инструкцію командиру военнаго транспорта „Байкаль“ Невельскому, которою повелѣвалось ему изъ Петропавловска идти въ Амурскій лиманъ для изслѣдованія устья этой рѣки. Эту инструкцію нужно было во

что бы то ни стало доставить Невельскому через Якутскъ и Охотскъ или до выхода его въ море изъ Петропавловска, что по расчету должно было совершиться до 1 июня, или къ сѣверной оконечности Сахалина, откуда предполагалось транспорту „Байкалу“ войти въ лиманъ Амурскій. Только-что прїѣхавшій изъ Петербурга и еще не успѣвшій отдохнуть послѣ шеститысячверстнаго пути, 22-хъ-лѣтній Карсаковъ былъ назначенъ Муравьевымъ для исполненія этого труднаго порученія. Лды задержали Карсакова въ Охотскѣ до июня, такъ что о встрѣчѣ съ Невельскимъ въ Петропавловскомъ портѣ уже и рѣчи не могло быть. 7-го июня на ботѣ „Кадьякъ“ Карсаковъ снялся съ якоря и вышелъ въ море, рѣшившись крейсировать по сѣверо-западной сторонѣ Сахалина, съ цѣлью непременно тамъ встрѣтиться съ Невельскимъ. Но и это не удалось, они разминувались, и Карсаковъ, потерявъ надежду встрѣтить Невельскаго, вошелъ 5 августа въ портъ Аля, гдѣ и остался въ ожиданіи прибытія туда генералъ-губернатора уже на обратномъ пути изъ Петропавловскаго порта.

Серьезныя размышленія Муравьева при встрѣчѣ новаго года, которую я выше описалъ, были отчасти вызваны долгимъ неполученіемъ имъ отвѣтовъ на нѣсколько писемъ, посланныхъ въ концѣ 1848 года Л. А. Перовскому, въ особенности на письмо отъ 14 сентября, въ которомъ онъ, съ приложеніемъ особаго листка, говорилъ о необходимости и возможности занятія нами лѣваго берега Амура и части острова Сахалина, въ видахъ предупрежденія занятія этихъ частей какою-либо постороннею державою (онъ тутъ разумѣлъ, понятно, только англичанъ). Это продолжительное молчаніе со стороны лица, которое, какъ онъ глубоко вѣрнопъ, искренно сочувствовало и энергично содѣйствовало, при всѣхъ случаяхъ, благопріятному разрѣшенію вопроса о р. Амурѣ, серьезно тревожило Муравьева; онъ находился въ полномъ недоумѣніи, и это за шесть тысячъ верстъ отъ столицы, когда еще помину не было ни о желѣзнодорожномъ и пароходномъ, ни о телеграфномъ сообщеніи. Муравьевъ боялся, что ему даже будетъ запрещено

поѣздка въ Камчатку, онъ только надѣялся на Государя, который давно уже смотрѣлъ на Камчатку не Петербургскими глазами. 6 марта Николай Николаевичъ былъ обрадованъ длиннымъ письмомъ отъ Л. А. Перовскаго, отъ 25 января 1849 г. съ приложеніями, свидѣтельствовавшими, какъ Перовскій хлопоталъ въ Петербургѣ и у Государя. Продолжительность молчанія объяснилась болѣзью Перовскаго. „Около трехъ мѣсяцевъ я не выходилъ изъ комнаты, — писалъ Перовскій, — а какъ содержаніе письма вашего отъ 14 сентября необходимо требовало, чтобы я доложилъ о немъ лично, то прежде совершеннаго моего выздоровленія я не могъ дать этому дѣлу надлежащаго хода; при первомъ же свиданіи съ Государемъ, я прочиталъ Его Величеству тотъ листокъ, который былъ приложенъ къ вашему письму, однако жъ объ отзывѣ Государя нельзя мнѣ было тогда же сообщить вашему превосходительству, потому, что я обязанъ былъ, по важности предмета, прежде отправленія моего письма къ вамъ, проектъ онаго представить предварительно на Высочайшее усмотрѣніе. На моей докладной запискѣ Государь Императоръ изволилъ собственноручно отмѣтить: „не вижу препятствія отправить это письмо, но какъ предметъ близко касается гр. Нессельроде, то свестись предварительно съ нимъ“. Вслѣдствіе сего я вошелъ въ сношеніе съ канцлеромъ, которому сообщалъ выписку изъ вашего письма, т. е. все то, что относилось до Гила, Остена и опасеній вашихъ на счетъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны англичанъ, касательно плаванія по Амуру и поселенія на Сахалинѣ. Само собою разумѣется, что наши переговоры не привели ни къ какому рѣшительному результату; послѣдствіемъ ихъ былъ однако жъ докладъ, съ котораго копию прилагаю. Изъ этой бумаги вы увидите, до какой степени мы здѣсь осторожны. Какъ вы ошибаетесь, милостивый государь Николай Николаевичъ, если полагаете, что всякое представленіе, потому только, что оно сдѣлано добросовѣстно и согласно съ общественною пользою, должно непремѣнно и неотлагательно быть принято. Поживите и послужите, и тогда убѣдитесь, что не-

„рѣдко самое полезное нельзя привести въ дѣйствиѣ безъ „большихъ усилій и борьбы, и, чтобы въ томъ успѣть, „иногда надобно интриговать точно также, какъ иные это „дѣлаютъ для личныхъ своихъ выгодъ. Чѣмъ выше постъ, „который мы занимаемъ, тѣмъ чаще встрѣчаемъ на поприщѣ „нашемъ препятствія и тѣмъ болѣе должны мы быть воору- „жены твердостью, чтобы не упасть духомъ“.

Хотя академикъ Миддендорфъ, путешествовавшій въ мѣстностяхъ при-амурскихъ и говорилъ, что обитающіе тамъ грядяки считаютъ себя народомъ независимымъ и притомъ полными владѣльцами занимаемыхъ ими земель и что они соглашались за нѣскольکو пудовъ табаку уступить часть земли для поселенія тамъ русскихъ, о чемъ было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе министерство иностранныхъ дѣлъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю, о которомъ упоминаетъ Л. А. Перовскій въ своемъ письмѣ отъ 25-го января, во-первыхъ, доказывало, что обитатели сѣверной части острова Сахалина платятъ дань китайскому правительству и вообще признаютъ себя подданными Китая ¹⁾, что китайцы считаютъ и *весь лѣвый берегъ Амура, на весьма далекое протяженіе къ сѣверу*, своимъ достояніемъ, и что, слѣдственно, всякія покушенія къ овладѣнію сими мѣстами неминуемо встревожатъ китайское правительство и могутъ вызвать столкновеніе съ нимъ, а во-вторыхъ, заявило, что появленіе англійскихъ пароходовъ у острова Сахалина и занятіе англичанами сего острова представляется пока дѣломъ довольно сомнительнымъ.

Все это было сдѣлано, чтобы, съ одной стороны, возбудить въ Государѣ недовѣріе къ донесеніямъ и письмамъ Муравьева, съ другой—изъ опасенія вызвать неудовольствіе англичанъ. Еще до полученія этого письма Муравьевъ отъ 13-го января обратился къ Перовскому съ просьбою снабдить его наставленіями о мѣрахъ, какія слѣдуетъ при-

¹⁾ Это было положительно неверно, какъ доказалъ капитанъ Непельскій и какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться въ бытность мою на Сахалинѣ въ августѣ 1849 г.

нять, чтобы воспрепятствовать англичанину Остену отправиться по рѣкѣ Амуру. Весьма благоразумно и осторожно Муравьевъ желалъ заблаговременно быть снабженнымъ наставленіями изъ Петербурга, какъ поступить въ данномъ случаѣ, но я могу завѣрить, что еслибы онъ этихъ наставленій не получилъ или они оказались бы несоотвѣтствующими плъи, а Остенъ сталъ бы настаивать на своемъ намѣреніи плыть по Амуру, то въ умѣ Муравьева заранѣе уже было рѣшено сыграть съ Остеномъ такую штуку, что тотъ вмѣсто того чтобы ѣхать на востокъ, поворотилъ бы оглобли на западъ. Муравьевъ высказывалъ намъ это не разъ словами, разумѣется, для насъ только понятными. Письмо отъ 13-го января Перовскій довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія, но такъ какъ отзывъ Его Величества казался ему не довольно положительнымъ, то, дабы отклонить всякую отвѣтственность относительно объясненій, которыя Муравьевъ долженъ былъ имѣть съ Остеномъ и которыя онъ непрямѣнно сообщить англійскому правительству, Перовскій просилъ канцлера гр. Нессельроде начертать письменно мысли его по этому предмету. Подлинную записку графа Нессельроде, удостоенную Высочайшаго одобренія, Перовскій препроводилъ къ Муравьеву при письмѣ отъ 28-го февраля 1849 г., съ добавленіемъ: „если Остенъ не знаетъ настоящей нашей границы съ Китаемъ, которая, впрочемъ, едва ли намъ самимъ извѣстна, то, кажется, нѣтъ надобности сообщать Остену, какъ сказано въ запискѣ гр. Нессельроде, что Шилка составляетъ пограничную черту съ Китаемъ“.

Для полнаго уразумѣнія, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ отнеслось къ вопросу амурскому, воспроизвожу всецѣло записку гр. Нессельроде: „англичанина Остена слѣдуетъ рѣшительно отклонить отъ изъявленнаго имъ намѣренія спуститься по Шилкѣ и плыть по Амуру. Предлогъ къ недопущенію его исполнить сіе намѣреніе можетъ быть тотъ, что плаваніе иностранца по Шилкѣ, которая есть пограничная наша рѣка съ Китаемъ, можетъ подать поводъ къ разнымъ въ тѣхъ мѣстахъ толкамъ, которые не-

„минуемо дойдуть и до китайцевъ и, по подозрительности
 „ихъ правительства, могутъ имѣть непріятное на оное влія-
 „віе. Между тѣмъ какъ, по связямъ нашимъ съ китайцами,
 „желательно избѣгать малѣйшихъ даже непріятныхъ съ ними
 „столкновеній, какъ съ добрыми сосѣдями, которне и съ
 „ихъ стороны не подають никакихъ намъ причинъ къ не-
 „удовольствію. Плаваніе же по Амуру рѣшительно можетъ
 „ихъ встревожить, и мы отъ этого строго воспрещаемъ даже
 „нашимъ подданнымъ плавать по сей рѣкѣ“.

Ясно, что въ словахъ „*Шилка, которая есть пограничная
 наша рѣка съ Китаемъ*“, объявляемыхъ Англичанину Остену
 генералъ-губернаторомъ отъ министерства иностранныхъ
 дѣлъ и еще съ Высочайшаго одобренія, лежала ловушка
 для Муравьева, чтобы связать ему руки на будущее время,
 какъ мы увидимъ изъ послѣдующихъ событій и изслѣдова-
 ній, доказавшихъ, что не Шилка пограничная наша рѣка съ
 съ Китаемъ, а Амуръ!

Разумѣется, что Муравьевъ, отправляясь въ Камчатку
 передать заступающему его мѣсто Владиміру Николаевичу
 Зарину къ исполненію только первую фразу Высочайше
 одобренной записки гр. Нессельроде, а именно, что слѣ-
 дуетъ *рѣшительно* отклонить Остена отъ изъявленнаго имъ
 намѣренія спуститься по Шилкѣ и плыть по Амуру, — и
 больше ничего. Слово „рѣшительно“ оиъ усилилъ еще сво-
 ими устными наставленіями, не оставлявшими никакого со-
 мнѣнія, что Остену ни въ какомъ случаѣ не удастся испол-
 нить свое намѣреніе.

Не дождавшись отбѣтовъ на свои письма отъ 14 сен-
 тября 1848 года и отъ 13 января 1849 года, Муравьевъ, на-
 мѣреваясь въ первыхъ числахъ мая выѣхать изъ Иркутска
 для путешествія въ Камчатку и желая до отъѣзда получить
 отъ Государя тѣ повелѣнія, которыя, можетъ быть, Его Ве-
 личеству благоугодно будетъ дать ему по случаю отправле-
 нія его для обозрѣнія Якутской области, Охотска и Камчатки,
 рѣшился 25 февраля послать всеподданнѣйшій рапортъ и
 при немъ особую докладную записку, которыми снова обра-
 щалъ вниманіе Государя на положеніе золотопромышленности

и Кяхтинской торговли, на вѣроятность совершеннаго ея упадка отъ соперничества Англичанъ и на неразлучныя съ этимъ послѣдствія. При этомъ возникало предположеніе, что эти иностранцы займутъ устье Амура, поставятъ тамъ свою крѣпость и пароходы ихъ пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы. Однимъ изъ такихъ послѣдствій представлялось опасеніе, что Сибирь можетъ отложиться отъ Россіи. „Не разъ случалось мнѣ слышать въ Петербургѣ опасеніе—писалъ Муравьевъ въ своей всеподданнѣйшей докладной запискѣ—что Сибирь рано или поздно можетъ отложиться отъ Россіи, но прѣжде прибытія моего сюда я считалъ это опасеніе не основательнымъ, не умѣя себѣ объяснить, отъ какаго бы источника опасность эта могла проистекать; здѣсь, Государь, я убѣдился, что опасеніе это весьма естественно и отъ такихъ причинъ, которыя совершенно чужды соображеніямъ столичнымъ. Я нашелъ здѣсь весь народъ подъ вліяніемъ и въ рукахъ, такъ сказать, богатыхъ торговцевъ, промышленниковъ и откупщиковъ и всѣхъ чиновниковъ правительственныхъ, почти безъ исключенія, на содержаніи и въ услугахъ тѣхъ же богатыхъ людей. Я строго и твердо принялся дѣйствовать противъ этого направленія, ни законами, ни совѣстью не оправдаемаго, сначала одинъ, потомъ съ помощью нѣсколькихъ сотрудниковъ, прибывшихъ сюда за мною на службу, но всѣ усилія наши, можетъ быть и не совсѣмъ безуспѣшныя, возбудили однако жъ опасную для насъ борьбу съ золотомъ, опасную не внутри края, гдѣ твердость моя внушаетъ страхъ и уваженіе самому золоту, а въ столицѣ, гдѣ рѣдкій департаментъ не вооруженъ противъ настоящаго управленія Восточной Сибири. Я осмѣлился сказать это только для того, чтобъ доказать, сколь слаба надежда уничтожить вліяніе богатаго промышленнаго и торговаго класса на все народонаселеніе и что въ тѣхъ же видахъ я опасаясь сосредоточенія богатствъ въ немногихъ рукахъ при настоящемъ учрежденіи о золотопромышленности; богатый же классъ этотъ и болѣе образованный по происхожденію своему и по отдаленности отъ центра имперіи,

„вовсе не имѣетъ чувствъ той преданности къ Государю
 „и отечеству, которая внутри имперіи всасывается съ мо-
 „локомъ,—онъ ко всему равнодушенъ, кромѣ своихъ вы-
 „годъ и, за немногими только исключеніями, нѣтъ почти и
 „надежды возбудить въ нихъ тѣ высокія чувства, которыми
 „гордятся и славятся всякій русскій; а между тѣмъ она не
 „только не лишена свойственнаго русскимъ смысла и пред-
 „примчивости, но и превосходятъ въ этомъ жителей внут-
 „реннихъ губерній, что весьма естественно по самому роду
 „ихъ занятій для полученія своихъ выгодъ на адѣшнихъ
 „огромныхъ и дикихъ пространствахъ. Этотъ смыслъ и эта
 „предпримчивость указываетъ имъ ясно, что настоящій ис-
 „токъ Сибирскихъ произведеній, что все будущее благоден-
 „ствіе Восточной Сибири заключается въ вѣрномъ и удоб-
 „номъ сообщеніи съ Восточнымъ океаномъ и что Кяхта
 „рано или поздно потеряетъ для нихъ свое значеніе по со-
 „перничеству англичанъ и что всякій другой промыселъ
 „ничтоженъ и не можетъ принять желаемыхъ размѣровъ
 „безъ плаванія по Амуру. И вотъ въ послѣдніе годы, а
 „особенно въ прошломъ, возникло не безосновательное пред-
 „положеніе, что англичане займутъ устье Амура. Наружно,
 „многіе изъ нихъ изъявляютъ въ этомъ свои опасенія и сожа-
 „лѣніе, внутренно имъ все равно, кто бы ни открылъ Амуръ —
 „но какъхъ тогда потребуется сила и средствъ отъ правитель-
 „ства, чтобы Восточная Сибирь не сдѣлалась англійскою,
 „когда въ устьѣ Амура станетъ англійская крѣпость и
 „англійскіе пароходы пойдутъ по Амуру до Нерчинска и
 „даже до Читы? Что безъ устья Амура англичане не до-
 „вершатъ своего предпріятія на Китай,—это естественно.
 „пбо съ правой стороны впадаютъ въ Амуръ большія су-
 „ходоходныя рѣки, протекающія до тысячи верстъ по насе-
 „леннымъ сѣверо-восточнымъ Китайскимъ провинціямъ;—
 „что восточная оконечность Сибири въ послѣдніе годы за-
 „нимаетъ англичанъ,—это несомнѣнно. Еслибы вмѣсто
 „англійской крѣпости стала въ устьѣ Амура русская крѣ-
 „пость, равно какъ и въ Петропавловскомъ портѣ въ Кам-
 „чаткѣ и между ними ходила флотилія, а для вѣщей пред-

„осторожности, чтобъ въ крѣпостяхъ этихъ и на флотахъ и
„гарнизонахъ, экипажъ и начальство доставляемы были изъ
„внутри Россіи, то этимъ небольшими средствами, на вѣч-
„ныя времена было бы обезпечено для Россіи владѣніе Си-
„бирью и всѣми неисчерпаемыми ея богатствами и особенно
„золотомъ, которое сдѣлалось уже для нея необходимостью
„и котораго еще богатѣйшіе источники обѣщаютъ весь лѣ-
„вый берегъ Амура, по самымъ вѣрнымъ признакамъ лично,
„мною въ прошломъ году въ Нерчинскомъ округѣ и по
„пограничной р. Горбицѣ видѣннымъ“.

Представляя Государю эту картину, Муравьевъ, понятно, самъ не допускалъ и мысли о возможности отложенія Сибири когда-либо отъ Россіи, но имѣлъ цѣлью во-первыхъ объяснить, изъ какихъ соображеній и сопоставленій естественно могла возникнуть въ известномъ кругѣ эта идея, которую, сколько мнѣ помнится, раздѣлялъ и генераль-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ, а во-вторыхъ онъ хотѣлъ, такъ сказать, осязательно изобразить необходимость безотлагательнаго занятія устьевъ Амура въ подкрѣпленіе всѣхъ, предпринимаемыхъ имъ для этого, подготовительныхъ мѣръ.

Къ пасхѣ 1849 г., во-очію, сказалась интрига, которая велась въ Петербургѣ около Царя противъ Муравьева. Министръ Перовскій въ началѣ марта въ разговорѣ съ Государемъ упомянулъ вскользь о награжденіи Муравьева. Его Величество изволилъ отозваться, что онъ предполагаетъ произвести Муравьева въ Святой недѣлѣ въ генераль-лейтенанты, о чемъ тогда же отдалъ приказаніе военному министру; 3-го апрѣля вышелъ Высочайшій приказъ о наградахъ къ пасхѣ. Имени Муравьева тамъ не было. Перовскій немедленно обратился къ графу В. Ө. Адлербергу за разъясненіемъ этого обстоятельства. Изъ отвѣта Адлерберга видно, что нельзя было толку добиться, кто виноватъ, кто забылъ, кто ошибся,—кончилось тѣмъ, что 12-го апрѣля, *post festum*, явился особый Высочайшій приказъ о производствѣ Муравьева въ генераль-лейтенанты со старшинствомъ съ 3-го апрѣля, но безъ утвержденія его въ должности генераль-губернатора, какъ это обыкновенно

водится въ этихъ случаяхъ. Перовскій былъ возмущенъ, но не считалъ однако возможнымъ тотчасъ же еще разъ поднять пыль. Только 6-го декабря, послѣ Венгерскаго похода и по возвращеніи Муравьева изъ Камчатки, Муравьевъ былъ утвержденъ въ должности. По этому поводу Муравьевъ, тотчасъ же писалъ: „мнѣ лично награды не нужно, я служу по убѣжденію, съ сознаніемъ долга Царю и отечеству, мнѣ нужны награды для поддержанія моего авторитета въ край, какъ знакъ довѣрія ко мнѣ съ высоты престола“. Эту идею онъ проводилъ въ теченіе своей долголѣтней дѣятельности. Между тѣмъ говорили, что Муравьевъ былъ въ высшей степени честолюбивъ. Это положительно невѣрно!

Тяжело мнѣ жилось послѣ смерти моего дорогаго сослуживца В. М. Муравьева, въ которомъ я потерялъ истиннаго друга, хотя тогда еще не смѣлъ его такъ называть. Его предсмертныя конвульсіи произвели на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я ни одной ночи спокойно не проводилъ, мнѣ постоянно мерещилась его судороги и мнѣ казалось, что меня непременно постигнетъ та же участь—такъ сильно была поражена моя нервная система. Хотя пребываніе мое въ теченіе всего апрѣля въ бурятскихъ улусахъ, въ трудѣ и въ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, повліяло успокоительно на мою въ сущности крѣпкую натуру, но долго я еще подвергался этимъ галлюцинаціямъ. Только приготовленія къ Камчатскому походу и трудности этого путешествія съ непрерывно мѣнявшимися новыми впечатлѣніями возвратили мнѣ мое прежнее здоровье. Въ концѣ апрѣля я возвратился въ Иркутскъ. Приготовленія къ путешествію въ Камчатку были въ полномъ разгарѣ. Особенная заботливость была посвящена сооруженію походнаго погребца, такъ какъ онъ долженъ былъ состоять изъ двухъ только ящиковъ, размѣра такъ называемыхъ вьючныхъ, то-есть 7 верш. ширины, 10 вершк. вышины и 14 вершк. длины, кѣсомъ съ поклажею по 2½ пуда каждыя, а въ нихъ должны были помѣститься самоваръ, вся кухонная, чайная и столовая посуда для семи человѣкъ т. е. для генераль-губернатора со

свитою, не считая прислуги. Это была не малая задача въ виду неотступной требовательности Муравьева, чтобы число вьючныхъ лошадей по тракту изъ Якутска въ Охотскъ было по возможности сокращено. Онъ приказалъ, чтобы комплектъ всего каравана не превышалъ 40 лошадей, въ томъ числѣ и всѣ лошади для самихъ путешествующихъ, конхъ было 16 чел., со включеніемъ казаковъ и погонщиковъ, 20 лошадей подъ вьюками и 4 запасныя, на всякій случай, чтобы отнюдь не могла быть остановка въ переходѣ за недостаткомъ лошадей. На 40 лошадей платились прогонныя деньги. Якутское начальство и сами якуты ожидали, что генераль-губернаторъ потребуетъ для своего похода не менѣе 150 лошадей на каждую станцію, соображаясь съ числомъ лошадей, которое занималъ каждый отдѣльный частный путешественникъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ были удивлены, получивъ требованіе всего на 40 лошадей. Для того, чтобы себя и всѣхъ ему сопутствовавшихъ такъ стѣснить и заставить всѣхъ ограничиться только крайне необходимѣйшими предметами для дороги, нужно было бытъ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который первый во всемъ давалъ примѣръ. При этомъ не слѣдуетъ упустить изъ виду, что мы должны были везти съ собою всѣ предметы продовольствія, для всѣхъ вошедшихъ въ составъ экспедиціи, не менѣе какъ на одинъ мѣсяцъ. На Качутской пристани р. Лены были съ осени еще заказаны три павозка, (большія палубныя лодки) по образцу всегда прежде строившихся для плаванія по Ленѣ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ. Это были какіе-то неуклюжіе, неповоротливыя уроды, вовсе не соответствовавшіе живости характера Муравьева, положительно требовавшаго, чтобы онъ могъ владѣть по своему усмотрѣнію предметомъ, предназначеннымъ для его употребленія. Тутъ вышло совершенно на оборотъ: никакія усилія веслами, никакое увеличеніе числа поставленной парусности не могли помочь горю, когда теченіе плп направленіе вѣтра прижимало насъ къ тому или другому берегу пли загоняло въ вовсе нежеланный рукавъ огромной рѣки пли малѣйшее противное дуновеніе уравнивало силу тече-

ніа. Надводная часть была слишкомъ высока въ сравненіи съ подводною, длина ихъ не соответствовала ширинѣ. Словомъ эти павозки явились первымъ препятствіемъ, грозившимъ разстроить все расчеты Муравьева, еслибы онъ не шелъ, какъ говорится, съ запасомъ. Составивъ маршрутъ и снабдивъ меня, какъ начальника экспедиціи, точнѣйшею во всехъ отношеніяхъ инструкціею, Муравьевъ приказалъ мнѣ принять суммы, назначенныя на расходы по этой экспедиціи, а затѣмъ безусловно воспретилъ мнѣ обращаться къ нему за какими бы то ни было вопросамъ собственно по ходу экспедиціи, требуя только одного, чтобы маршрутъ и инструкція были неуклонно выполнены, если какія-либо сверхъестественныя обстоятельства, зависящія отъ воли Божьей, тому не помѣшаютъ. Вслѣдствіе этого все члены экспедиціи, не исключая самого генералъ-губернатора и его супруги, должны были безпрекословно подчиняться моимъ распоряженіямъ, основаннымъ на инструкціи. Е. Н. Муравьева — родомъ французженка, урожденная Ришмонъ. присоединилась къ православію при выходѣ въ замужество за Муравьева. Не трудно ей было убѣдить своего мужа взять ее съ собою въ Камчатку, потому что онъ былъ въ нее влюбленъ безумно она поклялась, безропотно переносить все трудности предстоявшаго путешествія, которыя ей рисовались не въ розовомъ цвѣтѣ. Не задолго до нашего отъѣзда изъ Иркутска пріѣхала туда знаменитая въ то время віолончелистка, французженка М-ле Элиза Христіани, молодая, недурная собою, съ чрезвычайно интеллигентнымъ выраженіемъ глазъ, бойкая и подвижная. Она пристала къ своей землячкѣ, чтобы ей было дозволено участвовать въ походѣ въ качествѣ ея компаніонки. Было рѣшено женской прислуги не брать съ собою, а такъ какъ, тѣмъ не менѣе, иногда могла представиться необходимость въ женской помощи, то Муравьевъ и согласился взять съ собою М-ле Христіани. М-ле Христіани взяла съ собою очень мало поклажи, и, приурочиваясь ко всемъ требованіямъ велегкаго похода, просила только объ одномъ,

чтобы ее не разлучали съ ея *stradivarius*'омъ, рѣдкою виолончелью, составлявшею все ея состояніе.

15-го мая было назначено выѣхать изъ Иркутска. Въ виду возможности, что путешествіе въ Камчатку, по непредвидѣннымъ препятствіямъ, продолжится болѣе, чѣмъ было предназначено и даже на случай гибели въ морѣ или внезапной смерти, Муравьевъ приготовилъ ко дню своего отъѣзда изъ Иркутска пространную записку о своихъ соображеніяхъ, на мѣстныхъ данныхъ основанныхъ, относительно Забайкальскаго края и находящагося въ немъ Нерчинскаго горнозаводскаго округа. Эту записку онъ представилъ Государю Императору при рапортѣ отъ 15-го мая. Всѣ прежнія предположенія объ укрѣпленіи въ Забайкальскомъ краѣ, на случай столкновенія съ Китаемъ, нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: Верхнеудинска и Нерчинска, пли же о возобновленіи по всей пограничной линіи пришедшихъ уже въ разрушеніе небольшихъ казачьихъ крѣпостей, Муравьевъ считалъ не достигающими цѣли и не соответствующими силѣ и достоинству Россійской Имперіи. Не соглашался онъ также съ мнѣніемъ о необходимости формированія новыхъ регулярныхъ войскъ для Восточной Сибири вообще и для Забайкальскаго края въ особенности, какъ съ мѣрою, обременительною для государственной казны, мѣрою, которая, по его мнѣнію, могла бы быть замѣнена мѣстными средствами, если только обратить на нихъ *безпристрастнѣе* козаяйственное вниманіе. Утверждая, что весьма ошибочно мнѣніе, чтобы китайцевъ могли встревожить какія-либо перемены въ пограничныхъ нашихъ учрежденіяхъ, а напротивъ, завѣряя, что усиленіе подвижныхъ военныхъ средствъ нашихъ въ Забайкальскомъ краѣ скорѣе дастъ китайцамъ надежду на всегда ожидаемую ими помощь отъ насъ, Муравьевъ полагалъ: *„образовать Забайкальское казачье войско, въ составъ коего включить: 1) все пограничное казачье войско, исключая Тункинскаго отдѣленія, которое должно поступить въ составъ Иркутскаго городоваго казачьяго полка; 2) Забайкальскій городовоі казачій полкъ; 3) всѣ инородческіе Тунгусскій и Бурятскіе полки; 4) всѣхъ станичныхъ каза-*

„ковъ Забайкальскаго края, и б) всѣхъ крестьянъ горнаго
 „вѣдомства Нерчинскаго округа. Изъ первыхъ четырехъ
 „разрядовъ составила бы конная часть этого войска, пя-
 „тый же разрядъ, т. е. крестьяне горнаго вѣдомства, обра-
 „щены были бы въ пѣхоту. Сихъ послѣднихъ на лицо слиш-
 „комъ 25 тысячъ душъ мужскаго пола. Крестьяне эти нынѣ
 „состоятъ въ этомъ вѣдомствѣ, какъ крѣпостные, и если
 „горныя права не распространяются на продажу ихъ, какъ
 „вообще крѣпостныхъ, то за то всѣ другія права, не подле-
 „жащія никакому мѣстному надзору и контролю, и укрѣп-
 „ляемыя въ глазахъ высшаго правительства *постановленіями*
 „*коллегіальной мѣста* (т. е. Горнаго Правленія) еще болѣе
 „обременительны, чѣмъ всякое помѣщичье владѣніе. При
 „обѣздѣ моемъ Нерчинскаго округа крестьяне эти безире-
 „станно подавали мнѣ письменныя и словесныя жалобы на
 „тягость своего положенія и повинностей—и всякое другое
 „состояніе было бы для нихъ отрадою. Когда распростра-
 „нился слухъ о перечисленіи, будто бы, другихъ крестьянъ
 „Нерчинскаго округа, принадлежащихъ губернскаму вѣдом-
 „ству, въ Горное, то опасался за ихъ спокойствіе. Нер-
 „чинскіе Горнаго вѣдомства крестьяне, платя подати по 3
 „руб. съ души, имѣютъ сверхъ того обязанностью перево-
 „зять руду и доставлять дрова и уголь на серебро-плавиль-
 „ные заводы, за что и получаютъ по горнымъ смѣтамъ плату,
 „изъ которой приходится на каждую душу отъ 1 р. до 1 р.
 „50 к.; но обязанность эта въ существѣ обходится на каж-
 „дую душу отъ 6 до 7 р. 50 коп. Эта огромная повинность,
 „не лежащая ни на какихъ другихъ крестьянахъ, есть, во-
 „вѣчно, самое существенное для нихъ отягощеніе. Къ ва-
 „щему униженію и отягощенію этихъ крестьянъ принадле-
 „житъ и то, что при производствѣ съ нихъ рекрутскаго на-
 „бора вравнивъ со всѣми другими крестьянами края, рекруты
 „ихъ поступаютъ не въ военное вѣдомство, а въ заводскіе
 „работы, которые имѣютъ одинаковыя обязанности съ каторж-
 „ными, съ тѣмъ лишь различіемъ, что самый тяжкій пре-
 „ступникъ несетъ эти обязанности *опредѣленнымъ* срокомъ, а
 „рекруты изъ крестьянъ покуда безсрочно, но предполо-

„гается, въ облегченіе ихъ службы на Нерчинскихъ заво-
 „дахъ, назначить срокъ наравнѣ съ Уральскими, т. е. *трид-
 „цать пять летъ*. Остается только исчислить, въ какой сте-
 „пени это положеніе и обязанности горныхъ крестьянъ по-
 „лезны для казны. Какъ нынѣ сказано, они служатъ соб-
 „ственно серебро-плавильнымъ заводамъ; а заводы эти съ
 „1830 года и понынѣ, т. е. со времени поступленія ихъ въ
 „вѣдѣніе министерства финансовъ, ежегодно приносили
 „только убытокъ, при чемъ работа крестьянъ въ расходахъ
 „исчислена по платѣ, имъ производимой, а не потому, во
 „что она крестьянамъ истинно обходится. Одна лишь добыча
 „золота, въ которой крестьяне вовсе не участвуютъ и кото-
 „рая производится заводскими рабочими, стала покрывать
 „ежегодные дефициты серебро-плавильныхъ заводовъ и до-
 „ставлять, сверхъ того, значительную выгоду казнѣ отъ Нер-
 „чинскаго Горнаго округа, и еслибъ производство этого ме-
 „талла не стѣснялось продолженіемъ безвыгоднаго серебро-
 „плавильнаго, то давно бы уже увеличилось до той степени,
 „какъ ему быть слѣдуетъ, въ мѣру рукъ собственно завод-
 „скихъ рабочихъ, состоящихъ изъ осельно-каторжныхъ и
 „сдаточныхъ. Еще графъ Сперанскій, обозрѣвшій Нерчин-
 „скіе заводы, писалъ: „Нерчинское серебро обходится весьма
 „дорого, и дороже, нежели чего оно стоитъ“. При возни-
 „кавшихъ объ этомъ предметѣ сужденіяхъ и перепискѣ глав-
 „нымъ препятствіемъ къ прекращенію серебрянаго въ Нер-
 „чинскомъ округѣ производства представляли всегда вопросъ:
 „Куда же дѣвать каторжныхъ, если работу эту прекратить?
 „На этотъ старинный вопросъ я имѣю теперь право отвѣ-
 „чать, что всѣхъ каторжныхъ должно обратить къ добыва-
 „нію золота въ Нерчинскомъ округѣ, гдѣ золотоносность
 „повсемѣстная“.

Рекрутскій наборъ доставлялъ Нерчинскимъ заводамъ
 среднимъ числомъ ежегодно около 60 рабочихъ. При зачи-
 сленіи горнозаводскихъ крестьянъ въ казачье сословіе, при-
 быль рабочихъ Нерчинскимъ заводамъ уменьшилась бы въ
 этомъ размѣрѣ. Возмѣщеніе этого незначительнаго числа ра-
 бочихъ рукъ изъ сдаточныхъ Муравьевъ рассчитывали

легко достигнуть уменьшеніемъ числа бѣглыхъ съ заводовъ, вслѣдствіе принимаемыхъ имъ для этого мѣръ. Расчетъ безошибочно вѣрный и весьма легко достигаемый.

Обративъ *безпристрастное* вниманіе Государя на всѣ вышеназложенныя хозяйственныя расчеты свои, относительно Забайкальскаго края, Муравьевъ, въ томъ же рапортѣ отъ 15-го мая, перешелъ къ представленію на Монаршее усмотрѣніе ближайшей цѣли, для которой указанныя имъ средства, можетъ быть, понадобятся въ самомъ непродолжительномъ времени: „Упадокъ Кяхтинской торговли свидѣтельствуется уже положительно о томъ, что предпріятія англичанъ на Китай не могутъ быть для насъ благопріятны; въ первые годы послѣ войны ихъ, это не могло быть для насъ замѣтно и ощущительно, ибо китайцы, руководимые ненавистью къ англичанамъ, предпочитали обращаться къ намъ, добрымъ и снисходительнымъ ихъ сосѣдямъ; но время и матеріальныя пользы смягчаютъ порывы ненависти, умѣрняютъ и пламень дружбы, не представляющей существенныхъ выгодъ. Въ этомъ положеніи отношеній нашихъ къ китайцамъ намъ остается только одно средство: поддерживать необходимое для Азіатской Россіи вліяніе надъ ними. представивъ слабымъ и боязливымъ сосѣдямъ нашимъ уважительныя военныя силы тамъ, гдѣ ближе, и для помощи имъ, и для страха, и вшгдѣ условія эти не достигаются лучше, какъ въ Забайкальскомъ краѣ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, прилегаетъ и къ Амуру. Что для выцгаго и полнаго обладанія торговлею въ Китаѣ, англичанамъ нужно устье Амура и плаваніе по этой рѣкѣ — это неоспоримо; еслибъ Амуръ не была единственная рѣка, текущая изъ Сибири въ Восточный океанъ, то мы могли бы еще къ предпріятіямъ ихъ быть снисходительнѣе, но плаваніе по Амуру, какъ по единственному удобному пути въ Востоку, есть вѣковая мечта здѣшнихъ жителей всѣхъ состояній, можетъ быть для многихъ инстинктивная, но тѣмъ не менѣе справедливая и я, по соображенію всѣхъ извѣстныхъ мнѣ на мѣстѣ обстоятельствъ, дерзаю сказать, что кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Си-

„бирью, по крайней мѣрѣ до Байкала, и владѣть прочно, ибо достаточно имѣть устье этой рѣки и плаваніе по оной подъ ключемъ, чтобъ Сибирь болѣе населенная и цвѣтущая земледѣліемъ и промышленностью, оставалась неизмѣнною данницею и подданною той державы, у которой будетъ этотъ ключъ“.

За симъ указывая, что, безъ сомнѣнія, вся покатость Яблоноваго или Становаго хребта заключаетъ въ себѣ золото по вытекающимъ оттуда и впадающимъ въ Амуръ рѣкамъ и на затруднительность сообщенія съ Камчаткою черезъ Якутскъ и Охотскъ или Аянъ, Муравьевъ развиваетъ мысль о заселеніи лѣваго берега Амура и объ учрежденіи пароходнаго сообщенія по этой рѣкѣ и заключаетъ свое донесеніе заявленіемъ, что началомъ и основаніемъ всѣхъ этихъ предположеній можетъ быть только: 1) образованіе Забайкальскаго казачьяго войска въ томъ составѣ, какъ выше изложено и 2) распространеніе золотого казеннаго промысла въ Нерчинскомъ округѣ, не вдаваясь ни въ какія-либо изысканія или рекогносцировки въ мѣстности къ востоку отъ р. Горбицы, прежде чѣмъ не будетъ нами занято устье Амура и не возникнутъ съ китайскимъ правительствомъ сношенія и переговоры о рѣшительномъ опредѣленіи границъ между обоими государствами, тамъ гдѣ они считались до того времени еще неопредѣленными. Предупредить Государя о томъ, что всякія теперь же изысканія и рекогносцировки къ юго-востоку отъ р. Горбицы будутъ не своевременны, Муравьевъ считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ Иркутскѣ носились смутные слухи, будто военное министерство снаряжаетъ какую-то экспедицію съ секретною дѣлюю изслѣдовать южную покатость Яблоноваго хребта. Почти одновременно съ вышеупомянутымъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, Муравьевъ написалъ два письма. Одно къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою, чтобы на пристава отправляющейся тогда въ Пекинъ новой миссіи была возложена обязанность увѣдомлять его, генераль-губернатора, изъ Пекина, во всякомъ случаѣ обо всемъ, что тамъ происходитъ, и что бы этому приставу не бы-

до дано тогда же, т. е. до возвращенія его, Муравьева, изъ Камчатки, никакого особаго порученія для сношенія съ китайскимъ правительствомъ, доколѣ не объяснятся главные вопросы и самъ приставъ не ознакомятся съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ. Другое—къ министру финансовъ отъ 27 апрѣля, которымъ онъ счелъ своею обязанностью вновь обратить его вниманіе на неудовлетворительное положеніе кяхтинской торговли, указывая, что торговые наши интересы въ Китаѣ приняли невыгодный оборотъ и годъ отъ году будутъ клониться къ упадку, если мы не обратимся къ *новымъ направлениямъ и предпріятіямъ* для поддержанія и распространенія ихъ. „Китайская имперія,— писалъ Муравьевъ *Г. П. Вронченко*,—при всемъ желаніи своемъ сохранить вѣковую *свою неподвижность*, которая и для насъ была очень выгодна, получила, къ сожалѣнію ¹⁾, такой толчекъ отъ Англіи, который поневолѣ заставляетъ и насъ, приходить здѣсь въ *подвижность*. Съ полною осторожностью и осмотрительностью, особенно къ сохраненію государственныхъ финансовыхъ выгодъ, *приготовляюсь къ этому новому зову порядку вещей*, но не могу скрыть опасеній за успѣхъ различныхъ предположеній и соображеній моихъ, которыя уже не могутъ согласоваться съ *прежнимъ порядкомъ вещей*, если выше высокопревосходительство не удостоите меня личнымъ вашимъ довѣріемъ“.

Какъ былъ назначенъ выѣздъ изъ Иркутска, такъ онъ и состоялся день въ день, часъ въ часъ: 15-го мая послѣ обѣда, чтобы нечеромъ еще насвѣгло переправиться, около Кудинской степной Думы, черезъ р. Куду, весеннія воды которой очень широко разливались. Провожалъ генераль-губернатора исправникъ С. О. Чайковский, дочь котораго впоследствии была принята Муравьевыми въ свой домъ и ими воспитывалась. Переѣздъ до Качугской пристави на Ленѣ совершился съ необыкновенною быстротою

¹⁾ Сожалѣніе относится, разумѣется, только къ тому обстоятельству, что Китай получилъ этотъ толчекъ отъ Англіи, а не отъ Россіи, какъ бы следовало ожидать при тѣхъ вѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя Россія имѣла съ Китаемъ.

въ сопровожденіи массы бурятъ верхами, съ ихъ тайшами во главѣ. На Качугѣ, послѣ молебствіи и окропленія Св. водою павозковъ, всѣ вещи были вскорѣ погружены, и мы отвалили, какъ говорится, вслѣдъ за льдами, при громкихъ крикахъ „ура!“ собравшихся на пристани купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ, привѣтствовавшихъ новаго генераль-губернатора съ невидѣннымъ мною раньше радушіемъ. Для усиленія рабочей силы на павозкахъ, кромѣ гребцовъ изъ обывателей, перемѣнявшихся на каждой стаяці—(лѣтомъ съ Якутскомъ въ то время не существовало никакого сообщенія кромѣ какъ на почтовыхъ лодкахъ, отъ стаяці до стаяці, оплачиваемыхъ установленными прогонными деньгами по числу забираемыхъ гребцовъ),—по павозкамъ были распределены 30 человекъ нижнихъ чиновъ, отправлявшихся изъ Иркутска въ Охотскъ для укомплектованія тамошней морской команды. Въ строевомъ отношеніи эта небольшая команда состояла въ вѣдѣніи поручика Ваганова, а въ хозяйственномъ подчинялась моимъ распоряженіямъ. Павозокъ № 1 являлъ генераль-губернаторъ съ супругою и m-lle Христіани. На этомъ павозкѣ была устроена сравнительно большая столовая, гдѣ вся свита собиралась ежедневно два раза, къ завтраку и обѣду, и гдѣ Муравьевъ, за особымъ столомъ, занимался дѣлами и выслушивалъ доклады каждаго изъ насъ по своей части. Послѣ завтрака и обѣда все общество обыкновенно выходило по палубу и тамъ велись оживленныя бесѣды. Муравьевъ ужасно любилъ дразнить m-lle Христіани, за что въ отвѣтъ она его прозвала: *le petit-general rouge*. На 2-мъ павозкѣ помѣстились чиновники, лаборантъ и топографъ, а на третьемъ кухня съ прислугою. Самое удобное бывало, когда ширина плёса, теченіе рѣки и вѣтеръ позволяли связывать всѣ три павозка къ ряду, тогда дѣйствительно жилось уютно. Къ сожалѣнію, это случалось очень рѣдко, потому что павозки, какъ я уже говорилъ, были до невозможности неуклюжи, и для ускоренія хода, по расчету маршрута, приходилось большею частью идти на веслахъ по-одиночкѣ. Вездѣ головы прибрежныхъ волостей встрѣчали генераль-губернатора съ хлѣбомъ солью—

просто, безъ затѣй, большая коврига ржаного или ячменнаго хлѣба съ кучкою соли. Обыватели съ удовольствіемъ привозили къ намъ на павозки много провизіи, за которую приказано мнѣ было щедро расплачиваться непремѣнно звонкою монетою. Особенно много привозили живой рыбы, стерлядей огромныхъ размѣровъ; одновременно у меня бывало на привязи за кухоннымъ павозкомъ до 24 стерлядей не менѣе аршина длины, изъ которыхъ варились уха для команды. Подобной роскоши наши солдатыки никогда и во снѣ не видали. Вообще въ продовольствіи былъ полный избытокъ. По порученію генералъ-губернатора я ревизовалъ всѣ попутныя волостныя правленія, выѣзжая впередъ на маленькой лодкѣ и потомъ догоняя павозки тѣмъ же порядкомъ. Подробная ревизія уѣздныхъ городовъ Киренска и Олекминска а равно и областного города Якутска была отложена до обратнаго пути; я проверялъ только приходо-расходныя книги и суммы мѣстныхъ казначействъ и присутственныхъ мѣстъ. Еще до отъѣзда изъ Якутска догналъ насъ тамъ курьеръ изъ Иркутска отъ предѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ Главнаго Правленія Восточной Сибири Зарина съ извѣстіемъ, что по Высочайшему повелѣнію военнымъ министерствомъ снаряжена экспедиція подъ начальствомъ подполковника Ахте, для изслѣдованія на основаніи сообщеній академика Миддендорфа, Становаго хребта къ востоку отъ Горбицы до Тугурской губы близъ Охотскаго моря, т. е. именно того, чего Муравьевъ опасался и не хотѣлъ. Муравьевъ рѣшился остановить до своего возвращенія изъ Камчатки исполненіе Высочайшей воли своею властью и донесъ объ этомъ Государю Императору въ собственныя руки, а предѣдательствовавшему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія послалъ съ обратнымъ курьеромъ соответственное ему предложеніе. Въ Якутскѣ мы прожили по необходимости три сутокъ, для укладки разныхъ вещей и провизіи по вьючнымъ ящикамъ и приспособленія оставаемаго багажа для вьючной перевозки. Много хлопотъ надѣлала мнѣ виолоучель ш-ше Христиани. Сверхъ обыкновеннаго ея деревяннаго ящика пришлось устроить желѣзный

изъ кровельнаго желѣза, запаять его и обвязать войлоками для предохраненія отъ сырости. Виолончель занимала особую лошадь по громоздкости своей, чѣмъ Муравьевъ былъ очень недоволенъ; но дѣлать нечего, поворчалъ и—подчинился необходимости, имъ самымъ добровольно созданной. Собственно путь лежалъ прямо на Меинскую станцію Охотскаго тракта, но Муравьевъ хотѣлъ непременно видѣть самое большое русское село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого рѣшился сдѣлать порядочный кругъ т. е. ѣхать на Амгинскую слободу и оттуда плыть по р. Амгѣ къ Меинской станціи. Долина р. Амги считается Якутскою Италіею. Навоже было наше удивленіе, когда мы убѣдились, что рѣдкій изъ русскихъ крестьянъ этой слободы умѣетъ говорить по-русски: здѣсь разительнѣе всего подтверждается наблюденіе, что якутское племя поглощаетъ все посторонніе элементы, въ нее вторгающіеся, и даже изъ самыхъ жителей г. Якутска,—какъ писалъ преосвященный Иннокентій, впоследствии митрополитъ Московскій, въ своей препоходной запискѣ о Якутской области,—очень многіе гораздо свободнѣе и охотнѣе говорятъ по-якутски, чѣмъ по-русски. У Меинской станціи сѣли мы на лошадей, даже дамы въ мужскихъ костюмахъ, въ высокихъ болотныхъ сапогахъ, и вступили въ непроходимыя тундры и дѣвственные лѣса, по которымъ пролегаетъ путь отъ Якутска до Охотска: 1.000 верстъ, и верстъ старинныхъ Екатерининскихъ, семисотенныхъ. Сколько неизмовѣрныхъ трудностей перенесли мы, сколько казавшихся намъ непреодолимыми препятствій побороли мы только благодаря настойчивости, твердости и опытности Муравьева, показывавшаго во всемъ примѣръ. Послѣ перваго 25-ти верстнаго верховаго перехода, Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможенія, не могла въ назначенный часъ сѣсть опять на лошадь. Это обстоятельство не было предусмотрѣно инструкціею, и я ждалъ приказаній какъ быть. Въ станціонномъ домикѣ, гдѣ легла было отдохнуть генеральша, произошелъ наконецъ крупный разговоръ по-французки, какъ мы слышали, стоя тутъ у входа съ осѣдланными лошадьми. Выходя изъ избы, Муравьевъ приказалъ мнѣ

отправить его супругу одну съ камердинеромъ Флегонтомъ обратно въ Якутскъ, гдѣ ей предоставлялось остаться до возвращенія генерала изъ Камчатки или вернуться въ Иркутскъ. Муравьевъ сѣлъ на свою лошадь въ назначенный по маршруту часъ и отправился дальше, а Екатерина Николаевна вернулась бы въ Якутскъ, еслибы она, убѣдившись въ неуступчивости своего супруга, не сдѣлала сверхъестественное усилье: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поѣхала за своимъ жестокимъ мужемъ. Какъ объяснить эту жесткость? Опытностью: онъ зналъ, что если въ томъ разбитомъ состоянiи, въ которомъ находилась его жена, залезать, то это не пройдетъ въ теченiе нѣсколькихъ дней, а если немедленно опять сѣсть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость пройдетъ сама собою, незамѣтно, безъ потери времени для дѣла, въ которомъ каждый день считался. Много такихъ сценъ, очень тяжелыхъ и удручающихъ, а въ воспоминанiи прiятныхъ, пережили мы въ этомъ походѣ. Жаль, что тогда еще не были въ употребленiи походные фотографическiе аппараты; сколько дѣйствительно въ высшей степени интересныхъ сценъ и группъ могло бы быть снято, которыхъ описать нѣтъ никакой возможности. Полчасъ наше шествiе имѣло видъ восточнаго мусульманскаго каравана, только не по сухой голой степи, а по пѣчно-мокрымъ тундрамъ, покрытымъ первобытнымъ лѣсомъ. Цѣлая туча комаровъ и мошкаръ иногда, подъ утро, какъ будто хотѣли намъ преградить путь, съ такою яростью они на насъ нападали; никакое куренiе не отгоняло ихъ. Для этихъ случаевъ мы всѣ были вооружены башлыками изъ бѣлаго коленкору со вставленными съ лицевой стороны черными волосяными сѣтками. Съ этимъ головнымъ уборомъ мы имѣли видъ мусульманъ съ бѣлыми талмамя въ темно-смуглыхъ головяхъ. Наши привалы на кормовищахъ (луговыхъ мѣстахъ), на которыхъ пасутся лошади, не получая другаго корма, были въ высшей степени живописны и характерны въ особенности постѣ перенесенной какой-либо, въ рядъ выходящей, труд-

ности—отъ радости, что опасность миновала, что препятствіе побѣждено, утомленіе забывалось. Костры разводились, ковры разстилались, болотные сапоги долой и всѣмъ дышалось легко, было весело на душѣ. М-ше Христиани непременно затягивала какую-нибудь французскую пѣсенку, и мы ей подпѣвали, за неймѣніемъ русскихъ запѣвалъ и русскихъ пѣсенниковъ, а генераль нашъ, въ отличномъ расположеніи духа, пошучивая и посмѣиваясь, стоя около костра, подбодрялъ наше веселое настроеніе духа острыми словцами. Въ особенности мнѣ памятенъ ночлеги послѣ переправы черезъ р. Бѣлую, между станціями Аллахъ-Юномъ и Юдомскимъ Крестомъ, послѣ четырехъ сутокъ проливныхъ дождей. Когда мы подходили подъ вечеръ къ рѣкѣ Бѣлой, за которою въ 4-хъ верстахъ былъ назначенъ ночлеги на просторномъ кормовищѣ, послышались вдругъ какіе-то неопредѣленные крики. Чуткое ухо стараго кавказскаго воина, Муравьева, привыкшаго прислушиваться къ малѣйшему шороху, тотчасъ обратило на это вниманіе. „Что это значитъ, неужели мы догоняемъ вьюки?“ были его слова, обращенныи ко мнѣ, ѣхавшему позади его.

— „Не знаю, ваше превосходительство“, былъ мой отвѣтъ.

— „Узнайте!“

Насколько дозволила тундристая почва, поросшая густымъ кустарникомъ, и ускорилъ ходъ моей лошади. Вскорѣ я, дѣйствительно, встрѣтилъ передовые вьюки нашего транспорта, который съ утра былъ отправленъ впередъ; съ урядникомъ Хвѣдаковымъ во главѣ они возвращались. На вопросъ мой: „что это значитъ?“ Хвѣдаковъ отвѣтилъ мнѣ: „Бѣлая отъ дождей разыгралась, нельзя переправиться, нужно вернуться къ кормовищу, которое мы уже прошли въ 7 верстахъ отсюда“. Съ этимъ отвѣтомъ я вернулся къ генераль-губернатору.

— Вадоръ! Какъ смѣлъ Хвѣдаковъ вернуться, галуны спорю! Коли не рѣшился переправиться, то онъ долженъ былъ дожидаться нашего прибытія у самой рѣки. Велите ему немедленно вернуться къ рѣкѣ.

Сказано—сдѣлано. Дойдя до самой рѣки, мы увидѣли

мутныя волны ея, которыя, стремясь со страшною быстро-
тою, струятся, пѣнятся и камни несутъ.

— Гдѣ переправа, гдѣ бродъ?—спросилъ Муравьевъ.

— Здѣсь!—указываютъ якуты.

— Покроетъ вода спину лошади?

— Нѣтъ, а повыше полубрюха будетъ.

— Сперва переправимся вдвоемъ, Струве!—были слова
Муравьева, обращенныя опять ко мнѣ. Якуты стали увѣ-
рять, что это невозможно: „Не можно, пропадешь!“

Привнаюсь, у меня душа въ пятки ушла, но послушаться
не посмѣлъ и не хотѣлъ. Муравьевъ крѣпко пожалъ руку
своей женѣ, которая не могла удержать своего отчаянiя и,
съ любовью взглянувъ на него, въ надеждѣ его еще оста-
новить, сказала ему: „Nicolas, tu es fou!“—но напрасно!

Мы были въ мѣховыхъ скортюкахъ и высокихъ болотныхъ
сапогахъ. Перекрестившись, мы вступили въ рѣку. Якуты
смотрѣли на насъ молча, со страхомъ, блѣднѣли и машиналь-
но крестились. Переправа была сажень въ 30—40 шириною.
Шли мы по грядѣ камней; оступись лошадь на шагъ—и она
погибла бы вмѣстѣ со своимъ всадникомъ. Я ѣхалъ за Му-
равьевымъ совершенно безотчетно. У самаго противополож-
наго берега лошадь его было пошатнулась и, казалось, что
ее мгновенно снесетъ, но ударомъ нагайки и натянувъ
быстро лѣвый поводъ Муравьевъ сумѣлъ ее поставить на
моментъ противъ теченiя; въ слѣдующій моментъ она вы-
скочила на берегъ, а вслѣдъ за нею и моя лошадь. Клики
удовольствiя и радости якутовъ слышались съ другой сто-
роны.

— Ну, теперь назадъ, но только не одинъ за другимъ,
а рядомъ, для того, чтобы испытать, могутъ ли пройти двое
рядомъ. Вы увидите, что возможно, пойдете за дамами.

— Слушаюсь!—былъ короткій мой отвѣтъ.

Мы вернулись также благополучно. Муравьевъ велѣлъ
немедленно развязать вьючныхъ лошадей и перегнать ихъ

черезъ рѣку поодиночкѣ¹⁾. Одну лошадь со всѣмъ ея вьюкомъ, запасомъ сахара, свесло въ пучину и мы ее больше не видали, она видимо была слабѣе другихъ. Переправивъ вьючный транспортъ и обезпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшее продовольствіе экспедиціи, Муравьевъ взялъ къ себѣ подъ лѣвую руку лошадь своей жены, Штубендорфу велѣлъ тоже сдѣлать съ лошадью m-lie Христиани, а мнѣ приказалъ ѣхать во главѣ, чтобы указать путь. Такъ мы переправились и черезъ часъ дошли, къ удивленію всѣхъ якутовъ, до ночлега, назначеннаго по маршруту за р. Бѣлою. Эта необычная, по словамъ якутовъ, переправа произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они ничего не считали невозможнымъ для Муравьева.

Для чего же Муравьевъ, повидимому, такъ безразсудно рисковалъ своею жпзнью и жизнью всѣхъ своихъ спутниковъ? Не значило ли это искупать Бога? Нѣтъ! онъ бывалъ въ подобныхъ передѣлкахъ; онъ зналъ, что съ Божіею помощью онъ ничѣмъ не рискуетъ; его смѣлость, его настойчивость были основаны на опытности, которою весьма немногіе обладаютъ. Его поступокъ вполне оправдался результатомъ: еслибы мы переночевали на кормовищѣ по ту сторону р. Бѣлой, то она за ночь такъ разыгралась бы, что на другой день, дѣйствительно, переправа была бы уже невозможна и пришлось бы, еслибы дожди даже тотчасъ перестали лить, переждать два три-четыре, пока рѣка вошла бы опять въ положеніе, возможное для переправы, и это время было бы потеряно для экспедиціи, маршрутъ не былъ бы выполненъ, а кто не знаетъ,

---

¹⁾ При передвиженіи вьючныхъ транспортъ по Охотскому тракту всегда связывается десять лошадей одна за хвостъ другой и при нихъ полагается одинъ погонщикъ. Такимъ порядкомъ эти караваны извиваются между деревьями необозримыхъ лѣсовъ, по кочкамъ тундры, по скаламъ и камнямъ и нѣ бродятъ черезъ рѣки. Здѣсь же Муравьевъ приказалъ ихъ развязать на тотъ случай, если ту или другую лошадь свесетъ теченіемъ, то она по крайней мѣрѣ не увлечетъ за собою остальныхъ, съ которыми она была связана.

съ какими послѣдствіями сопряженъ однажды нарушен-
ный безъ основательныхъ причинъ порядокъ. Пришли
мы къ ночлегу поздно въ 10-мъ часу, а подняться назна-
чено было къ 4-мъ часамъ утра, какъ обыкновенно когда
мы приходили къ ночлегу къ 7-мъ часу, поэтому я не могъ
рѣшиться на постановку палатокъ, опасаясь, что не успѣю
утромъ убрать ихъ во время. Какъ Екатерина Николаевна
ни просила своего мужа приказать поставить палатку и дать
ей желѣзную кровать, но на это, какъ всегда, послѣдовалъ
стереотипный короткій отвѣтъ: „это меня не касается, это
дѣло Струве, его и отвѣтственность“. Разумѣется, что я,
при этомъ условіи, не могъ рѣшиться ни на какую уступку,
потому что въ случаѣ малѣйшаго замедленія, вся гроза об-
рушилась бы на мою голову. Тѣмъ не менѣе какъ всѣ я
были утомлены и не смотря на то, что предвидѣлся только
короткій и неудобный отдыхъ, мы прересело и пренсправно
поужинали и послѣ того расположились пить чай. Подъ
впечатлѣніемъ рѣдкаго, по моимъ понятіямъ, подвига рѣ-
шительности и настойчивости Муравьева при переправѣ че-
резъ р. Бѣлую, я тутъ же, сѣдя на ковѣхъ недалеко отъ
Екатерины Николаевны, какъ бы предчувствуя, какія услу-
ги мужъ ея еще окажетъ нашему отечеству, сказалъ ей:
*Savez vous, madame, que je n'ambitionne qu'une chose, c'est
d'écrire un jour la biographie du général*“. Поѣздка Мура-
вьева въ Камчатку была причиною тревогъ, волненій и тол-
ковъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдаленныхъ провинціяхъ
и уголкахъ Россіи, какъ въ высшей сферѣ, такъ и въ сред-
нихъ и низшихъ слояхъ общества и населенія. На станціи
„Юдомскій Крестъ“ Охотскаго тракта, жена смотрителя,
въ моментъ прибытія нашего туда, разрѣшилась отъ бре-
мени тройнею. „Думали преждевременно, — какъ мужъ ея
преважно объяснилъ генераль-губернатору, рапортуя о
благополучномъ состояніи ввѣренной ему станціи, — отъ тре-
воги, ваше высокопревосходительство, шибко безлоковлась,
больно испугалась, узнавъ, что изволите подходить къ стан-
ціи“. Муравьевъ засмѣялся, приказавъ мнѣ выдать роже-

вицѣ сто рублей монетою на зубки новорожденнымъ и самъ выказался быть воспріемникомъ ихъ отъ купели. Съ Метинской станицы мы спустились въ лодкахъ по р. Охотѣ до Охотскаго порта, куда прибыли 25 іюня въ день рожденія Императора Николая I-го, какъ было назначено по маршруту, но не могли войти по случаю мелководья. На устьѣ рѣки имѣли большое вліяніе морской приливъ и отливъ. Мы должны были дождаться прилива. Названіе „Охотскій портъ“—чистая насмѣшка. Городъ по географическимъ учебникамъ и по нахожденію тамъ уѣздныхъ полицейскихъ и судебныхныхъ учрежденій—это селеніе представляло нѣсколько рядовъ полуразрушившихся казенныхъ зданій и частныхъ домовъ-избъ, въ которыхъ едва укрывались отъ холода и непогоды офицеры и чиновники, отправившіеся туда на службу, увлеченные преимуществами, предоставляемымъ закономъ служащимъ въ этомъ непривѣтливомъ краѣ. „Воѣ наши занятія здѣсь,—писалъ Муравьевъ гр. Л. А. Перовскому изъ Охотска,—будутъ только служить для убѣжденія отдаленныхъ невѣрующихъ, что Охотску сто лѣтъ тому назадъ не должно было бы уже существовать.“ Безконечныя разсужденія и переписки о перенесеніи Охотскаго порта продолжались съ 1736 года, и только личный осмотръ Муравьевымъ Охотска, Петропавловскаго порта и Аяна привелъ, наконецъ, послѣ 112 лѣтъ, этотъ вѣковой вопросъ къ желанной развязкѣ. Прибывшій за два дня до насъ изъ Петропавловскаго порта трехмачтовый транспортъ „Иртышъ“, подъ командою капитана 2-го ранга В. К. Попловскаго, усиленно выгружался и готовился къ новому плаванію подъ генераль-губернаторскимъ флагомъ по Охотскому морю и Тихому океану къ Камчаткѣ. Начальникъ Охотскаго порта капитанъ 1-го ранга И. В. Воллярскій, старикъ дѣльный, умный, чрезвычайнѣ дѣятельный, но, къ сожалѣнію, нужно сознаться, исполненный личностей, въ пику начальнику прежней Охотской, а потомъ уже Аянской, факторіи Сѣверо-Американской компаніи, В. С. Залойко, представилъ было въ началѣ 1847 г. кн. А. С. Мещникову проектъ перенесенія Охотскаго пор-

та въ бухту „Великій князь Константинъ“ въ южно-западномъ углу Охотскаго моря на полуостровѣ Сегнека между заливами Тугурскимъ и Ульбанскимъ. На перенесеніе это требовалось 250 тыс. руб.; ожидалось только окончательное заключеніе вновь назначеннаго генераль-губернатора. 1-ое іюля, день рожденія покойной Императрицы, было назначено для выхода изъ Охотскаго порта. Послѣ торжественнаго молебствія въ мѣстномъ соборѣ переселились мы на транспортъ „Иртышъ“, но, не смотря на всѣ усилія, не могли, вытянувшись за Охотскій баръ и чуть-чуть было не двинулись совсѣмъ возможности выйти изъ Охотска. Перетягиваясь черезъ баръ мы, въ убыль воды на немъ, сѣли на мель. Пришлось дожидаться прибыли, чтобы опять на заводныхъ вервахъ и на буксирѣ всѣхъ гребныхъ лодокъ, имѣвшихся въ порту, двинуться впередъ. Какъ-то не доглядѣвъ, и приближю воды транспортъ „Иртышъ“ былъ переброшенъ съ бара на такъ называемую, „старопортскую кошку“, гдѣ онъ ударился о что-то—оказалось о штокъ своего якоря—съ такою силою, что думали, что прошибло его насквозь, и тогда мы были бы задержаны въ Охотскѣ на продолжительное время, до починки подводной части. Но къ счастью „Иртышъ“ былъ несокрушимой конструкціи; мѣдная его обшивка оказалась слегка только оцарапанною и 4 іюля мы вышли благополучно въ море. „Иртышъ“ былъ очень плохой ходокъ, при лучшемъ попутномъ вѣтрѣ 7 узловъ въ часъ, а въ бейдевиндъ 1¹/₂ до 2¹/₂ узловъ. Подходя къ 4-му проливу Курпильской гряды между Парашумиромъ и Онекотаномъ, мы въ туманахъ не успѣли опредѣлиться, и пуститься на удачу въ проливъ капитанъ не рѣшался и предпочелъ лавировать передъ проливомъ, пока берегъ не откроется. Такъ мы дожились съ галса на галсъ въ теченіе 2-хъ сутокъ. Вдругъ сильнѣйшій шквалъ, показался берегъ и что же? Нашъ теченіемъ перенесло черезъ проливъ, мы очутились уже въ Тихомъ океанѣ, грозный мысъ графа Васильева передъ нами. Мы едва успѣли убрать бранселя и лечь на другой галсъ, чтобы отойти отъ угрожавшей опасности,

какъ показавшійся отъ насъ невдалекѣ китобой, не успѣвшій убрать парусовъ, выскочилъ на утесъ девять футовъ изъ воды. Та же волна, которая его туда вынесла, снесла его обратно. Онъ одѣлалъ сигналъ, что погибаетъ, просилъ помощи. Муравьевъ приказалъ немедленно спустить два вельбота и отправить къ нему на помощь подвахтенную команду. Китобой былъ французскій „Elise“, капитанъ Дармандарисъ—у него оказалась пробоина въ носовой подводной части и только смѣтливость нашего боцмана, изъ кругосвѣтныхъ, посланнаго туда съ командою съ „Иртыша“, спасла бѣднаго француза. Когда наша команда пришла къ китобойному судну, вся его (численностью очень ничтожная) команда стояла у помпы. Нашъ боцманъ съ мѣшкомъ муки бросился въ трюмъ и, усмотрѣвъ, по движенію воды, приблизительно гдѣ должна быть пробоина, бросилъ туда первый мѣшокъ муки, немедленно потребовалъ еще нѣсколько мѣшковъ и такимъ образомъ успѣлъ ограничить напоръ воды, такъ, что помпы успѣвали откачиваться на столько, что уровень воды въ трюмѣ остановился на одной нормѣ. Этою находчивостью судно съ командою и грузомъ было спасено отъ мгновенной гибели и дошло вмѣстѣ съ Иртышемъ до Петропавловскаго порта. Здѣсь оно подтянулось въ малой бухтѣ, въ входной песчаной кошкѣ (отмели), выгрузилось и оттяжками отъ мачтъ накрепилось, что дало возможность осмотрѣть и починить всю носовую часть, потерпѣвшую отъ удара.

„Я много видѣлъ портовъ въ Россіи и въ Европѣ,—писеть Муравьевъ въ своемъ письмѣ къ гр. Л. А. Перовскому отъ 7 августа,—но ничего подобнаго Авачинской губѣ не встрѣчалъ; Англія стоитъ сдѣлать умышленно *двухъ-недѣльный* разрывъ съ Россією, чтобы завладѣть ею и потомъ заключить миръ, но ужь Авачинской губы она намъ не отдастъ и еслибъ даже заплатила намъ милліонъ фунтовъ за нее, при заключеніи мира, то выручитъ его въ самое короткое время отъ китобойства въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ; Англія, разумѣется, никого не пуститъ въ эти моря безпошадно!“

Эти слова Муравьева достаточно свидѣтельствуяютъ, какой портъ былъ Петропавловскій, и какую цѣну нужно было ему придавать. Къ сожалѣнію, всѣ сужденія о Камчаткѣ и Авачинской губѣ въ Петербургѣ относились ко временамъ давно прошедшимъ, только Императоръ Николай смотрѣлъ на Камчатку не Петербургскимъ глазомъ. Англичане уже слишкомъ много вниманія обратили тогда на правосходную Авачинскую губу. Муравьевъ приказалъ немедленно устроить нѣсколькобатарей на избранныхъ имъ мѣстахъ. Одна изъ этихъ батарей, съ успаннымъ, можетъ быть, вооруженіемъ, была именно та (№ 6 Озерная), которая навела панческій страхъ на англо-французскій десантъ въ 1854 году и спасла для Россіи Петропавловскій портъ. Я какъ сегодня помню слова Муравьева: „Въ случаѣ десанта непріятели, въ обходъ Никольской горы, вы его встрѣтите картечью отсюда“, при этомъ Муравьевъ, съ обычною своею живостью, показывалъ начальнику Камчатки капитану Р. Г. Машину, гдѣ и какъ онъ долженъ поставить батарею.

Въ Петропавловскомъ портѣ съѣхался съ генераль-губернаторомъ преосвященный Иннокентій, епископъ Алеутскій и Камчатскій, впоследствии митрополитъ Московскій. Не мѣлъ описывать высокій умъ и христіанскія добродѣтели этого апостола сѣвера, какъ его тогда уже называли въ иностранной печати, необыкновенные его труды и подвиги всемірно извѣстны. Имѣлъ онъ во время нашего пребыванія въ Петропавловскомъ портѣ ежедневно по вечерамъ продолжительныя бесѣды и совѣщанія съ генераль-губернаторомъ, однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій коихъ было присоединеніе Якутской области къ Алеутской епископской кафедрѣ, которую предполагалось возвести во 2-й классъ и перенести въ Петропавловскій портъ, и назначеніе В. С. Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. На эту должность непременно нужно было выбрать лицо, знакомое съ мѣстными условіями, не говоря о другихъ качествахъ, обуславливавшихъ выборъ. Муравьевъ колебался между И. В. Вонлярлярскимъ и В. С. Завойко. Обоихъ преосвященный Иннокентій хорошо зналъ.

Высказывать свое мнѣніе о лицахъ этотъ архипастырь не любилъ, скажу больше, съ осторожностью уклонялся отъ этого не по скрытности характера и не изъ опасенія какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій, а по присущей ему скромности: онъ не довѣрялъ своему сужденію, боялся ошибиться. Долго пыталъ его Муравьевъ, чтобы узнать его мнѣніе о двухъ имѣвшихъ у него въ виду кандидатахъ на должность Камчатскаго военнаго губернатора. Случайно, входя въ кабинетъ генераль-губернатора съ докладомъ по какому-то вопросу, нетерпѣвшему отлагательства, и одѣлался свидѣтелемъ, какъ преосвященный Иннокентій, вскакивая со своего кресла, выпрямился во весь ростъ, и, съ каившимся мнѣ въ его голосѣ нетерпѣніемъ, сказалъ: „почто вызываете: за „Мирскаго я руки не подставляю, а за Завойко я постою „обѣими руками, всѣмъ тѣломъ и всею душою“. Этотъ рѣшительный отзывъ со стороны лица, вообще уклончиваго, но несомнѣнно въ высшей степени опытнаго, тутъ же указалъ Муравьеву, на кого долженъ пасть его выборъ. Дальнѣйшее наше пребываніе въ Петропавловскомъ портѣ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, развѣ только упомянуть объ оригинальномъ концертѣ, данномъ тамъ въ залѣ начальника Камчатки m-De Христиани, съ участіемъ французскихъ пѣнцовъ съ китобойнаго судна, которое было впадено, благодаря усиліямъ команды съ „Иртыша.“ Дѣйствительно, въ числѣ своихъ соотечественниковъ m-De Христиани открыла нѣсколько замѣчательныхъ голосовъ, которые съ увлеченіемъ, свойственнымъ французамъ, пропѣли подъ ея руководствомъ, двѣ, три народныя пѣсни, къ общему удовольствію.

2-го августа вышли мы изъ Петропавловскаго порта и Авачинской губы. Но лишь только выбрались въ открытое море, какъ мы заштилѣли и качались при страшной мертвой зыби Тихаго океана 10 сутокъ на пространствѣ 200 миль до Курильской гряды. Ничто не можетъ проявиться болѣе удручающаго впечатлѣнія, какъ то сознаніе безсилія человѣка на парусномъ суднѣ, которое

вынывается подобнымъ качаніемъ въ открытомъ морѣ. Команда наша со скуки неоднократно разыгрывала „Нептуна“, чтобы этою игрою, по старинному повѣрію, умиловать бога морей, но тщетно. Мы качались, да качались пока Богу неугодно было, наконецъ, послать намъ пепутный вѣтеръ, который сравнительно быстро пронесъ насъ черезъ 4-й проливъ по Охотскому морю къ сѣверной оконечности острова Сахалина, гдѣ генераль-губернаторъ надѣлся встрѣтиться съ транспортомъ „Байкаль“, на которомъ капитанъ Невельской долженъ былъ произвести опись лимана и устья р. Амура. 22-го августа около 1 часа дня транспортъ „Иртышъ“ легъ въ дрейфъ въ сѣверномъ заливѣ острова Сахалина, генераль-губернаторъ приказалъ спустить вельботъ, чтобы доставить на островъ Штубендорфа, Ваганова и меня съ серебряною монетою и подарками для обитателей острова, если мы таковыхъ тамъ встрѣтимъ. Подходя къ берегу, мы сначала замѣтили только одну лодку странной конструкціи; вскорѣ ихъ собралось до десяти и человекъ 30 дикарей-гиляковъ. По всему было замѣтно, что для нихъ появленіе незнакомцевъ не было новостью: они видимо знали, что у вновь прибывшихъ можно приобрести мѣною различныя мелочи; къ этому, должно быть, ихъ приучили кятобон. Штубендорфъ, какъ натуралистъ, осматривалъ береговое обвѣженіе, собиралъ камушки и растенія. Вагановъ наскоро набросалъ глазомѣрную съемку мѣстности, къ которой мы пристали, а я богато одарилъ инородцевъ серебряною монетою и украшениями изъ разноцвѣтнаго стекла, взамятъ чего они навалили полную лодку свѣжей, только-что наловленной рыбы различныхъ родовъ, которую доставили къ намъ на транспортъ. Всѣхъ иностранцевъ, которые съ судовъ высаживаются на ихъ островъ гиляки называли „лоча“ или „олоча“, а того, кто дастъ имъ подарки, они называли „джангиномъ“, т. е. купцомъ или „пьянджангиномъ“, т. е. богатымъ купцомъ. У нихъ было такое же понятіе, какъ у самоѣдовъ полуострова Ямалъ на Ледовитомъ океанѣ, что высшее счастье на землѣ—быть

купцомъ; другаго понятія о правѣ или о старшинствѣ они не имѣли, при чемъ сила и возможность расправы пожегъ играли, разумѣется, важную роль. Ни у сѣверной оконечности Сахалина, ни у Шантарскихъ острововъ, къ которымъ мы подходили по пути въ Аянъ, мы транспорта „Байкаль“ не встрѣтили. Генераль-губернаторъ былъ этимъ очень недоволенъ, и мы вошли въ портъ Аянъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа. Это тяжелое настроеніе еще усугубилось встрѣчею въ Аянѣ съ М. С. Карсаковымъ, который донесъ о безуспѣшности своего плаванія, и предположеніемъ, вслѣдствіе всего этого, что „Байкаль“, вѣроятно, погибъ или на пути изъ Петропавловска, или въ Амурскомъ лиманѣ, окруженномъ, по свѣдѣніямъ В. С. Завойко, опасными банками.

Какое же произошло среди насъ волненіе, когда 2 сентября къ вечеру на горизонтѣ передъ Аяномъ показалось судно, видимо шедшее прямо въ Аянъ. Изъ устья въ уста шло тревожное предположеніе, „можетъ быть это Байкаль“. Какова радость, каково ликованіе, когда 3 сентября съ разсвѣтомъ съ точностью опредѣлилось, что идетъ „Байкаль“, когда онъ послѣ обѣда, входя въ портъ, отсалютовалъ генераль-губернаторскому флагу и всталъ на якорь рядомъ съ „Иртышемъ“.

Муравьевъ, со своею свитою, вышелъ на 12-ти весельномъ катерѣ навстрѣчу „Байкалу“, съ котораго капитанъ Невельской въ рупоръ встрѣтилъ насъ словами: *„Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможетъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положительно изстѣяно, истина обнаружилась!“* Несомнѣнно радовался вмѣстѣ съ нами и В. С. Завойко, но нельзя было не замѣтить, что, въ то время какъ мы всѣ съ увлеченіемъ вслушивались въ интересные рассказы Невельскаго и его спутниковъ о сдѣланныхъ ими важныхъ открытіяхъ, онъ, съ своей стороны, съ осторожностью и необыкновенною сдержанностью къ нимъ относился. Знакомымъ съ ходомъ дѣла это было вполне понятно: черезъ В. С. Завойко въ концѣ 1846 года

были доставлены председателю Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи Ф. П. Врангелю, ближайшему его родственнику, журналъ и карта описи Амурскаго лимана, составленной поручикомъ Гавриловымъ съ Высочайшаго соизволенія по порученію Россійско-Американской Компаніи. О результатѣ этой описи Ф. П. Врангель сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ въ томъ смыслѣ, что устье р. Амура оказалось доступнымъ только для мелкосидящихъ шлюпокъ и что рѣка эта за сѣмь для Россіи не имѣетъ никакого значенія. На всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ графомъ Нессельроде 15 декабря 1846 г. объ описи Гаврилова, Императоръ Николай изволилъ начертать: „Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ безполезной, оставить“.

Муравьевъ и Невельской, со свитою и согрудниками торжествовали; ликовали и пировали мы весь вечеръ 3 сентября до поздней ночи. Б-го мы выступили въ обратный походъ, верхами, черезъ хребетъ Джугдиръ до урочища Нелькана на р. Маѣ, а оттуда въ лодкахъ внизъ по р.р. Маѣ и Алдану и вверхъ по Ленѣ до Якутска. Особенно тяжелъ былъ переваль черезъ каменный, почти отвѣсный, хребетъ Джугдиръ. У подошвы этой горы валится масса костей лошадей, павшихъ при подъемѣ на эту гору или при спускѣ съ нея. Часто якутамъ приходилось даже складывать тамъ товаръ, который они не въ состояніи дальше везти и убыли лошадей. И при нашемъ шествіи былъ случай, котораго я забыть не могу—такой страхъ онъ на меня навелъ. Муравьевъ съ прочими спутниками своего похода ушелъ впередъ. Я оставался, по обязанности, при транспортѣ, чтобы блюсти за безостановочнымъ переходомъ его черезъ хребетъ. Поднялись мы благополучно до двухъ третей горы. Вдругъ лошадь, вдоль спины которой была прикрѣплена вѣлончель м-ше Христіани, пошатнулась, упала и кубаремъ скатилась внизъ въ обрывъ со своею поклажею. Меня такъ и обдало холодомъ, сердце замерло при мысли, что будетъ съ бѣдною Христіани, когда она узнаетъ, что

ея *stradivarius* лежить подъ горою разбитый въ дребезги; иначе и ожидать нельзя было. Вмѣстѣ съ урядникомъ Хандаковымъ, который велъ въ поводу запасную лошадь, я спустился опять внизъ, чтобы удостовѣриться въ случившемся. Лошадь нашли мы, разумѣется, мертвою, а ящикъ съ виолончелью, о чудо! цѣлехонекъ! Тутъ я свободнѣе вздохнулъ. Навьючить виолончель на свѣжую лошадь заняло немного времени. Подошелъ я къ вочному привалу вмѣстѣ съ остальнымъ транспортомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился объ этомъ происшествіи доложить генералъ-губернатору и Хандакову приказать не проболтаться. Только по прибытіи на Нельканъ я распакowałъ виолончель, и, удостовѣрившись, что все цѣло, рассказалъ о случившемся Муравьеву и м-ше Христіани, которая не повѣрила было мнѣ, пока я ей не показалъ ея неуклюжее дѣтище въ совершенной цѣлости. Опытный морякъ В. С. Завойко, въ то же время близко знакомый съ условіями и способами передвиженія по тундрамъ и рѣкамъ Сибирскимъ, приготовилъ на пристани р. Мал, у урочища Нелькана, три превосходныя ходкія лодки, также крытыя, вполне защищающія путешественника отъ осенней непогоды. Въ этихъ лодкахъ мы расположились въ томъ же порядкѣ, какъ весною на павозкахъ по Ленѣ. Быстро плыли мы по теченію рр. Ман и Алдана и безостановочно поднялись противъ теченія по Ленѣ отъ устья р. Алдана до Якутска, куда мы пришли 22-го сентября. Отсюда съ нарочно посланнымъ въ Петербургъ, штабсъ-капитаномъ М. С. Карсаковымъ, Муравьевъ донесъ Государю о своемъ возвращеніи изъ Камчатки и представилъ кн. А. С. Меншикову двѣ записки о предложеніяхъ своихъ по предмету перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ и о назначеніи капитана Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. Открытія Невельскаго составляли предметъ особаго рапорта Муравьева къ начальнику главнаго морскаго штаба, въ которомъ онъ писалъ, что „множество предшествовавшихъ экспедицій (къ берегу Сахалинскому) до-

стали Европейской славы, но ни одна не достигли отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, съ которыми дѣйствовала Невельской". Въ этомъ же рапортѣ Муравьевъ настаивалъ на необходимости учрежденія „русскаго“ контоловства въ Охотскомъ морѣ и Восточномъ океанѣ.

Въ ожиданіи зимняго пути, прожили мы въ Якутскѣ болѣе мѣсяца. Якутскія присутственныя мѣста были обревизованы въ подробности, а поручикъ Вагановъ составилъ, подъ руководствомъ самого Муравьева, описаніе Якутскаго казачьяго городского полка, на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же видахъ, какъ таковое было составлено въ 1848 г. по Высочайшему повелѣнію Енисейскому и Иркутскому полкамъ. полковникомъ А. И. Веригинымъ. Въ началѣ ноября Лена встала, и мы тотчасъ же пустились въ обратный путь въ Иркутскъ, куда прибыли 20 ноября.

Не взирая на письма Муравьева къ министру финансовъ отъ 19 мая 1848 г. и 27 апрѣля 1849 г., которыми онъ надѣялся и Россію заставить придти въ подыжность по отношенію къ Китаю, и на ходатайство Московско-Кяхтинскаго купечества, дѣло это оставалось въ прежнемъ положеніи. Вслѣдствіе этого Муравьевъ рѣшился, немедленно по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, 28 ноября представить свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты безотлагательно, по его мнѣнію, хотя бы только для прекращенія тайнаго вывоза звонкой монеты въ Китай, въ ожиданіи возможности возобновить ходатайство объ измѣненіи прежняго порядка на Кяхтѣ, съ увѣренностью на успѣхъ. Представляя о принятіи мѣръ строгости, для предупрежденія тайнаго вывоза драгоцѣнныхъ металловъ за китайскую границу, Муравьевъ имѣлъ только одну цѣль: на практикѣ доказать, что никакіи мѣры строгости не въ состояніи прекратить это мнимое зло, составляющее въ существѣ необходимое условіе торговли и что, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ для поддержанія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, долженъ быть признанъ свободный торгъ на монету и кредитные билеты, полное освобожденіе торговли

въ Кяхтѣ отъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя налагались на нее правилами 1800 года.

Вскорѣ послѣ насъ пріѣхали въ Иркутскъ изъ Охотока всѣ офицеры съ транспорта „Байкаль“. Столица Восточной Сибири радостно праздновала возвращеніе главнаго начальника края изъ дальняго путешествія; долго иркутское общество помнило, какъ весело оно провело зиму 1849—50 года.

III.

1850 годъ. Непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку.—Перемѣна въ составѣ ближайшихъ служащихъ около Муравьева.—Всеподданнѣйшее донесеніе Муравьева по обозрѣнію Восточной Сибири.—Отзывъ о немъ Государя Императора и Цесаревича.—Высочайшія повелѣнія объ основаніи перваго наблюдательнаго поста у входа въ лиманъ Амурскій и о прибытіи Муравьева въ Петербургъ.—Болѣзнь Муравьева.—Вопросъ о продажѣ вина въ Восточной Сибири въ 4-хъ-лѣтіе 1851—1855 г.—Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ.—Аудіенція его у Государя и ея послѣдствія для Амурскаго вопроса.—Борьба по вопросу объ устройствѣ продажи вина въ Восточной Сибири.—1851 г.: Раздвоеніе власти главнаго начальника края.—Высочайшія повелѣнія 15-го января и 12-го февраля 1851 г. по дѣламъ на Кяхтѣ и на устьѣ Амура.—Всѣ преобразовательныя предположенія Муравьева Высочайше утверждаются.—Основаніе Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.—Объѣздъ Муравьевымъ Забайкальской области.—Открытіе за Байкаломъ и въ Якутскѣ областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ.

Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ провинціальною жизнью конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, когда не было еще на Руси ни пассажирскаго пароходства, ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфнаго сообщенія, тотъ пойметъ, въ какомъ тревожномъ ожиданіи мы вступили въ новый годъ въ Иркутскѣ, отдаленномъ отъ столицы на 6 тысячъ верстъ, куда почта въ хорошее время года ходитъ

ла 4 недѣли, слѣдовательно, ближайшій отвѣтъ могъ получаться только черезъ два мѣсяца. Какой успѣхъ имѣли проiski, враждебно направленные въ Петербургъ противъ Муравьева? въ какой мѣрѣ его защитникамъ удалось отклонить удары интриги во время его шестимѣсячнаго отсутствія для обозрѣнія Охотска и Камчатки? какъ Царь посмотрѣлъ на всѣ новыя предположенія, которыя генераль-губернаторъ повергъ на его усмотрѣнiе по возвращенiи съ окраинъ? Эти вопросы въ тиши занимали каждого изъ насъ, служебная участь которыхъ была неразрывно связана съ положенiемъ Муравьева. Первые же дни 1850 года не замедлили дать отвѣтъ на тревожившіе насъ вопросы и доказать, съ какимъ довѣрiемъ Государь отнесся къ представленiямъ Муравьева. Кн. А. С. Меншиковъ, по прибытiи Карсакова въ Петербургъ, доложилъ Государю Императору объ записки Муравьева и рапортъ его о дѣйствiяхъ Невельскаго. Рапортъ этотъ, касавшійся устья р. Амура, Его Величество повелѣлъ передать на разсмотрѣнiе особаго комитета подъ предсѣдательствомъ гр. Нессельроде, а объ записки немедленно утвердилъ *собственноручно*. Въ этомъ видѣ эти записки поступили въ Комитетъ Министровъ, который постановилъ: представить Государю проектъ указа Сенату, изложивъ въ немъ главныя основанiя удостоенныхъ Высочайшаго утвержденiя предположенiй Муравьева, предоставивъ ему сдѣлать распоряженiе къ дальнѣйшему исполненiю оныхъ; копии съ записокъ генераль-лейтенанта Муравьева о преобразованiи Охотскаго и Камчатскаго управленiй прapрoводить къ мнн-страмъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, съ тѣмъ, чтобы они чрезъ исправляющаго должность генераль-губернатора сдѣлали всѣ необходимыя распоряженiя, сообразно съ началами, въ запискахъ изложенными; поручить генераль-лейтенанту Муравьеву нынѣ же заняться составленiемъ подробнаго проекта положенiя и штата управленiя Охотскимъ и Камчатскимъ краемъ на основанiяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденiя; о назначенiи капитана Завойко Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ предоставить князю Меншикову поднести указъ. Замя-

чательна быстрота, съ которою все это совершилось: 16 ноября въ 7 часовъ утра Карсаковъ лично вручилъ Государю рапортъ Муравьева отъ 24 сентября изъ Якутска, а 30 ноября все вышензложенное было уже совершившимся фактомъ! Вмѣстѣ съ этимъ гр. Перовскій рѣшился доложить Государю объ утвержденіи Муравьева въ должности генераль-губернатора. При этомъ случаѣ Его Величество дозволилъ отозваться, какъ сообщилъ гр. Перовскій Муравьеву въ письмѣ своемъ отъ 7 декабря: „Я ожидаю донесенія Муравьева объ обзорѣннн ввѣреннаго ему края. До сихъ поръ я знаю объ его путешествіи только изъ 2-хъ записокъ къ вн. Меншикову. Когда онъ представитъ мнѣ свое донесеніе, то пусть въ то же время проситъ дозволенія сюда пріѣхать. Муравьевъ, кажется, не можетъ жаловаться, что Я его представленій долго не разрѣшаю; конечно Я убѣжденъ, что это дѣло полезное, но спрашивается, можно ли будетъ обойтись безъ расходовъ? хотя впрочемъ онъ обѣщаетъ, что мѣстныхъ способовъ достаточно для приведенія въ исполненіе его предположеній“. Читатель пойметъ, какъ это вниманіе Царя къ представленіямъ Муравьева подбодрило его и насъ всѣхъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, которое Муравьевъ намъ преподалъ и которому онъ рѣшился слѣдовать неукоснительно.

Въ 1850 году предвидѣлась ожесточенная борьба съ финансовымъ міромъ изъ-за устройства въ Восточной Сибири на новое четырехъ-лѣтіе, съ 1851 года, акцизно-откупнаго дѣла, противъ злоупотребленій котораго Муравьевъ такъ рѣшительно выступилъ и основанія котораго возбуждали въ немъ отвращеніе. Въ своихъ письмахъ къ министру финансовъ Ѳ. П. Вронченко Муравьевъ не обвиняясь заявлялъ, что онъ признаетъ дѣйствія тогдашнихъ откупщиковъ (они были вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ) вредными для края, избавленіе котораго отъ нихъ было бы, по его мнѣнію, благотѣльно. „Всѣ хлопоты и заботы министерства финансовъ клонились и клонятся,—писалъ Муравьевъ Л. А. Перовскому,—не къ пользамъ казны, а

къ поощренію злоупотребленій и незаконныхъ выгодъ откупщиковъ. Нравственное адѣсь (въ Сибри) развращеніе народа заключается не въ одномъ пьянствѣ, но въ подвластности откупщику. Указывая далѣе на необходимость отдѣленія откуповъ отъ золотопромышленныхъ дѣлъ, — Муравьевъ выражалъ, — что онъ этому соединенію *двухъ* *моушествъ* не находитъ другаго названія какъ монополія, а съ этимъ словомъ связано понятіе вреда: золотопромышленникъ заманиваетъ работника къ усиленному и изнурительному труду денежнымъ вознагражденіемъ, которое онъ увѣренъ воротить какъ откупщикъ. Не должно жертвовать зародышемъ народонаселенія для выгодъ откупщиковъ, а не казны и даже не откуповъ, являющихся финансовою операціею, необходимою приуществующемъ порядкѣ. Необходимо увеличить выгоды казны, сокративъ безнравственныя злоупотребленія откупщиковъ, и этимъ облегчить народъ". Много, очень много предвидѣлось дѣла, и дѣла тяжелаго. Въ виду этого генераль-губернаторъ считалъ необходимымъ сдѣлать одну важную перемѣну въ составѣ ближайшихъ его сотрудниковъ. Вновь открытымъ въ 1848 году IV Отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, представлявшимъ, по роду переданныхъ туда дѣлъ, собственную канцелярію генераль-губернатора, завѣдывалъ А. О. Стадлеръ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Муравьева, какъ по своимъ блистательнымъ способностямъ, такъ и по знанію дѣла. Его наблюдательность была замѣчательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не щадилъ никого своимъ острымъ языкомъ; своими насмѣшками онъ нажилъ себѣ множество враговъ и нерѣдко ставилъ своего начальника и его супругу въ крайне непріятное положеніе. Къ тому же онъ во время отсутствія Муравьева, для обозрѣнія Камчатки, пооблѣнился и не выполнилъ тѣхъ работъ, которыя были ему заданы Муравьевымъ, предавшись въ обществѣ иностранца-англичанина Остена и его молодой жены космополитическому возрѣнію на дѣла. Все это побудило Муравьева дать Стадлеру новое назначеніе въ Красноярскъ, подалше отъ „двора“, какъ говорилось въ окружавшей Му-

равьева средѣ. На его мѣсто былъ назначенъ изъ бывшихъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія Дм. Вас. Молчановъ, управлявшій экспедиціею о есылныхъ Иркутскаго губернскаго правленія, состоявшій еще въ Западной Сибири въ дружественныхъ отношеніяхъ къ доктору Ю. И. Штубендорфу и теперь съ ловкостью и успѣхомъ ухаживавшій за Еленою Сергѣевною Волконскою. Одновременно съ этимъ перемѣщеніемъ вступилъ на службу по главному управленію сынъ декабриста Михайлъ Волконскій, окончившій въ 1849 году гимназическій курсъ, съ награжденіемъ золотою медалью. Тогдашній шефъ жандармовъ и главноуправляющій 3-мъ Отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, графъ Орловъ, отнесся къ генераль-губернатору письмомъ, которымъ просилъ его обратить особенное вниманіе на этого молодого человѣка, чтобы занять его дѣятельною службою подъ ближайшимъ его надзоромъ. По военному вѣдомству, по части строевой и генеральнаго штаба, сталъ играть видную роль Ах. Ив. Заборинскій, а по части продовольственной оберъ-провіантмейстеръ Тваровскій. Къ нимъ присоединился вновь назначенный бригадный командиръ, генераль-маіоръ П. И. Запольскій. Эта новая констелляція внесла въ нашу сибирскую жизнь какое-то вѣяніе, до тѣхъ поръ нами не испытанное.

Со дня возвращенія изъ Камчатки, Муравьевъ принялся на составленіе всеподданнѣйшаго донесенія о сдѣланныхъ имъ обозрѣніяхъ и предположеніяхъ по различнымъ предметамъ къ устройству Восточной Сибири, что составляло не малый трудъ, тѣмъ болѣе, что онъ все писалъ своею рукою, требуя только къ себѣ дѣла. Понятно, что онъ еще успѣлъ эти занятія, получивъ вышепозложенное сообщеніе гр. Перовскаго съ изложеніемъ Высочайшей воли относительно этого предмета и вопроса о пріѣздѣ его въ Петербургъ. 3-го марта 1850 года былъ отправленъ всеподданнѣйшій рапортъ Муравьева съ приложеніемъ подробной записки по обозрѣнію Восточной Сибири. Для того, чтобы дать возможность судить, какой это былъ гигантскій трудъ, я перечислю сперва только всѣ приложенія, которыя были

пріобщены въ представленной при рапортѣ отъ 3 марта запискѣ, составлявшей, одна до 60 не широко писанныхъ листовъ и раздѣленной на 21 отдѣлъ: 1) Проектъ положенія и штатовъ Забайкальской области, съ приложеніемъ рисунка герба. 2) Проектъ положенія и штатовъ Кяхтинскаго градоначальства, съ приложеніемъ рисунка герба. 3) Проектъ положенія штатовъ Якутской области. 4) Историческая записка о пограничныхъ нашихъ сношеніяхъ, съ картами I, II и III. 5) Историческая записка о якутскихъ казакахъ, съ картою. 6) Проектъ преобразования губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ приложеніемъ штатовъ. 7) Три краткихъ списка по формѣ о чиновникахъ. *Карты:*

№ 1. Карта Восточной Сибири, съ показаніемъ предполагаемаго раздѣленія на губерніи и расположенія въ нихъ войскъ. № 2. Карта общаго отчета геодезическимъ работамъ, произведеннымъ въ Восточной Сибири. № 3. Планъ порта Аянъ. № 4. Планъ города Охотска съ окрестностями. № 5. Планъ города Охотска до перенесенія его въ 1815 году. № 6. Карта рѣкъ: Лены, Алдана и Мая съ сухопутнымъ сообщеніемъ порта Аянъ съ урочищемъ Нельканомъ и съ показаніемъ мѣстъ удобныхъ для заселенія. № 7. Глазо-мѣрная съемка сѣвернаго залива на островѣ Сахалинѣ. № 8. Карта Авачинской губы. № 9. Планъ Петропавловскаго порта съ расположеніемъ батарей. № 10. Планъ входа въ Авачинскую губу. № 11. Планъ Тарьинской гавани. № 12. Карта предполагаемому укрѣпленію Авачинской губы. № 13. Карта устья р. Камчатки съ окрестностями. № 14. Карта рѣки Камчатки съ сухопутнымъ сообщеніемъ деревень.

„Первое извѣстіе о вашемъ отчетѣ,—писалъ гр. Л. А. Перовскій въ своемъ письмѣ отъ 9 мая 1850 г.,—я получилъ отъ Цесаревича, который сказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ нашелъ его весьма интереснымъ, хотя въ немъ и есть мечты. Его Высочество, которому Государь передавалъ вашъ отчетъ, равнымъ образомъ изволилъ отозваться: „что читаетъ его и находятъ чрезвычайно заин-

„матерьяльнымъ“; при чемъ Наслѣдникъ присовокупилъ, что „не всѣ предположенія считаетъ удобоисполнимыми. Дня два „спустя послѣдовало Высочайшее повелѣнiе одѣлать экстренное засѣданiе Комитета Министровъ для прочтенiя сказаннаго отчета. Комитетъ собирался 15 апрѣля въ полномъ „составѣ, т. е. съ немъ присутствовали и гр. Шеллеградъ, кот- „рый съ немъ засѣдалъ не болѣе одною или двумя разъ въ годъ. „О различныхъ мнѣнiяхъ нѣкоторыхъ членовъ, послѣ чте- „нiя, скажу вамъ при личномъ свиданiи. Впрочемъ направ- „ленiе, данное этому дѣлу, не допускало критическаго разбора „оваго; очевидно было, что Государю угодно двинуть его „впередъ. Высочайшая воля выражена была повелѣнiемъ „передать копии съ отчета всѣмъ министрамъ, до коихъ „касаются предположенія ваши, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ „нихъ изготовилъ свои замѣчанiя ко времени вашего приѣзда, „дабы вы не были по сему поводу удержаны здѣсь долѣе, „чѣмъ нужно. Я могу вамъ сказать личное мое мнѣнiе о „вашемъ отчетѣ: я нашелъ его въ высшей мѣрѣ интереснымъ, „административныя предположенія изложены отчетливо и „представляются полезными, редакцiя отличная, заключенiе „такое точно, какъ я его желалъ, но я могу сказать, что вы „лучше бы сдѣлали, еслибъ отложили до вашего сюда при- „ѣзда всякое представленiе на счетъ приведенiя въ оборо- „нительное положенiе Петропавловскаго порта и снабженiе „укрѣпленiя тремя стами орудiй большаго калибра. Это-то „и названо Государемъ—мечтою; другимъ лицамъ—фантазiею „и почти всѣми приписано пылкости вашего воображенiя“.

Послѣ этого нельзя не упомянуть о самыхъ выдающихся указанiяхъ, сдѣланныхъ Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ отъ 3-го марта. Учрежденiемъ 1822 года, составленнымъ генераль-губернаторомъ, впоследствии графомъ, Сперанскимъ, Восточная Сибирь была раздѣлена на двѣ губернiи—Енисейскую и Иркутскую, а къ послѣдней причислены: Якутская область, Охотское и Камчатское приморскiя и Троицкосавское пограничное управленiя. Въ обѣихъ губернiяхъ одинаковые чины и губерскiя присутственныя

мѣста, тогда какъ въ Енисейской 230 тыс., а въ Иркутской 800 тыс. жителей, а площадь Иркутской губерніи въ 10 разъ болѣе Енисейской. Трудно въ настоящее время объяснить причины неуравнительности этого раздѣленія. Замѣтно, что учредитель не считалъ значительными ни Забайкальскій край, ни Якутскую область, ни Охотскъ, ни Камчатку, и причислилъ ихъ къ Иркутскому губернскому управленію, какъ не требующіе особеннаго вниманія. Вслѣдствіе этого *бумажное управленіе* краемъ развилось, по учрежденію 1822 г., до огромныхъ размѣровъ и вездѣ замѣнило въ Восточной Сибири *настоящую администрацію*, до того времени существовавшую. Руководствуясь этимъ возрѣніемъ, Муравьевъ писалъ Перовскому: „грѣхъ Сперанскому, ибо тотъ, кто соби-рался быть предсѣдателемъ временнаго правленія, не могъ не понимать важности Восточнаго океана и умалчивать объ этомъ передъ государями своими, зная духъ и средства Сибири, было преступленіе—свойственное впрочемъ Сперанскому, который любилъ болѣе свои идеи, чѣмъ государей и отечество“.

Городъ Троицкосавскъ и Кяхтинская торговая слобода, гдѣ собиралось товаровъ на десятки милліоновъ рублей, преданы были совершенному безначалію. Тамъ дѣйствовали три власти, одна отъ другой не зависящая. „Не умѣю истолковать себѣ—писалъ Муравьевъ—какъ это могло быть терпимо до сихъ поръ, но я считаю необходимымъ прекратить этотъ беспорядокъ, имѣющій весьма невыгодныя послѣдствія для нашей торговли съ Китаемъ“.

Берега Дауріи и Сахалина представляютъ и климатъ и растительность прекрасныя; Камчатка въ томъ же положеніи; устья рѣкъ изобилуютъ прекрасною рыбою; словомъ сказать, природа ни въ чемъ не отказала Охотскому морю, оставалось только приложить руку и знаніе человѣческое, между тѣмъ множество иностранныхъ китобойныхъ судовъ, тамъ плавающихъ, не могли этого не замѣчать, равно какъ *безсилія и равнодушія нашего въ этой сторонѣ, какъ будто въ чужомъ для насъ владѣніи*. Китобойство распространилось въ

Охотскомъ морѣ недавно; прежде суда эти опасались тамъ льдовъ и *насъ*, и нѣкоторые только смѣльчаки заходили туда и, получая знатную добычу безъ всякихъ препятствій, скрывали это отъ другихъ; но тайна не могла долго храниться и постепенно число ихъ увеличивалось. Въ 1849 году, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и разпросамъ у самихъ же китобоевъ, можно умѣренно исчислять, что ихъ было до 250 судовъ собственно въ Охотскомъ морѣ, всѣ большаго ранга и съ многочисленными экипажами,—мы не видали ни одного менѣе трехмачтоваго и менѣе 500 тоннъ груза. Одинъ французскій китобой, котораго мы настигли уже въ Восточномъ океанѣ и потомъ видѣли въ Петропавловскомъ портѣ, рассказывалъ, что въ одинъ день іюня мѣсяца онъ въ сѣверной части Охотскаго моря встрѣтился вдругъ съ 22-мя китобойными судами разныхъ націй, и всѣ они окружили массу плившаго льда, близъ коего было много китовъ и набили ихъ, по словамъ его, безчисленное множество; на другой день они разошлись. Это можетъ служить мѣрою количества этихъ судовъ, плавающихъ во всемъ морѣ, когда въ одинъ день, въ одномъ пунктѣ сошлось ихъ 22. Одинъ изъ американскихъ китобоевъ, встрѣченный нами у Сахалина, рассказывалъ, что они предпочитаютъ Охотское море Беринговому, по умѣренности климата, и самъ онъ намѣренъ былъ оставаться тамъ часть октября мѣсяца, а потомъ полагалъ испытать пройти *между Сахалиномъ и материкомъ*. Онъ при насъ посылалъ три лодки на берегъ Сахалина, гдѣ они съ жителями — гилляками имѣли сношенія. Наши же суда Охотскія и Американской компаніи никогда себѣ этого не позволяли и никогда не подходили къ Сахалину, исключая тѣхъ, которымъ это было *особенно* приказано.

Вовсе не укрѣпленный маленькій Петропавловскій портъ и ничтожное число частныхъ домовъ, называвшихся городомъ, Муравьевъ предполагалъ перевести въ Тарьинскую губу, еслибы военно-морскія средства въ Камчаткѣ были усилены въ томъ размѣрѣ, какъ онъ считалъ необходи-

мымъ ¹⁾). Тарьинская губа, представляя всѣ удобства для большаго порта, могла бы имѣть связь съ главными батареями, которыя, по мнѣнію Муравьева, должны были быть устроены для защиты входа въ Авачинскую губу. Для этого требовалось не менѣе 300 орудій большаго калибра и преимущественно бомбическихъ. Тарьинскую губу Муравьевъ предполагалъ соединить каналомъ для гребныхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ съ Ягодною губою, вѣв входа уже находящеюся, съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ блокады входа, гребная флотилія могла этимъ каналомъ выходить изъ Авачинской губы помимо главнаго направленія атаки. Всѣ эти предположенія были нанесены на представлявшіися при всеподданнѣйшемъ донесеніи карты. „Впрочемъ всѣ эти соображенія—писалъ Муравьевъ Государю—зависятъ отъ тѣхъ военныхъ средствъ, которыя Вашему Величеству угодно будетъ расположить въ Восточномъ океанѣ и Охотскомъ морѣ и *тѣмъ послѣдствіи, которая Вамъ угодно будетъ дать открытіямъ, сдѣланнымъ капитаномъ Неваельскимъ*. Во всякомъ случаѣ я смѣю думать, что въ Камчаткѣ и Охотскомъ морѣ намъ должно имѣть военныя средства, соответственныя тѣмъ, которыя имѣютъ англичане у Китайскихъ береговъ и Сандвичевыхъ острововъ“.

Наша Сѣверо-Американская компанія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, во-первыхъ, потому, что Кяхтинская торговля не представляла ей уже вѣрнаго сбыта ея произведеній, во-вторыхъ, потому, что, при сдѣлавшейся чрезмѣрной дороговизнѣ въ Калифорніи, колоніи лишались средства пріобрѣтать жлѣбъ для продовольствія по выгоднымъ цѣнамъ. Оба эти обстоятельства отнюдь не могли быть поставлены въ вину компаніи, но должны были имѣть вліяніе на отношенія ея къ подвѣдомственнымъ ей племенамъ и на прочность ея существованія. Существованіе Россійско-Американской компаніи для правительства, по крайней мѣрѣ до времени, было необходимо. Правительству слѣдовало бы оказать содѣйствіе компаніи въ настоящемъ трудномъ ея положеніи: она слиш-

¹⁾ Вся наша Тихо-Океанская флотилія состояла тогда изъ трехъ жалкихъ небольшихъ транспортовъ и одного полугнилаго бота.

комъ отдалена была отъ всякой правительственной опоры. Весною 1848 г. компанія отправила судно съ товарами для опытной расторжки, въ одномъ изъ открытыхъ для европейской торговли китайскихъ портовъ Шань-гай. Судно благополучно туда пришло, шкиперъ былъ ласково принятъ мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ и допущенъ къ промѣну товаровъ, но вскорѣ ему было предложено, по распоряженію уже областного начальника, прекратить все сношенія и оставить Шань-гай. Въ дѣлѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе Англійскій консулъ, чрезъ котораго производились все сношенія нашего шкипера съ Китайскимъ правительствомъ. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшился вопросъ объ удаленіи русскаго судна изъ Шань-гая; едва-ли даже доведено было объ этомъ до свѣдѣнія высшаго нашего правительства. Это обстоятельство между тѣмъ не могло быть оставлено безъ вниманія и неудобно было намъ, въ сношеніяхъ съ китайцами, посредничество англичанъ и явное передъ нами ихъ тамъ преимущество. „Еслибы Россійско-Американская компанія — писалъ Муравьевъ — обратила дѣятельное вниманіе на китоловство и занялась бы этимъ выгоднымъ дѣломъ въ Охотскомъ морѣ, то, конечно, дѣла ея скоро приняла бы хорошій оборотъ, но ей это невозможно было безъ содѣйствія правительства. Если правительство и мѣстныя власти видѣли бы въ Россійско-Американской компаніи не одно торговое предпріятіе и поддерживали бы ее зависящими средствами и нѣкоторымъ участіемъ въ ея распоряженіяхъ для лучшаго направленія ея дѣйствій въ общихъ правительственныхъ видахъ на тѣ страны, то это учрежденіе могло бы принести существенную пользу государству. Примѣромъ для этого служатъ быстрые успѣхи Англійской Остъ-Индской компаніи, поддерживаемой и направляемой своимъ правительствомъ, съ тѣмъ еще благопріятнымъ для насъ различіемъ, что отъ Петербурга до Восточнаго океана сплошь одна великая Россійская Имперія“.

Представленные Муравьевымъ предположенія о раздѣленіи края на новыя области и губерніи и о преобразованіи

губернскихъ присутственныхъ мѣстъ съ упраздненіемъ окружныхъ управленій не только не были связаны съ увеличеніемъ расходовъ, а должны были составить экономіи болѣе чѣмъ на 30 тысячъ рублей въ годъ.

Въ заключеніе своей записки Муравьевъ, указывая также на необходимость преобразованія строительной, медицинской и межевой частей, а равно Нерчинскаго горнаго управленія и въ особенности по устройству каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибирѣ, излилъ изъ глубины души свою вѣрноподданническую благодарность передъ Государемъ за вниманіе Его Величества къ представленію его о Камчатской области и о перенесеніи Охотскаго порта.

Въ духѣ вышеназложенныхъ воззрѣній Муравьева говорили и дѣйствовали въ Петербургѣ командированные имъ туда М. С. Карсаковъ и Г. И. Невельской. Карсаковъ писалъ Муравьеву длинныя, но весьма сдержанныя письма. „Не вините меня, — писалъ онъ Николаю Николаевичу, — что я пишу вамъ слишкомъ осторожно, всѣхъ подробностей нельзя писать, нѣкоторыя надо рассказывать съ глазу на глазъ, почти и ихъ не довѣряю“. Тѣмъ не менѣе онъ не затруднился извѣстить Муравьева: „Государь весьма доволенъ вашею побѣдкою въ Камчатку и результатами оной. Графъ Орловъ пожелать меня видѣть, онъ разспрашивалъ меня о Камчаткѣ и китобояхъ; и ему съ жаромъ о нихъ рассказывалъ и графъ помялъ меня. Я здѣсь облаканы властями *до нельзя*“. Эти послѣднія слова относились въ особенности къ кн. А. С. Меншикову и гр. Л. А. Перовскому, которые и въ Высочайше учрежденномъ комитетѣ для разсмотрѣнія представленій Муравьева объ устьѣ р. Амура выступили *решительными* защитниками дѣйствій Невельскаго и полагали необходимымъ не только утвердить представленія Муравьева, но даже усилить ихъ учрежденіемъ крейсера въ Амурскомъ лиманѣ и въ Татарокомъ заливѣ. Вслѣдствіе этого послѣдовало 3 февраля 1850 г. Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора Муравьева: основать въ заливѣ Счастіи, т. е. у входа въ лиманъ Амурскій, противъ мыса Головачева, на Сахалинѣ, зимовье-поселеніе.

Исполненіе этого повелѣнія на мѣстѣ и избраніе мѣста для зимовья съ охраненіемъ его командою изъ матросовъ и казаковъ было поручено произведенному тогда же въ капитаны 1-го ранга Г. И. Невельскому, который былъ командированъ для этой цѣли въ распоряженіе генералъ-губернатора. Изъ зимовья этого Россійско-Американская компанія должна была производить расторжку съ гиллякамъ. Въ назначеніи Невельскаго съ командою для охраненія зимовья выразилась первая готовность правительства содѣйствовать упроченію дѣлъ Россійско-Американской компаніи и въ направленіи ея дѣйствій не въ торговомъ только смыслѣ, а въ общихъ правительственныхъ видахъ. Такимъ образомъ, какъ непосредственныя послѣдствія поѣздки Муравьева въ Камчатку, должны были совершиться два дѣла первостепенной важности: 1) поднятіе русскаго флага на материкѣ у самаго входа въ Амуръ, что имѣло для дѣла громадное значеніе въ виду убѣжденія Императора Николая I-го: *„тѣмъ разѣ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ“*, и 2) упраздненіе Охотскаго порта съ перенесеніемъ его въ Петропавловскій портъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Для исполненія этой нелегкой задачи М. С. Карсаковъ былъ посланъ въ Охотскъ. 15 апрѣля Карсаковъ вмѣстѣ съ Невельскимъ выѣхали изъ Иркутска. Обоихъ сотрудниковъ своихъ въ этихъ важныхъ дѣлахъ Муравьевъ благословилъ на путь небольшими образками, которые они носили постоянно на груди, дорого цѣняя это вниманіе къ нимъ любимаго начальника. Пришлось имъ ѣхать въ самую распутицу; съ ужаснѣйшими затрудненіями добрались они, черезъ Якутскъ, каждый по своему назначенію, Карсаковъ до Охотска, а Невельской до Аяна—и оттуда на транспортѣ „Охотскъ“ въ заливъ Счастія. Съ величайшимъ сочувствіемъ отнеслись къ упраздненію Охотскаго порта почтеннѣйшіе члены Императорскаго Географическаго Общества: адмиралъ Литке и другіе. Все мѣропріятія Муравьева къ переносу Охотскихъ учрежденій въ Камчатку и прочія предположенія по морскому управленію сямъ краемъ Государь вполне одобрилъ и возволилъ, какъ увѣдомилъ Муравьева кн. А. С. Меншиковъ письмомъ отъ 20 февраля.

Одновременно съ утвержденіемъ представленій Муравьева относительно дѣйствій на устьѣ Амура, Императоръ Николай I изволилъ отозваться графу Перовскому: „Муравьеву не только можно, но должно сюда прибыть для многихъ объясненій; жаль только, что онъ пріѣдетъ въ такое время, когда Я не совсѣмъ свободенъ; хотя можетъ быть обстоятельства Европы и не заставятъ меня быть въ отлучкѣ, но въ это время года Я всегда занятъ войскомъ. Впрочемъ все-таки напиши Муравьеву, чтобы сюда пріѣхалъ“. Эти указанія Государя побудили Муравьева не слишкомъ торопиться выѣздомъ изъ Иркутска и пріѣздомъ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе что гр. Левъ Алексѣевичъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ извѣстилъ его, что Государь Императоръ предполагалъ 5 или 7 сентября выѣхать для осмотра войскъ въ Южной Россіи, оттуда послѣдуетъ въ Варшаву и возвратится въ Петербургъ черезъ 6 недѣль. „Поэтому, доѣхавъ до Москвы, писалъ гр. Перовскій, можетъ быть, не лишнимъ будетъ прежде всего узнать: возвратился ли Государь Императоръ? если нѣтъ, то остановиться и рассчитать такъ, чтобы быть въ Петербургѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Государя“.

На сколько оба вопроса о перенесеніи Охотскаго порта и о занятіи устья Амура видимо подвинулись къ исполненію удовлетворительной развязкѣ, на столько два другихъ угрожали большими неприятностями для Муравьева, въ виду постоянно повторявшихся напоминаній, что финансовыя дѣла государства въ затруднительномъ положеніи и что нужно изыскать всѣ средства къ увеличенію доходовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ, для обузданія злоупотребленій по продажѣ вина въ Восточной Сибири, на основаніи акцизно-откупныхъ условій, бывшіе откупщики съ Д. Е. Бенардаки во главѣ сначала рѣшительно отказались принять участіе въ новыхъ торгахъ, запретили своимъ повѣреннымъ содѣйствовать устройству этого дѣла и даже убѣждали другихъ не браться за него. Это былъ своего рода ловкій маневръ. Такъ какъ вопросъ о финансахъ затрагиваетъ самое больное мѣсто всякаго государства и во-

лею неволею всё государи и правительства всегда крайне озабочены бывають удачнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса, то государственные дѣятели, не сочувствовавшіе образу дѣйствія Муравьева, сильно рассчитывали, что этимъ путемъ удастся имъ поколебать довѣріе Государя въ Муравьева и свергнуть его съ занимаемаго имъ высокаго поста. Всё пружины были пущены въ ходъ для достиженія этой цѣли. Муравьевъ это зналъ; онъ рѣшился неотступно бороться. Въ мартѣ онъ сильно заболѣлъ, мучительныя страданія печени свалили его въ постель, онъ вынужденъ былъ сдать управление краемъ заступавшему его мѣсто по гражданскому вѣдомству В. Н. Зарину, а по военному—генералъ-маіору П. Н. Зацольскому. Тѣмъ не менѣе откупныя дѣла постоянно его занимали и не давали ему покоя. Пользовавшійся его, вмѣстѣ съ Ю. И. Штубендорфомъ, врачъ Н. С. Персвиъ, отличавшійся удивительнымъ умѣніемъ обращаться со своими пациентами и ловкостью приноравливать къ ихъ требованіямъ, и въ то же время любимый и уважаемый въ средѣ золотопромышленниковъ и купцовъ, долженъ былъ слѣловать посредникомъ по откупному дѣлу между безпокоившимся объ этомъ дѣлѣ больнымъ и тѣми лицами, которыхъ онъ привлекалъ къ этому вопросу, однихъ какъ свѣдущихъ, а другихъ какъ капиталистовъ, которые могли войти въ него. Расчеты безошибочно показывали, что за это дѣло можно взяться безъ уменьшенія казеннаго дохода и не только безъ убытка, но даже съ значительною выгодой для предпринимателя. Всё эти расчеты были мнѣ хорошо извѣстны, поэтому Муравьевъ поручилъ мнѣ отправиться въ Петербургъ, чтобы доставить министру финансовъ его отзывъ по этому вопросу для назначенія одновременно торговъ въ севатѣ и въ Иркутскѣ при главномъ управленіи Восточной Сибиря, имѣя въ виду, что я, въ случаѣ надобности, могъ бы еще дать устные объясненія. 9 Мая Муравьевъ потребовалъ меня къ себѣ совершенно неожиданно, какъ всегда. На его страдальческомъ измученномъ болѣзнью лицѣ замѣтно было волненіе. „Хотите ѣхать въ Петербургъ?“ спросилъ онъ меня коротко. „Какъ не хотѣть!“ воскликнулъ

я ему въ отвѣтъ. Мысль, что я послѣ трехъ лѣтъ разлуки опять обниму обожаемыхъ мною старичковъ, отца и мать, увижу братьевъ и сестеръ, встрѣчусь съ товарищами по школьной скамьѣ, мною такъ овладѣла, что я схватилъ руку Муравьева и ее поцѣловалъ. Онъ видимо былъ тронутъ этимъ дѣтскимъ выраженіемъ моей благодарности. „По уговору: не позже 1-го іюня нужно быть въ Петербургѣ“.

„За этимъ дѣло не станетъ, воли Богъ милостивъ!“ отвѣтилъ я съ твердостью.

„Ну, готовьтесь. Завтра ѣхать“. Съ этими словами Муравьевъ меня отпустилъ. На утро меня опять позвали къ нему. Онъ передалъ мнѣ, кромѣ оффиціальныя бумага и конфиденціальныхъ писемъ къ министрамъ, написанныя имъ на маленькомъ тоненькомъ листѣ почтовой бумаги соображенія свои по откупному дѣлу, приказалъ мнѣ сѣсть, взять листъ бумаги и перо и продиктовалъ мнѣ цѣлую инструкцію о чемъ и какъ, въ какой мѣрѣ, съ кѣмъ откровенно или сдержанно говорить въ Петербургѣ. „Съ графомъ Перовскимъ обо всемъ совершенно откровенно, съ другими лицами относительно вопроса объ устьяхъ Амура отдѣляйтесь молчаніемъ или уклончивымъ отвѣтомъ, что вы въ подробности этого дѣла не посвящены“, хотя важнѣйшія бумага по этому вопросу большею частію были переписаны моею рукой; составлялъ ихъ Муравьевъ всегда самъ, своимъ своеобразнымъ слогомъ, дышащимъ энергіею и увѣренностью, что онъ ратуетъ за дѣло правое, какъ истинный патриотъ. Тутъ же Муравьевъ повѣдалъ мнѣ объ одномъ обстоятельстве, о которомъ до тѣхъ поръ было извѣстно только одному Карсакову: въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Перовскому Муравьевъ, по возвращеніи изъ Камчатки, упомянулъ, что онъ могъ совершить это путешествіе, которое ему стоило до 12 тыс. руб., только благодаря тому усиленному содержанію, которое Государю угодно было дать ему при самомъ назначеніи его генераль-губернаторомъ. Гр. Перовскій счелъ справедливымъ возмѣстить Муравьеву этотъ расходъ и довелъ объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Николай Николаевичъ принять это за личную себѣ

обиду и на-отрѣзъ отказался отъ предложеннаго вознагражденія. „Если графъ Перовскій съ вами объ этомъ заговоритъ, то вы ему скажете, что я считаю этотъ вопросъ конченнымъ“. 10-го мая, вечеромъ, я пустился въ путь подъ проливнымъ дождемъ на перекладной телѣгѣ и въ этомъ незатѣйливомъ экипажѣ я проѣхалъ безостановочно день и ночь 6 тысячъ верстъ до Петербурга. На станціи Средняя Рогатка (Четыре Руки), подъ самымъ Петербургомъ, на свѣту, меня такъ и манило въ Пулково—всего вѣдь шесть верстъ—одна тысячная доля того, что я проѣхалъ! Я только обвиню своихъ дорогихъ и поспѣю къ утру въ Петербургъ. Моментъ невыразимой внутренней борьбы... Но сознаніе долга взяло верхъ, я вскочилъ въ телѣгу и помчался въ Петербургъ. 30 мая въ 10 ч. утра я былъ въ пріемной министра внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь меня обдало холодомъ. Директоръ департамента, А. А. Гвоздевъ, сдѣлалъ мнѣ рѣзкое замѣчаніе, какъ я позволилъ себѣ явиться къ его сіятельству въ невыутюженномъ мундирѣ, и только смягчился нѣсколько, когда я ему объяснилъ, что я прямо съ телѣги и едва успѣлъ одѣться, чтобы, согласно приказанію генераль-губернатора, немедленно представить по принадлежности порученныя мнѣ бумаги. Простите, читатель, что я позволяю себѣ занять ваше вниманіе такими пустяками, но вы увидите, какое значеніе этотъ случай имѣлъ впоследствии для меня. Послѣ сдачи, кому слѣдуетъ, привезенныхъ мною конвертовъ, я, получивъ приказаніе явиться на другое утро за приказаніями, поспѣшилъ переодѣться, забылъ, разумѣется, что мой вице-фракъ лежитъ въ чемоданѣ въ такомъ же измятомъ видѣ, какъ мой мундиръ, и поскакалъ безъ оглядки въ Пулково, оставивъ все мои вещи въ гостиницѣ. На другое утро я надѣлъ вице-фракъ въ такомъ же неприличномъ видѣ, какъ наканунѣ мундиръ, и поѣхалъ къ гр. Перовскому. Но тутъ А. А. Гвоздевъ задалъ мнѣ такую головоломку, какой второй я въ жизни не получалъ, не взирая на всю взыскательность Муравьева по службѣ. Вопросъ объ откупахъ по Восточной Сиббири министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, внесъ немедленно

въ комитетъ министровъ. Во время доклада дѣла я сидѣлъ, по желанію министра Вронченко, въ канцеляріи комитета, на случай, что потребуются какія-либо разъясненія къ представленію Муравьева, но никакихъ недоразумѣній не встрѣтили. 7-го іюня уже было отправлено Высочайше утвержденное положеніе съ фельдъегеремъ въ Иркутскъ. Мнѣ было приказано остаться въ Петербургѣ въ ожиданіи приѣзда генералъ-губернатора. Гр. Перовскій велѣлъ мнѣ, отъ времени до времени, освѣдомляться, не будетъ ли какихъ-либо приказаній. Я явился къ нему какъ-то въ началѣ іюля. Онъ принималъ меня всегда чрезвычайно ласково въ своемъ кабинетѣ, съ величайшею любознательностью расспрашивалъ меня о Сибири, въ особенности о бурятахъ, якутахъ и тунгусахъ. На сей разъ онъ самъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я, для развлеченія, на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга. Я съ радостью согласился на его предложеніе, но только въ такомъ случаѣ, если я могу получить видъ безъ формальнаго отпуска, такъ какъ я имѣлъ въ виду, что можетъ быть впоследствии мнѣ придется воспользоваться отпускомъ.

— Само собою разумѣется. Приходите завтра утромъ въ департаментъ общихъ дѣлъ, я прикажу вамъ выдать видъ на мѣсяць.

На другой день прихожу я въ департаментъ. Директоръ Гвоздевъ встрѣчаетъ меня словами:

— Вы желаете куда-то ѣхать? Подайте прошеніе объ отпускѣ, министръ разрѣшитъ.

— Я желалъ бы воспользоваться свободнымъ для меня временемъ безъ формальнаго отпуска, ваше превосходительство, возразилъ я, основываясь на словахъ министра.

— „Этого нельзя!“ былъ короткій и весьма опредѣленный отвѣтъ Гвоздева.

Что же мнѣ оставалось дѣлать, я поклонился и ушелъ. Не идти же жаловаться министру на директора. Черезъ мѣсяць приблизительно я явился опять къ графу Перовскому.

„Ну какъ вы съѣздили?“ спросилъ онъ меня.

„Никакъ! ваше сіятельство“.

„Почему, отчего?“

„Да потому, что мнѣ объявили, что безъ формальнаго прошенія объ отпускѣ вида нельзя мнѣ выдавать“.

„Кто вамъ это объявилъ?“

„Его превосходительство Александръ Александровичъ“.

Графъ позвонилъ; входитъ дежурный чиновникъ.

— „Директора Гвоздева попросите ко мнѣ“.

„Онъ уже ушелъ, ваше сіятельство“.

„Послать за нимъ!“

Затѣмъ обращаясь ко мнѣ: „приходите завтра въ департаментъ. Видъ безъ отпуска будетъ вамъ выданъ“. Что произошло между министромъ и директоромъ департамента, я не знаю, но на другой день у дежурнаго на столѣ лежалъ уже изготовленный для меня видъ въ томъ смыслѣ, какъ я просилъ. Я росписался въ полученіи и, хотя уже было позднее осеннее время года, волею неволею я поѣхалъ въ Гельсингфорсъ на 10 дней, чтобы только не дать повода къ новымъ толкамъ. Этотъ съ виду ничтожный, но типичный эпизодъ тяжело отозвался впоследствии на моей службѣ, поэтому я о немъ и вспоминаю. Въ началѣ 1854 года я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, въ 1855 г. причисленъ къ министерству, въ 1856 г. назначенъ Астраханскимъ вице-губернаторомъ, въ 1857 г., по настоянію Его Высочества Константина Николаевича, исправляющимъ должность Астраханскаго губернатора. Въ этой должности я состоялъ пять лѣтъ. За все время, пока А. А. Гвоздевъ былъ директоромъ департамента общ. дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, до выхода моего въ отставку въ 1861 году, въ теченіе 8 лѣтъ, я не получилъ ни одной награды, не былъ утвержденъ въ должности и даже при отставкѣ не удостоился никакого повышенія, между тѣмъ какъ высшее начальство было очень милостиво ко мнѣ расположено.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Иркутска Муравьевъ поручилъ корпусу топографовъ поручику В. В. Ваганову, на преданность котораго онъ могъ разсчитывать, секретную рекогносцировку мѣстностей, прилегающихъ къ правому берегу Амура въ предѣлахъ сѣверной Монголіи. Для этой цѣли Вагановъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, пере-

шелъ въ августѣ 1850 года рѣку Аргунь около крѣпости Цурухайтуй. Съ того момента о немъ не было получено никакихъ свѣдѣній. Въ 1851 г. мнѣ было поручено развѣдать подъ рукою, вѣтъ ли какихъ-либо слуховъ о Вагановѣ и его спутникахъ. Тогда же говорили, будто онъ убитъ приамурскими ороचनाми, но ничего вѣрнаго нельзя было узнать. Впослѣдствіи, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Вагановъ погибъ при исполненіи давняго ему порученія, Кяхтинскій градоначальникъ Н. Р. Ребиндеръ потребовалъ отъ Маймачинскаго Дааргучен наказанія злоумышленниковъ, лишившихъ его жизни, доставленіи останковъ погибшаго и выдачи находившихся при немъ вещей. Вслѣдствіе этого мы предали землѣ въ Иркутскѣ уже въ 1853 г., по обряду православной церкви, доставленные тогда изъ Кяхты кости Ваганова, самоотверженно принесшаго себя въ жертву за дѣло амурское, а убійцы были казнены въ Маймачинѣ китайскими властями.

Въ ноябрѣ генераль-губернаторъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. послѣдъ за нимъ изъ Камчатки М. С. Карсаковъ и съ устья Амура Г. И. Невельской, *поднявшій тамъ 1-го августа на муть буелды русскій военный флагъ и назвавшій этотъ первый постъ на Амуръ Николаевскимъ.* О дѣйствіяхъ Невельскаго на Амурѣ Муравьевъ составилъ немедленно для Государя подробную записку, которую онъ имѣлъ счастье вручить лично Его Величеству. Послѣ этой аудіенціи, состоявшейся въ присутствіи Цесаревича, Государь повелѣлъ разсмотрѣть записку Муравьева въ комитетѣ, но уже не подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, а подъ предсѣдательствомъ Государя Цесаревича. Сходя съ лѣстницы Зимняго Дворца, послѣ этой аудіенціи, Муравьевъ вдругъ услышалъ съ верху, что его зовутъ: Муравьевъ! Это его звалъ Наслѣдникъ престола. Муравьевъ поспѣшилъ вернуться. „Амурское дѣло повелѣно разсмотрѣть въ моемъ присутствіи. Будемъ работать и трудиться вмѣстѣ!“ При этомъ Цесаревичъ обнялъ въ порывѣ удовольствія Муравьева и поцѣловалъ его. *Этимъ моментомъ собственно и была окончательно рѣшенъ амурскій вопросъ.* Съ какою радостною вѣстью

вернулся Муравьевъ въ гостиницу Hotel Voussin (нынѣ Hôtel d'Angleterre на Исакіевской площади), гдѣ мы его ждали въ его квартирѣ въ какомъ-то бояливомъ настроеніи. Это было дѣйствительное торжество при сложившихся въ то время обстоятельствахъ, это было тѣмъ большее торжество, что устройство винныхъ откуповъ по Восточной Сибири еще не было налажено и положеніе кяхтинской торговли угрожало весьма неблагоприятными послѣдствіями. Торги на содержаніе питейныхъ откуповъ ни въ Иркутскѣ при главномъ управленіи, ни въ севастѣ не состоялись, таможенныхъ пошлинъ по кяхтинской торговлѣ въ 1849 году поступило меньше на 1.600.000 руб. Государь всѣмъ этимъ былъ крайне озабоченъ. Министръ финансовъ, гр. Ѳ. П. Вронченко, видимо терялъ голову. По вопросу о кяхтинской торговлѣ онъ затребовалъ, для доклада Императору, свѣдѣнія непосредственно отъ Муравьева, а не отъ директора кяхтинской таможни, какъ это прежде практиковалось по департаменту внешней торговли. Относительно откупа онъ писалъ Муравьеву, что, по важности вѣщающаго дѣла и затруднительности обстоятельствъ, онъ не можетъ вдругъ, безъ ближайшихъ и нѣкоторыхъ предварительныхъ объясненій, рѣшиться на какую-либо мѣру.

Въ такомъ положеніи австалъ Муравьевъ эти дѣла перво-степенной важности при пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ.

Много работы предстояло Муравьеву въ Петербургѣ. Съ твердостью взялся онъ за борьбу, которая во всякомъ случаѣ была ему легче въ Петербургѣ, лицомъ къ лицу съ противниками, чѣмъ изъ-за шести тысячъ верстъ. Для усиленныхъ письменныхъ работъ пріѣхалъ къ нему на помощь Дм. Вас. Молчановъ, женившійся въ Иркутскѣ на Е. С. Волконской, когда ей только-что минуло 16 лѣтъ, или даже чуть ли не раньше; она была совершеннымъ ребенкомъ. Молодая красавица, мадамъ Молчанова, дочь именитаго декабриста, обратила на себя вниманіе всего С.-Петербургскаго high-life, въ среду котораго она была немедленно вовлечена силою ея родства съ высшею аристократіею.

Свѣтлѣйшій князь Петръ Млхайловичъ Волконскій, родной ея дядя, былъ тогда министромъ Императорскаго двора.

Первымъ дѣломъ, подлежащимъ немедленному разрѣшенію, былъ вопросъ объ устройствѣ продажи вина въ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири. Отъ разныхъ лицъ были поданы министру финансовъ проекты объ устройствѣ этого дѣла, даже прежніе откупщики, дѣйствіи которыхъ Муравьевъ признавалъ положительно вредными для края, позволяли себѣ сдѣлать еще разъ попытку, чтобы остаться тамъ при этомъ дѣлѣ. Со всѣхъ сторонъ были нущены въ ходъ происки съ протекціею высокаго и высочайшаго давленія. Муравьевъ стоялъ твердо, во одинъ, какъ гранитная скала среди бурнаго моря. Министръ финансовъ отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность какъ по краткости времени, такъ и новости дѣла, послѣдствія котораго онъ отказывался предусмотрѣть, и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ всеподданиѣйшій докладъ Императору Николаю, который повелѣлъ представленный Муравьевымъ проектъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ въ присутствіи генераль-губернатора Восточной Сибири. Проектъ, за который стоялъ Муравьевъ, былъ составленъ, по предварительному съ нимъ соглашенію, статскимъ совѣтникомъ Александромъ Кирѣевымъ и Верхотурскимъ 1-й гильдіи купцомъ Федоромъ Соловьевымъ. Новости, за введеніе которыхъ графъ Вронченко не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность, состояли въ томъ, во-первыхъ, что Муравьевъ, во избѣжаніе злоупотребленій при продажѣ полугарнаго вина, не допускалъ раздѣленіе онаго на обыкновенное и улучшенное и, во-вторыхъ, что онъ предполагалъ допустить, но выпускѣ вина изъ магазиновъ контрагента, *свободную* продажу онаго, со взносомъ патентнаго сбора, въ назначенныхъ мѣстахъ и заведеніяхъ, но не иначе какъ на выносъ и при томъ въ запечатанной посудѣ. Мѣра эта должна была быть особенно полезна тѣмъ, что откровенъ соперничество въ продажѣ вина и поведетъ къ уменьшенію числа тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится распивочная продажа, чего надо было желать, по убѣжденію Муравьева. Этотъ взглядъ Му-

Муравьева на вопросъ о продажѣ хлѣбнаго вина въ Россіи, проведенный черезъ высшее правительственное учрежденіе, является основаніемъ всѣхъ преобразованій по этой части законодательства въ послѣдствіи времени. Комитетъ министровъ призналъ объясненіе Муравьева во всѣхъ отношеніяхъ исполнѣ удовлетворительнымъ и вслѣдствіе этого состоялось наконецъ положеніе, удостоившееся 24 ноября 1850 г. Высочайшаго утвержденія, въ силу котораго управленіе питейными сборами по Восточной Сибири съ 1851 по 1855 г. принялъ на себя Верхотурскій 1-й гильдіи купецъ Федоръ Петровичъ Соловьевъ. Для содѣйствія къ скорѣйшей и правильной сдачѣ прежними откупщиками питейнаго управленія Соловьеву и для посредничества между ними въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, генераль-губернаторъ счелъ необходимымъ немедленно командировать меня изъ Петербурга въ Иркутскъ. Снабженный подробною инструкціею, я выѣхалъ изъ С.-Петербурга 29 ноября, еще на колесахъ, одновременно съ назначеннымъ отъ Соловьева для управленія этими дѣлами коллежск. асс. Гаврииломъ Каспаровичемъ Эрномъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е декабря приѣхали мы въ Иркутскъ. Къ 1-му января 1851 года передача питейнаго управленія отъ прежнихъ откупщиковъ Соловьеву должна была быть совершившимся фактомъ. Привезъ я между прочимъ съ собою въ Иркутскъ Высочайшій приказъ о производствѣ прямо въ статскіе совѣтники старца золотопромышленника, потомственнаго почетнаго гражданина, Ефима Андреевича Кузнецова въ награду за значительныя пожертвованія, сдѣланныя имъ по гражданскому и духовному вѣдомствамъ, для основанія обще-образовательныхъ учебныхъ заведеній, по 350 тыс. по каждому вѣдомству, 125 тыс. на постройку новаго зданія для Иркутскаго института благородныхъ дѣвицъ и 100 тыс. на сооруженіе парохода у соединенія р. Шилки и Онона для сплава по Амуру, когда на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, всего около одного милліона рублей, если считать тѣ, по его понятіямъ, ничтожныя пожертвованія, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 тысячъ, которыя онъ подноситъ генераль-губернатору при

различныхъ случаяхъ, въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ. За воѣ эти пожертвованія Кузнецовъ получилъ почти одновременно, въ небольшой промежутокъ времени, сперва орденъ Св. Владимира 3-й степени и потомъ чинъ статскаго совѣтника. Къ счастью наследниковъ Кузнецова, привезенная мною награда не застала его въ живыхъ, онъ скончался за три дня до моего приѣзда. Еслибы эта награда застала Ефима Андреевича еще такимъ бодрымъ, какимъ онъ былъ до послѣдняго времени, то ихъ наследство уменьшилось бы несомнѣнно еще на милліонъ или другой рублей. Старикъ только и мечталъ о томъ, какъ быбыть произведеннымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, чтобы къ нему наравнѣ съ губернаторомъ обращались со словами: „ваше превосходительство“, что тогда имѣло громадное значеніе и составляло почти недостижимую мечту самыхъ завзятыхъ честолюбцевъ.

Что же я засталъ въ Иркутскѣ? Полнѣйшій разладъ въ обществѣ! О томъ дружномъ кружкѣ, среди котораго Муравьевъ встрѣчалъ вмѣстѣ съ нами 1-е января 1849 и 1850 г., и помину не было. Еще въ 1849 г. Муравьевъ ходатайствовалъ, чтобы Иркутскій гражданскій губернаторъ, дѣйств. ст. совѣтникъ В. Н. Заринъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ на Кавказѣ въ чинѣ подполковника, былъ переименованъ въ генераль-маіоры и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданскою частью. Этимъ путемъ Муравьевъ желалъ избѣгнуть раздвоенія власти, съ которымъ сопровождалось всякое его отсутствіе изъ Иркутска: на Иркутскаго гражданского губернатора возлагалось въ этихъ случаяхъ предсѣдательствованіе въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, а бригадный командиръ вступалъ въ командованіе войсками, въ оной расположенными. Это раздвоеніе власти всегда вредно отзывалось на ходѣ дѣлъ въ отдаленномъ краѣ. Ему было въ этомъ отказано, потому что Императоръ Николай I не допускалъ мысли, чтобы однажды оставившій военную службу могъ бы быть опять въ нее зачисленъ не тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ее оставилъ, а съ переименованіемъ въ тотъ соответственный чинъ, который онъ выслужилъ по

гражданскому вѣдомству. Между тѣмъ военные офицеры, ничему не учившіеся и никогда не служившіе по гражданскому вѣдомству, постоянно переприменовывались въ соответственные гражданскіе чины, даже съ повышеніемъ, и назначались на высшія должности, не исключая и судебныхъ, требующихъ, кажется, непременно специальной подготовки. Таковъ былъ духъ времени, какъ свидѣтельствуегь продолжительная переписка объ этомъ вопросѣ Муравьева съ графомъ М. А. Перовскимъ, который приводитъ всего только одинъ случай въ видѣ наглядія изъ этого правила, и то имѣвшій совершенно особую подкладку. Предпочтеніе отдавалось всегда военнымъ, какъ будто лицамъ болѣе способнымъ все постичь и все объять по складу своего ума и по образу воспитанія. Подъ давленіемъ этого духа времени находился отчасти и Н. И. Муравьевъ. Нерѣдко, оставаясь очень доволенъ какимъ-либо своимъ дѣйствіемъ или распоряженіемъ, онъ говаривалъ мнѣ: „Да вы родились для военной службы, вы не гражданскій чиновникъ“. Частенько мы съ нимъ объ этомъ спорили. Остававшіеся, за отсутствіемъ Муравьева, двѣ главы мѣстнаго главнаго управленія, гражданского и военнаго, Заринъ и Запольскій перессорились между собою и все общество, вслѣдствіе этого, разумѣется, раздѣлилось на два лагеря. Оба, и Заринъ, и Запольскій, были люди дѣльные, оба трудились, повидимому, на пользу дѣла,—за Зарина я и тогда и теперь готовъ головою ручаться въ этомъ отношеніи,—но Заринъ скромный, сдержанный, мало говорившій и много дѣлавшій, а Запольскій быстрый, рѣзкій и языкомъ своимъ натворившій много зла—два элемента не соединимые, какъ Муравьевъ ни старался ихъ соединить. Въ этомъ видѣ представлялось и все тогдашнее общество г. Иркутска. Мнѣ, пріѣхавшему изъ Петербурга съ точными указаніями отъ главнаго начальника края, пришлось почти девять мѣсяцевъ изворачиваться между этими непріязненными настроеніями; я не имѣлъ права пристать ни къ одной, ни къ другой сторонѣ, хотя, признаться, я всегда съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относился къ симпатичной для меня личности В. Н. Зарина и

къ его семейству. Мнѣ удалось все время выдержать роль и быть соединительнымъ звеномъ между обоими управленіями. Заринъ въ своихъ бумагахъ и письмахъ ко мнѣ прямо писалъ: „не имѣя возможности вступитъ въ непосредственныя, личныя переговоры съ генераль-маіоромъ Запольскимъ, я поручаю вамъ“ и т. д. Дѣло дошло до того, что скромный, но стойкій В. Н. Заринъ, не считая возможнымъ продолжать службу совместно съ Запольскимъ, подалъ прошеніе о переводѣ его въ одну изъ внутреннихъ губерній или даже объ увольненіи его въ отставку. Муравьеву Запольскій былъ нуженъ, въ виду предстоявшаго образованія Забайкальскаго казачьяго войска на основаніяхъ, изложенныхъ въ всеподд. рапортѣ его отъ 16 мая 1849 г., и хотя онъ въ душѣ глубоко уважалъ Владиміра Николаевича, но онъ считалъ его для предпринимаемыхъ имъ по всей Сибири преобразованій не довольно быстрымъ,—онъ требовалъ болѣе ретиваго исполнителя своихъ предначертаній, безусловно, въ данный моментъ, только исполнителя. По ходатайству Муравьева, находившагося, какъ извѣстно читателю, въ Петербургѣ, Заринъ былъ переведенъ въ Курскъ, вмѣсто его былъ назначенъ генераль-маіоръ К. К. Венцель, изъ офицеровъ генеральнаго штаба, Иркутскимъ военнымъ губернаторомъ, а Запольскій изъ бригадныхъ командировъ былъ переименованъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска. Я нѣсколько забѣжалъ впередъ, чтобы доказать и этимъ случаемъ, какъ послѣдовательно Муравьевъ дѣйствовалъ въ дѣлѣ осуществленія задуманныхъ имъ преобразованій: въ видахъ достиженія цѣли онъ, по неволѣ, временно подчинялся настоящему требованію момента, оставляя въ сторонѣ свои внутреннія влеченія. Его государственныи умъ всегда руководилъ его сердцемъ. Крайне требовательный по службѣ, онъ въ то же время былъ очень добръ, и всѣ тѣ, которые обрещались къ нему съ какою-либо просьбою, всегда встрѣчали въ немъ человека вполне отзывчиваго. Возвращаясь къ изложенію послѣдствій данныхъ мнѣ порученій. Гавр. Касп.

Эрнъ молодцомъ распорядился сперва проѣздомъ черезъ Красноярскъ, а потомъ нѣзъ Иркутскя относительно Забайкальскаго края и Якутска, куда всѣ распоряженіи были посланы по эстафетѣ. Праздники Рождества Христова я провелъ еще въ Иркутскѣ, а новый годъ, 1-го января 1851 г., я встрѣтилъ одинъ въ занятіяхъ, за Байкаломъ въ г. Верхнеудинскѣ, откуда начался мой объѣздъ губерній Восточной Сибири для наблюденія за устройствомъ питейныхъ сборовъ на основаніи новыхъ правилъ. Съ 27 декабря по 23 марта я объѣхалъ всѣ главныя мѣста склада и продажи вина по Забайкалью, Иркутской и Енисейской губерніямъ отъ запада на востокъ, отъ Ачинска до Усть-Стрѣлки и до соединенія Шилки и Аргунь, образующихъ въ этомъ мѣстѣ р. Амуръ, съ юга на сѣверъ, отъ Троицкосавска на китайской границѣ до Туруханска на сѣверѣ Енисейской губерніи. Во время этого объѣзда и впервые познакомился съ декабристами: въ Читѣ съ Д. И. Завалишинымъ, въ Селенгинскѣ съ Ник. Алекс. Бестужевымъ и въ Красноярскѣ съ Василюмъ Львовичемъ Давыдовымъ, а въ Шилкинскомъ и Александровскомъ заводахъ Нерчинскаго горнаго округа я встрѣтился съ Мих. Вас. Буташевичемъ-Петрашевскимъ, котораго я раньше зналъ еще въ Петербургѣ, и съ принадлежавшимъ въ 1848 г. къ его кружку Львовымъ, Григорьевымъ, Спѣшневымъ и Монбелли. Почтенная личность Н. А. Бестужева произвела на меня глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Свѣтлость его взгляда на современнымъ событія, опредѣленность его сужденій о далека еще не совсѣмъ обрисовавшейся дѣятельности Муравьева, труженическая дѣятельность его самого среди мѣстнаго населенія съ цѣлью распространенія образованія, отзывчивость его на все хорошее и паящное въ области науки и художества, все это вмѣстѣ соединенное въ одномъ лицѣ представлялось мнѣ такимъ радужнымъ явленіемъ, что мнѣ казалось, что въ общеніи съ нимъ человѣкъ долженъ просвѣтлѣть и становиться лучше. По поводу предстоявшаго освобожденія Нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ, согласно предположенію Муравьева,

съ перечисленіемъ ихъ въ казачье сословіе, у насъ завязался длинный разговоръ вообще о крѣпостномъ сословіи въ Россіи. Бестужевъ сообщилъ мнѣ о взглядѣ декабристовъ на крестьянскій вопросъ и о томъ, что они всѣ признавали необходимость безусловнаго упраздненія крѣпостнаго права. При этомъ онъ упомянулъ о полученномъ имъ отъ С. Г. Волковскаго, для прочтенія, сочиненіи Н. И. Тургенева „*la Russie et les Russes*“, которымъ онъ былъ очень недоволенъ, въ особенности потому, что Тургеневъ не признавалъ значенія общиннаго владѣнія, вслѣдствіе чего и допускалъ возможность освобожденія крестьянъ безъ земли. Умеръ Н. А. Бестужевъ въ 1855 году, совершивъ едва-ли кому-либо извѣстный подвигъ истиннаго человеколюбія: возвращаясь въ мартѣ изъ Иркутска въ Селенгинскъ, онъ нагналъ на Байкалѣ двухъ пѣшихъ старушекъ-странницъ, при постепенно усиливавшейся метели. Онъ вышелъ изъ своей повозки, усадилъ въ нее этихъ старушекъ, а самъ сѣлъ на козлы и такъ продолжалъ переправу черезъ Байкалъ. При этомъ онъ простудился; пріѣхавъ въ Селенгинскъ, слегъ въ постель и чрезъ нѣсколько дней скончался, какъ праведникъ. Д. И. Завалишину я обязанъ массою крайне интересныхъ и важныхъ свѣдѣній объ образѣ дѣйствій мѣстнаго купечества и о степени благонадежности чиновниковъ горнозаводскаго и губернскаго вѣдомствъ. Буташевичъ-Петрашевскій и въ ссылкѣ оказался такимъ же, какимъ я его зналъ въ Петербургѣ, т. е. человекомъ крайне не деликатнымъ, тщеславнымъ, желающимъ только вездѣ играть роль, чтобы на него указывали, не имѣющимъ въ существѣ никакой серьезной цѣли. Начальникъ Шпикинскаго завода дѣлалъ содержавшимся у него въ заключеніи Буташевичу-Петрашевскому и другимъ всякаго рода облегченія въ ихъ участіи. Безтактность и недостатокъ деликатности со стороны Буташевича въ пользованіи этимъ снисхожденіемъ дали поводъ, что на это было обращено вниманіе высшаго правительства въ столицѣ, вслѣдствіе чего послѣдовало распоряженіе о недопущеніи подобнаго послабленія, которое имѣло видъ глумленія надъ строгостью закона. Позднѣйшіе

поступки Буташевича-Петрашевскаго вполне подтверждають отсутствіе въ немъ всякой добросовѣстности.

Хотя 16 января 1851 г. и было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о дополненіи и измѣненіи дѣйствовавшихъ тогда правилъ кактинскаго торго, но въ существѣ эти измѣненія не имѣли никакого значенія, а Муравьевъ по обстоятельствамъ не считалъ тогда еще своевременнымъ и возможнымъ настаивать на измѣненіи этихъ правилъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ смотрѣлъ на это дѣло. Тѣмъ не менѣе это Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта достойно вниманія въ томъ отношеніи, что сколько до этого времени большая часть высшихъ административныхъ лицъ и мѣстъ въ Петербургѣ видимо и не безъ цѣли какъ будто хотѣли игнорировать мѣстнаго главнаго начальника, столько, какъ доказываетъ это мнѣніе, съ начала 1851 г. послѣдовалъ замѣчательный поворотъ въ этомъ направленіи: по всѣмъ предложеніямъ и распоряженіямъ, касавшимся Восточной Сибири, но въ требованіи *безотлагательнаго* утвержденія, повелѣно было таковыя внести на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій *непрямѣнно* черезъ посредство и съ мнѣніемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, а мѣры, разрѣшаемыя по силѣности безъ предварительнаго заключенія генералъ-губернатора, приводить въ дѣйствіе *лишь въ видѣ опыта*. Этотъ поворотъ можетъ быть объясненъ только тѣми выраженіями личнаго довѣрія, котораго удостоивали Муравьева Императоръ Николай I и тогдашній Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

12 Февраля 1851 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета подъ предѣдательствомъ Государя Цесаревича по дѣламъ Амурскимъ, коимъ повелѣвалось учредить Амурскую экспедицію подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Невельскаго. Эта экспедиція должна была состоять подъ главнымъ распоряженіемъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Вместе съ тѣмъ китайское правительство было увѣдомлено, по Высочайшему повелѣнію, что Россійское Императорское правительство прини-

маеть на себя наблюденіе за устьемъ р. Амура. Карсакову и Невельскому опять приходилось ѣхать вмѣстѣ до Якутска, такъ какъ Карсакову было поручено избрать въ теченіе лѣта 1851 года мѣста поселенія для вновь устраиваемаго Якутско-Аянскаго тракта. Но Невельской попался въ плѣнъ, какъ писалъ Муравьевъ графу Перовскому, который, читая эти слова, въ первую минуту принялъ это извѣстіе въ буквальный смыслъ и испугался, не понимая впрочемъ, кто могъ его взять въ плѣнъ; но увидѣвъ, что дѣло идетъ о женитьбѣ Невельскаго, пробѣдомъ черезъ Иркутскъ, на племянницѣ Зарина, совершенно успокоился и даже былъ этому очень радъ, потому что бѣдняку не будетъ такъ скучно, какъ онъ выразился, въ глуши, куда завесенъ судьбою. Карсаковъ уѣхалъ еще зимнимъ путемъ въ Якутскъ, а Невельской остался до перваго сплава. Имя Екатерины Ивановны Невельской, урожденной Ельчаниновой, по всей справедливости, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи Амурской экспедиціи. По словамъ очевидца, не смотря на всѣ немовѣрныя лишенія и трудности, которыя приходилось ей переносить вмѣстѣ съ другими членами этой экспедиціи, никто никогда не слыжалъ отъ нея ни одной жалобы или упрека, напротивъ, всѣ всегда замѣчали въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначало ей Провидѣніе. Ея прѣмѣръ благодѣтельно дѣйствовалъ на всѣхъ.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Амурской экспедиціи, нѣсколько ранѣе, 4-го января 1851 года, было Высочайше утверждено положеніе объ Иркутскихъ и Енисейскихъ казачьихъ конныхъ полкахъ съ зачисленіемъ въ составъ этихъ полковъ нѣкоторыхъ селеній государственныхъ крестьянъ, что дало возможность окончательно осуществить передвиженіе линейныхъ баталіоновъ въ Забайкальскій край. Передача этихъ полковъ изъ гражданскаго вѣдомства, въ вѣдѣніи котораго они прежде состояли, военному, съ перачисленіемъ указанныхъ селеній, предсѣдательствующимъ въ главномъ управленіи Заринымъ была поручена мнѣ. Временно командовавшій войсками генераль-

маіоръ Запольскій почелъ своею обязанностию лично объявлять по селеніямъ объ этой Высочайшей волѣ. Сопутствуя ему, я былъ пораженъ, съ какою радостью казенные крестьяне встрѣчали вѣсть о перечисленіи ихъ въ казачье сословіе, тогда какъ губернское начальство почему-то ожидало совершенно противное и предписаніемъ на имя мѣстнаго исправника поручило ему даже озаботиться, чтобы жителямъ этихъ селеній заранее не было извѣстно о настоящей Высочайшей волѣ. Объ этомъ фактѣ я сообщилъ Мурашевуну въ Петербургъ частнымъ письмомъ, въ увѣренности, что это доставитъ ему большое удовольствіе, въ виду предстоявшаго въ томъ же году перечисленія 27 тыс. душъ горнозаводскихъ крестьянъ въ Забайкальское казачье сословіе, о которомъ много редили и толковали вкрянь и вкось. Едва успѣлъ я окончить это порученіе, сравнительно легкое и пріятное, какъ на меня возложили рядъ удосговѣреній крайне тяжелыхъ и отвѣтственныхъ по Нерчинскому горному округу, я говорю тяжелыхъ потому, что трудно даже представить, какое тамъ было царство злоупотребленій и джи, и отвѣтственныхъ потому, что мнѣ приходилось почти поголовно обвинять всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, а между тѣмъ я боялся впасть въ ошибку, очернивъ напрасно, можетъ быть, невиннаго. Проводимыми мною дознаніями, разумѣется, были поводомъ, что я подъ различными предлогами входилъ въ разспросы и бесѣды съ людьми самаго разнороднаго положенія на Нерчинскихъ горныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ. Между прочимъ, мнѣ пришлось встрѣтить въ Нерчинскомъ большомъ заводѣ бѣншаго ссыльно-каторжнаго, тогда уже старика-поселенца изъ евреевъ. Цейзига, занимавшагося въ то время съ большимъ искусствомъ дѣльными работами изъ разноцвѣтной сланы, въ особенности ценя изъ жизни Христа Спасителя. Я потребовалъ его къ себѣ подъ предлогомъ, что желаю видѣть и купить что-нибудь изъ его дѣльныхъ работъ. Показывая мнѣ свои произведенія, онъ вдругъ спросилъ меня на чисто нѣмецкомъ языкѣ, не слылъ ли я знаменитаго астронома Струве. Пораженный этимъ вопросомъ, я его спросилъ: да что ты знаешь про астронома Струве? Въ отвѣтъ

на это, онъ мнѣ назвалъ нѣсколько сочиненій отца. Потомъ онъ заговорилъ по-французски и, наконецъ, даже по-английски. „Какъ же ты, Цейзигъ, такой порядочно образованный человѣкъ, дошелъ до такой нпзости, что занимаешься дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій, за что и попалъ на каторгу? спросилъ я его, глядя на него съ изумленіемъ.— „И дѣлалъ ассигнаціи на манеръ русскихъ, но не какъ фальшиво-монетчикъ, а какъ директоръ банка польскаго правительства во время возстанія 1831 года“. отвѣтилъ онъ мнѣ съ увѣренностью, что этимъ оправдывается его преступленіе, и что онъ вовсе не простой какой-нибудь преступникъ. После долгихъ развѣдываній по различнымъ порученнымъ мнѣ дѣламъ я поставилъ ему вопросъ: „Какъ же ты объяснишь мнѣ, что горный начальникъ Иванъ Никифоровичъ Ковригинъ, который, какъ мнѣ известно, очень хорошій человѣкъ, допускаетъ такіа невѣроятныя злоупотребленія?“ „Ахъ, ваше высокоблагородіе,—былъ его отвѣтъ,—развѣ это можетъ быть иначе? Горному начальнику стоитъ одного только взять за ухо—пятьдесятъ закричатъ, все рѣдъ родня: такъ онъ, чтобы не слышать этого крика, затыкаетъ себѣ уши, закрываетъ глаза и навсе махаетъ рукою“. Дѣйствительно, въ Нерчинскомъ горномъ округѣ тогда всѣ такъ между собою перероднились, начиная отъ горнаго начальника до послѣдняго унтеръ-штрейтера и нарядчика, отъ купца до крестьянина и даже рабочаго, что начальникъ не могъ преслѣдовать никого, не задѣвая въ то же время цѣлую фалангу своей ближайшей родни. Волею неволею онъ закрывалъ глаза на многое, чего старался не видѣть, лишь бы только самому уцѣлѣть. Въ Нерчинскомъ округѣ высшее духовное начальство, чтобы дать возможность жениться, было вынуждено разрѣшать браки между лицами, состоящими въ болѣе близкомъ родствѣ, чѣмъ это дозволяется общими каноническими законами.

Только 12-го августа Муравьевъ вернулся изъ Петербурга въ Иркутскъ, послѣ разсмотрѣній тамъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ требовались отъ него личныя объясненія. Результатъ его почти осьмиѣсячнаго пребыванія въ Пе-

Петербургъ былъ самый блистательный какъ по существу разрѣшенныхъ дѣлъ, такъ и по краткости времени, въ теченіе котораго удалось провести черезъ министерства и высшія законодательныя инстанціи всѣ тѣ преобразованія, которыми обуславливалось дальнѣйшее развитіе обширнаго края, имъ управляемаго. Твердая воля Императора Николая I проявилась тутъ во всей своей силѣ: онъ поветѣлъ: *„чтобы Муравьевъ, по поводу разсмотрѣнія его предположеній, не былъ задержанъ въ Петербургъ долге, чѣмъ нужно“*, и никакой антагонизмъ въ высшей сферѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій, никакія успѣха бюрократіи не были въ состояніи затормозить ходъ дѣла сибирскаго преобразованія, потому что Государь хотѣлъ его двинуть впередъ. Состоялось и Высочайше было утверждено положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ на тѣхъ основаніяхъ и въ томъ видѣ, какъ Муравьевъ ходатайствовалъ; области Забайкальская и Иркутская были отдѣлены отъ управленія Иркутскою губерніею, и мѣстное управленіе этими областями, на правахъ самостоятельнаго губернскаго, должно было внести новую жизнь въ эти забытыя окраины; учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства открыло возможность ближайшихъ сношеній съ китайскими властями, чтобы болѣе внушительно показать имъ цѣль нашихъ стремленій на востокъ и вселить въ нихъ довѣріе къ нашей силѣ; открытіе Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества еще разъ доказало, какъ это Общество понимало свое географическое призваніе, какъ оно должно быть не только географическимъ, но именно русскимъ Обществомъ, не просто лишь ученое Общество, а Общество *учено-патриотическое*. Оно признало важнѣйшимъ событіемъ 1851 года въ отношеніи своей дѣятельности учрежденіе Сибирскаго отдѣла подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибиріи. Открывая дѣйствіемъ Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ, Муравьевъ прекрасно очертилъ предстоящую этому отдѣлу дѣятельность, обращаясь къ намъ, только-что избраннымъ новымъ членамъ Общества: „Три вѣка тому назадъ, — говорилъ Николай Николаевичъ, — достославные наши предки завое-

„вали Сябпръ въ вѣчное достояніе Россіи, не многочисленностью дружинъ своихъ, но твердостью въ своихъ начинаніяхъ, постоянною ревностью къ дѣлу и стремленіемъ заслужить похвалу Царя и отечества. Такъ предстоитъ нынѣ нашему отдѣлу приобрести страну эту для Россіи въ ученостъ отношеніи не многочисленностью ученой нашей дружины, но постоянными трудами и ревностнымъ стремленіемъ исполнить Высочайшую волю и оправдать довѣріе Августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Константина Николаевича“.

Немедленно по возвращеніи своемъ въ Иркутскъ, Муравьевъ предпринялъ объѣздъ вномъ образуемой Забайкальской области и обзорніе станицъ, имѣющихъ входить къ Забайкальскія казачьи войска въ новомъ ихъ составѣ. Бывшимъ горнозаводскимъ крестьянамъ объявили освобожденіе ихъ отъ того тяжелаго крѣпостнаго положенія, подъ гнетомъ котораго они потеряли чувство самосознанія и коснѣли въ невѣжествѣ. Это было одно изъ началъ положенія 19-го февраля 1861 года, несомнѣнно сознательно подготовленнаго твердою рукою Императора Николая I. Въ качествѣ управляющаго путевой канцеляріей генераль-губернатора Муравьева, во время этого объѣзда Забайкальской области, я былъ свидѣтелемъ той неподдѣльной радости и того восторга, съ которымъ все населеніе Нерчинскаго горнаго округа встрѣчало впрочемъ освобожденія его отъ горнозаводскихъ работъ и повинностей, какъ воспрянуло духомъ Забайкальское казачье сословіе, ободренное вниманіемъ, котораго его удостоилъ Царь. Обо всемъ этомъ Муравьевъ, разумѣется, донесъ во всей подробности Государю и въ то же время писалъ частно вновь назначенному военному министру кн. Вас. Анд. Долгорукому, который не замедляетъ уведомить Муравьева, что полученныя извѣщенія были *„вѣдъми приняты Г.о. Величеству“*. Эти слова имѣли тѣмъ большее значеніе, что невѣжество и заблужденіе многихъ, какъ писалъ генераль-маіоръ (нынѣ генераль-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта) А. П. Веригинъ, не переставали преслѣдовать Муравьева упре-

ками за образованіе Забайкальскаго атаманства и отдѣльнаго областного управленія и за переводъ ливейныхъ баталіоновъ въ Забайкалье. Въ подкрѣпленіе своей агитаціи противъ Муравьева злые языки болѣе гѣмъ за десять тысячъ верстъ отъ мѣстъ, о которыхъ они повѣствовали, распускали нелѣпныя, но упорно повторяемыя, слухи, будто китайцы выставили 100 т. войска на границѣ и залепли входъ въ Маймачингъ, вслѣдствіе посланной Муравьевымъ экспедиціи для изслѣдованія береговъ Амура и выражали опасеніе, что китайцамъ не понравится учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства и что Ургинскіе правители можетъ быть даже не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто Иркутскаго губернатора. Хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Восточной Сибири и поэтому одинъ изъ лучшихъ судей всего, въ то время тамъ проехавшаго, А. И. Веригинъ, насколько не довѣрившій этимъ слухамъ, но не желавъ быть въ Петербургѣ *безмаснымъ* слушателемъ могущихъ быть различныхъ сужденій по спмъ предметамъ, говорилъ и писалъ: „Еслибы даже дѣйствительно китайцы приняли нѣкоторыя мѣры осторожности, то пугаться этого нечего; пора дать почувствовать нашу силу и наше могущество на Востокѣ“. Всѣ эти слухи были плодъ празднаго воображенія и злорадетва противъ Муравьева: никакихъ 100 тыс. войска китайцы не выставили на границѣ и воротъ Маймачинскихъ не закрывали. Напротивъ, Ургинскіе правители, какъ сообщая между прочимъ Муравьевъ Великому Князю Константину Николаевичу въ отвѣтъ на милостивый рескриптъ Его Высочества отъ 1-го октября 1851 года, — „поспѣшили войти въ сношеніе со вновь назначеннымъ въ Кяхту градоначальникомъ Н. Р. Ребиндеромъ и присланные ими въ Трошкосавскъ курьеры изъявляли удовольствіе своихъ начальниковъ по случаю этой перемены въ убѣжденіи, что сближеніе губернской нашей власти къ границѣ послужитъ лишь къ скорѣйшему разрѣшенію могущихъ возникнуть пограничнымъ дѣламъ вопросовъ“. Его Императорское Высочество Константинъ Николаевичъ, съ удовольствіемъ, вспоминая побойтныя рассказы Муравьева о дѣлахъ Восточ-

ной Сибири и въ особенности объ экспедиція Невельскаго ¹⁾, милостивымъ рескриптомъ отъ 1-го октября 1851 г. изъ г. Павловска, просить его „продолжать иногда сообщенія на письмѣ съ тою же откровенностью, которая была въ устной бесѣдѣ“. Съ этого времени начинается постоянный обменъ мыслей между Его Высочествомъ и Муравьевымъ по дѣлу Амурскому, развитію котораго генераль-адмиралъ оказывалъ свое неизмѣнное высокое покровительство и всепильное содѣйствіе.

Дѣло освобожденія крестьянъ отъ обязательныхъ работъ на заводахъ и фабрикахъ, начатое перечисленіемъ 27 тыс. горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго округа въ казачье сословіе, Муравьевъ продолжалъ въ концѣ этого же 1851 г. и по отношенію къ находящейся близъ Иркутска посессионной Тальцинской фабрикѣ. По его приказанію я вытѣсывалъ изъ Иркутскаго губернскаго правленія все дѣла, касавшіяся основанія и преобразованія этой фабрики, равно какъ и все дѣла, когда-либо производившіяся и тогда еще состоявшія въ производствѣ по обоюднымъ претензіямъ владельцевъ и рабочихъ этой фабрики, и долженъ былъ приступить къ составленію проекта положенія, имѣвшаго цѣлю прекращеніе всѣхъ этихъ обязательныхъ отношеній и водвореніе *основаній вольнаго труда*. Муравьевъ имѣлъ на эти вопросы совершенно опредѣленный взглядъ, выработанный особенно во время бытности его Тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось окончить это порученіе, занимавшее меня въ высшей степени влѣдствіе тѣхъ практическихъ указаній, которыми снабдилъ меня Муравьевъ и тѣхъ основныхъ началъ, которыя онъ мнѣ преподалъ. По особому, для меня весьма лестному, порученію пришлось мнѣ въ началѣ декабря 1851 г. ѣхать въ Якутскъ. Положеніе объ управленіи Якутскою областью, отдѣленной

¹⁾ Невельской съ 1836 года въ продолженіи 7 лѣтъ былъ нахлебнымъ лейтенантомъ великаго князя Константина Николаевича, когда Его Высочество въ отроческомъ возрастѣ начиналъ свое морское поприще.

отъ Иркутской губерніи, и объ открытіи тамъ и въ Забайкальской области областныхъ учрежденій на правахъ губернскихъ хотя и было 11 іюля 1851 г. Высочайше утверждено, но назначеніе въ Якутскъ губернатора почему-то замедлилось. Между тѣмъ Муравьевъ хотѣлъ, чтобы объ новыя области были непременно открыты къ наступавшему 1852 году. Въ Забайкальскую область быть назначенъ находившійся уже на мѣстахъ, въ качествѣ наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, генераль-маіоръ Запольскій. Открытіе Иркутской области и введеніе тамъ новыхъ областныхъ учрежденій Муравьевъ возложилъ на меня. Выборъ хорошихъ чиновниковъ въ Сибирь крайне затруднителенъ. На мое счастье Муравьевымъ, въ бытность его въ Петербургѣ, было принято на службу въ Сибирь нѣсколько молодыхъ людей, которые согласились ѣхать со мною въ Якутскъ: А. А. Ганъ въ качествѣ областного прокурора, Н. Д. Свербеевъ и П. А. Налабардинъ чиновниками особыхъ порученій и И. Григ. Яковенко, возвращавшійся изъ Охотска на свою родину, въ Малороссію, послѣ пятилѣтней службы въ неприѣтливомъ приморскомъ краѣ, согласился еще разъ вернуться въ глушь сибирскую на должность совѣтника областного правленія. Съ этимъ небольшимъ числомъ честныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ и выѣхавъ изъ Иркутска 11 декабря и, разумеется, мы должны были ѣхать безостановочно и безъ отдыха, чтобы поспѣть въ Якутскъ за 2,400 верстъ, на столько благовременно, чтобы 1 января 1852 г. согласно распоряженію генераль-губернатора, открыть тамъ новыя областныя учрежденія. Въ моемъ формулярномъ спискѣ значится, что я открылъ 1 января 1852 года Якутскую область, какъ будто эта область раньше не была пзвѣстна, а я, какъ Христофоръ Колумбъ, открылъ новую невѣдомую страну. Эта канцелярская педомолювка впоследствии перѣдала подавала поводъ и къ веселому смѣху при воспоминаніи въ дружескомъ кругу о хорошемъ бѣломъ, и къ ироническимъ, злостнымъ насмѣшкамъ со стороны лицъ нерасположенныхъ ко мнѣ, а измѣнить никакъ нельзя: „то написано перомъ, не вырубишь топоромъ“.

IV.

1852 г. Новый состав штаба при Муравьевѣ. — Отправление къ азіатскому побережью Тихаго океана эскадры англичанъ и сѣверо-американцевъ. — Представленіе Муравьева къ А. С. Меншикову по этому поводу, съ цѣлью получить разрѣшеніе занять заливъ де-Кастри и отправить сплавомъ по Амуру команду для усиленія Камчатской флотиліи нашей. — Всеподанныйъ Императору доносеніе о нашихъ отношеніяхъ къ азіатскому правительству. Письма Муравьева къ великому князю Константину Николаевичу, и отвѣтъ Его Высочества. — Отношеніе преосвященнаго Иннокентія къ заправителямъ россійской сѣверо-американской комисіи. — Пріѣздъ въ Якутскъ губернатора К. Н. Григорьева. — Засѣденіе Якутско-Амурскаго тракта по берегу р. Мая. — Командировка Н. Д. Спербеева къ Удской острогу и на Учурскую ярмарку. — Громкая исторія Занадворонская. — Пріѣздъ преосвященнаго Иннокентія къ Якутску. — Его записки о якутскихъ церквяхъ и причтахъ. Моя поѣздка въ Аянъ. — Открытіе удобнаго перевала черезъ хребетъ Джукдзуръ. Его Величество не соизволило на сплавъ по Амуру и занятіе залива де-Кастри, повелѣлъ Муравьеву прибыть въ Петербургъ.

Необходимость послѣдовательнаго изложенія главнѣйшихъ событій въ восточной Сибири по возвращеніи Н. Н. Муравьева во вторую половину 1851 года изъ С.-Петербурга заставила меня поневолѣ опустить вѣсколько данныхъ, могущихъ служить для освѣщенія моихъ разсказовъ послѣдующаго времени; безъ этихъ данныхъ не все будетъ понятно незнакому съ мѣстными условіями читателю. За преобразованиемъ городовскихъ казачьихъ полковъ и перечисленіемъ горнозаводскихъ крестьянъ нерчинскаго округа въ забайкальское казачье сословіе съ формированіемъ довольно обширной артиллерійской части при этихъ войскахъ, явилась необходимость создать новое управленіе этими частями и увеличить число состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ и командующемъ войскамп. офицеровъ. Съ 1851 г. сформировался при Муравьевѣ почти совершенно новый блестящій штабъ. Дежурнымъ штабъ-офицеромъ штаба регулярныхъ войскъ былъ назначенъ изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ К. Н. Шелашниковъ (впослѣдствіи въ теченіе многихъ лѣтъ якутскій военный губернаторъ), начальникомъ отдѣленія, снова образованнаго при главномъ управленіи восточной Сибири казачьяго отдѣленія, былъ пе-

ренменованъ подполковникъ М. С. Корсаковъ, другъ и ближайшій сотрудникъ Муравьева по всеѣмъ частямъ управленія восточной Сибири; пріѣхали новые личные адъютанты: А. Н. Похмистневъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, товарищъ по корпусу и по полку графа А. В. Адлерберга, впоследствии министра императорскаго двора, одновременно съ которымъ онъ праздновалъ въ 1857 г. пятидесятилѣтіе своей службы, А. Н. Сославинъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, князь А. Э. Енгальчевъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, А. П. Запольскій, лейбъ-гвардіи Имайловскаго полка, для особыхъ порученій по военному вѣдомству инженеръ Б. К. Кукель, штабъ-капитанъ В. П. Рыкачевъ и капитанъ Боголюбовъ, по морскому вѣдомству, вдовѣ Г. И. Невельскаго, дѣйствовавшего въ устьяхъ Амура, капитанъ 2-го ранга Казакевичъ: по гражданскому вѣдомству — А. И. Бибиковъ и А. Ив. Деспотъ-Зеновичъ. Управляющимъ частью генеральнаго штаба при командующемъ войсками былъ назначенъ капитанъ А. П. Заборинскій. По части женскаго образованія и воспитанія въ Иркутскѣ подъ благосклоннымъ, хотя и неофициальнымъ, покровительствомъ супруги генераль-губернатора, состояли иркутскій институтъ благородныхъ дѣвицъ и женскій сиротинательный домъ Елизаветы Медвѣдниковой, во главѣ которыхъ стояли: перваго М. А. Дорохова, а втораго — баронесса Н. Э. Розенъ, пріѣхавшая къ мѣсту назначенія въ январѣ 1852 года. Въ началѣ же 1852 года пріѣхать въ Иркутскъ скромный молодой ученый Р. К. Маакъ, рѣшившійся, снабженный рекомендательными письмами къ генераль-губернатору отъ адмирала Ф. П. Врангеля и академика, знаменитаго сибирскаго путешественника А. Ф. Миндендорфа, принять должность учителя гимназій, въ ожиданіи случая сопутствовать какой-либо ученой экспедиціи для естественно-научныхъ изысканій въ качествѣ зоолога и въ увѣренности, что при просвѣщенномъ управленіи обширною восточною Сибирью Н. Н. Муравьева, надежды его не замедлятъ осуществиться. Онъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: С. Ф. Соловьевъ, извѣщавшій откупными дѣлами своего отца въ

Сибири и искренно сочувствовавшей расширенію изысканій въ области наукъ, щедро отозвался на призывъ Муравьева къ дѣятельности по сибирьскому отдѣлу Императорскаго географическаго общества, секретаремъ котораго былъ избранъ И. С. Сельскій, отличавшійся своею любовью къ ученымъ изысканіямъ и готовностью содѣйствовать всемъ предпріятіямъ этого рода. По городскимъ выборамъ, состоявшимся въ концѣ 1851 г., на новое трехлѣтіе были избраны молодые энергичные дѣятели изъ мѣстнаго купечества: городскимъ головою А. П. Медвѣдниковъ, попечителями сиропитательнаго дома И. С. Хамповъ, П. В. Солдатовъ и И. С. Сумкинъ. Сколько новыхъ силъ въ подержанномъ уже ободѣ колеса! Съ этихъ поръ началась въ Иркутскѣ настоящая столичная жизнь, со всеми отгѣнками и утонченностями придворной интриги, зародился вопросъ, о которомъ мы, первоначально прибывшіе съ Муравьевымъ въ Сибирь, подчиненные его, никакого понятія не имѣли и который насъ не безпокоилъ: „кто въ силѣ при генералъ-губернаторѣ?“ Началась погоня за порученіями, болѣе или менѣе интересными, но въ смыслѣ денежномъ—въ этомъ отношеніи, казалось, всѣ были безкорытны—а въ смыслѣ возможности схватить лучшую награду, что намъ, прежнимъ служакамъ, и въ голову не приходило. Двое не были вовлечены въ интригу, они стояли внѣ и выше Иркутской обыденной жизни, то были М. С. Корсаковъ и П. В. Казкевичъ. Корсаковъ старался лишь огрadyть Муравьева, гдѣ и какъ могъ; будучи любимъ и уважаемъ всеми, онъ пользовался общимъ къ нему довѣріемъ, для того, чтобы, по возможности, какъ истинный другъ, отклонять Муравьева отъ поступковъ горячности и увлеченія, которые могли повредить ходу важнѣйшихъ дѣлъ, при нерасположеніи къ нему въ высшихъ сферахъ въ Петербургѣ.

Еще въ 1851 г., въ слѣдствіе записки американца Пальмера, правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ рѣшило отправить къ азіатскому побережью Тихаго океана и въ Японію сильную эскадру для изслѣдованія этихъ мѣстностей и полученія свободнаго доступа, въ видахъ торговыхъ, въ порта

яповскіе, а англійчаве, подѣ предлогомъ отыскыванія капитана Франклина съ его несчастнымъ спутниками, то и дѣло что снаряжали къ нашимъ сѣверо-восточнымъ прибрежьямъ морскія экспедиціи, которыя заходили въ Татарскій заливъ, дѣлали тамъ промѣры, вообще, какъ говорится, прицѣвливались къ этимъ мѣстамъ. Особенно любопытно было появленіе въ Петербургѣ англійскаго офицера Пима, который желалъ отправиться въ восточную Сибирь для того, чтобы отыскать Франклина съ сухаго пути. Пимъ представлялся Императору Николаю I, удостоившему его довольно продолжительной бесѣды съ цѣлью отклонить его отъ его намѣренія, указывая на крайнюю затруднительность подобнаго предпріятія и разорительность его для мѣстныхъ кочевыхъ жителей. Англійчанинъ возражалъ и не унимался. Государь повелѣлъ ему подать свой проектъ на бумагѣ. Для разсмотрѣнія этого проекта, по Высочайшему повелѣнію, была учреждена особая коммиссія, членомъ которой отъ морскаго вѣдомства былъ контръ-адмиралъ Ф. Ф. Матюшкинъ, старинный другъ декабриста Гавр. Ст. Батенькова, съ которымъ онъ и жилъ по возвращеніи послѣдняго въ 1856 году изъ Сибири. Коммиссія рѣшила, что русское правительство ни въ чемъ не можетъ съ своей стороны содѣйствовать предпріятію Пима, по твердому убѣжденію въ невозможности исполненія его, но что оно не препятствуетъ Пиму предпринять свою экспедицію, какъ онъ найдетъ для себя удобнымъ. По этому поводу вице-президентъ Императорскаго географическаго общества, адмиралъ Ф. П. Литке, писалъ тогда Муравьеву: „Пимъ отправился во-своеясп съ носомъ и досадою въ сердцѣ. Россіи, и европейской, и азіатской, конечно, отъ него порядкомъ достанется, но это невпнное удовольствіе можно ему охотно предоставить, оно безвреднѣе, чѣмъ тѣ пакости, которыя онъ могъ бы настропить, еслибы прообразенъ къ вамъ. Идея искать Франклина на собакахъ отъ устья Колымы до того сумасбродна, что въ практической головѣ англійчавина могла она возникнуть только съ цѣлью служить ширмою какой-нибудь другой агтіеге-репсее, менѣе наивной, но болѣе натуральной“. Пимъ, по возвращеніи въ Англію,

присоединился къ морской экспедиціи, отправившейся все-таки къ нашему восточному побережью подъ командою капитана Битсона и все будто-бы для отысканія Франклина.

Все это въ высшей степени беспокоило Муравьева, тѣмъ болѣе, что, по изысканіямъ Невельскаго и полковника Аigte, обнаружилось, что островъ Сахалинъ и все амурское побережье къ югу до Коран считались никому не подвластными и поэтому могли сдѣлаться собственностью того, кто первый займетъ эти мѣста. Всѣ наши трехлѣтнія дѣйствія на Амурѣ и въ землѣ гилъковъ имѣли цѣлью предупредить въ тѣхъ мѣстахъ иностранцевъ, но опасеніе съ нашей стороны по отношенію къ китайцамъ и неясность трактата нашего съ ними стѣсняла наши предпріятія и препятствовали предпринять всѣ тѣ мѣры, которыхъ требовала важность предмета. Съ 1852 года, кромѣ англичанъ, явились на этомъ поприщѣ еще новые соперники: сѣверо-американцы. Ихъ пароходная экспедиція въ Японію достаточно указывала на стремленіе ихъ къ этимъ странамъ. Островъ Сахалинъ и его гавани неминуемо, по мнѣнію Муравьева, должны были войти въ кругъ занятій этой экспедиціи, и не было никакой причины, чтобы противуположащія этому острову берега Татарскаго залива, а можетъ быть и самый Амурскій лиманъ не привлекли послѣдованій и предпріятіи любознательныхъ и корыстныхъ американцевъ. Китайцы, разумѣется, не въ силахъ были бы остановить ихъ и, повидному, вполне предоставили намъ эту заботу, тѣмъ болѣе, что еще въ 1851 году китайское правительство было уведомлено, что Россійское Императорское правительство принимаетъ на себя наблюденіе за устьемъ р. Амура.

Произведенныя изысканіемъ Н. М. Чихачевымъ (нынѣ начальникъ главнаго морскаго штаба) въ зиму 1852, изслѣдованія указали, что не одинъ лиманъ и устье Амура требуютъ нашего вниманія, но что и гавань де-Кастро по близости и удобству сообщенія ея съ Амуромъ должна войти въ кругъ не только наблюденія, но и заботъ этого побережья. Еслибы англичане или американцы вздумали занять эти мѣста, то они, безъ сомнѣнія, не остановились бы въ своихъ движеніяхъ

вслѣдствіе лишь протеста кого-нибудь изъ нашихъ офицеровъ, не подкрѣпленнаго силою и пушками. „Снаряды и пушки нужны тамъ, какъ писалъ Муравьевъ князю А. С. Меншикову 28 апрѣля 1852 года, для того, чтобы, останавливая предприимчивость иностранцевъ (англичанъ и американцевъ), тѣмъ именно предупредить войну, которая, конечно, должна возникнуть, если насильно займутъ эти мѣста¹. Что Н. Н. Муравьевъ, хотя и храбрый и опытный воинъ, никогда не былъ охотникъ до военныхъ дѣйствій, предпринимать ихъ только въ крайности и смотрѣлъ на военныя вооруженія, какъ на необходимое средство предупредить войну, доказывается между прочимъ однимъ изъ его писемъ, писанныхъ имъ, когда онъ еще былъ совершенно молодымъ офицеромъ. 1 декабря 1840 года къ своему дядѣ Ник. Ник. Муравьеву, впоследствии Кирскому, изъ укрѣпленія Бомборы на Кавказѣ, гдѣ наши офицеры, подстрекаемые честолюбіемъ, думали тогда только войною, походами и вылазками: „До отъѣзда²) моего отсюда, еще, безъ сомнѣнія, не разъ, придется мнѣ приниматься за оружіе, хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался начальникомъ части войскъ и края (2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи) берусь за него только въ крайности и могу сказать даже не охотно, если вѣжу возможность съ честью, безъ пролитія крови, обойтись³. Военныя средства восточной Сибири, по Высочайшей волѣ, приняты тогда уже такіе размѣры, что безъ затрудненія мы могли при устьяхъ Амура стать въ грозное оборонительное положеніе противъ всякихъ покушеній, но только при условіи прямого сообщенія устьевъ Амура съ Нерчинскимъ округомъ, снарядомъ по Амуру, а не иначе. Руководствуясь этимъ взглядомъ своимъ на наше положеніе въ восточной Сибири вообще и въ особенности на угрожающую намъ на устьяхъ Амура опасность, вслѣдствіе чего ему показалось невозможнымъ откладывать принятіе предлагаемыхъ имъ рѣшительныхъ мѣръ, Муравьевъ просилъ вышеупомянутымъ письмомъ отъ 28-го апрѣля 1852 года пеходатайствовать Вы-

¹ Муравьевъ собирался въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ для излеченія раны, полученной имъ въ 1839 году при осадѣ кр. Ахулью.

сочайшее соизволеніе учредить на озерѣ Кизи постъ для наблюденія близъ лежащей гавани де-Кастри и отправить осенью того же года изъ Нерчинскаго округа съ полнымъ годовымъ продовольствіемъ 250 человекъ нижнихъ чиновъ изъ линейныхъ баталіоновъ и казаковъ подъ начальствомъ капитана 2 ранга Казакевича, на лодкахъ внизъ по теченію Амура, для усиленія военной команды, находившейся уже въ распоряженіи капитана Невельскаго на Амурѣ. Еще за два мѣсяца до этого письма, а именно 25 февраля, Муравьевъ донесъ Государю Императору о неблагопріятномъ положеніи китайскаго правительства вслѣдствіе мятежей, тамъ продолжавшихся и распространявшихся. По полученнымъ Муравьевымъ черезъ Калганъ, Ургу и Кяхту свѣдѣніямъ, въ Китаѣ развилась тогда мысль, что по прежнимъ примѣрамъ царствующая династія должна измѣниться и что наступилъ, вѣроятно, уже срокъ этой перемѣны, въ виду тѣхъ успѣховъ, которые были приобрѣтены мятежниками, распространявшими пламя бунта даже и въ Манжуріи.

„Ваше Императорское Величество изволили мнѣ неоднократно объявлять Вашу волю о сохраненіи дружескихъ отношеній съ Китаемъ, а потому я послѣшаю повергнуть послѣднее полученное мною свѣдѣніе на Высочайшее Ваше благоусмотрѣніе и всеподданнѣйше доложить, что если нынѣ существуютъ дружескія отношенія между нами и китайскимъ правительствомъ, то поэтому именно предположить должно, что они не будутъ продолжаться въ случаѣ насильственной перемѣны тамъ правительства и царствующей династіи и если Вашему Величеству благоугодно будетъ изъяснить китайскому императору участіе въ затруднительномъ его положеніи, то смѣю думать, что теперь уже къ тому наступило время и можетъ быть на первый случай достаточно будетъ одного письменнаго увѣренія Вашего Величества, чтобъ ободрить молодого китайскаго государя и колеблющееся его правительство. Но еслибы во время персиски переворотъ тамъ совершился, то дружескія предположенія съ нашей стороны побудятъ, вѣроятно, китайскаго императора, въ случаѣ бѣгства, обратиться подъ нашу за-

„щиту, что, смѣю думать, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи будетъ сообразно съ достоинствомъ и пользами нашими“. Опираясь на этомъ донесеніи Государю, Муравьевъ счелъ возможнымъ въ своемъ письмѣ къ князю А. С. Меншикову добавить, что онъ смѣло можетъ поручиться, что всякое опасеніе разрыва съ Китаемъ по случаю предполагаемаго имъ сплава по Амуру неумѣстно, тѣмъ болѣе, что появленіе ваше на Амурѣ, при дружескихъ нашихъ отношеніяхъ къ нынѣшнему правительству этой страны ¹⁾, послужило бы ему еще опорой въ затруднительномъ его положеніи противу мятежниковъ. По теплому участію, которое гр. Л. А. Перовскій постоянно принималъ въ дѣлахъ восточно-сибирскихъ, и по испытанному дружескому его расположенію къ Муравьеву послѣдній не замедлилъ препроводить къ нему копию со своего письма къ Меншикову, прося его содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію его ходатайства. Въ то же время великій князь Константинъ Николаевичъ, желая вполнѣ основательно познакомиться съ дѣлами сибирскими, рескриптомъ отъ 24-го декабря 1851 года изъ Венеціи просилъ Муравьева доставить ему объяснительныя записки по различнымъ вопросамъ мѣстнаго управленія, объ удовлетворительности сибирскихъ учрежденій, созданныхъ Сперанскимъ, о Кяхтинской торговлѣ, о системѣ налоговъ въ Сибири, прямо падающихъ на народъ и др. Исполняя желаніе Его Высочества, Муравьевъ составилъ краткій очеркъ по поставленнымъ вопросамъ. Представляя таковой на усмотрѣ-

¹⁾ Правда въ „Посмертныхъ запискахъ адмирала Невельскаго“ (стр. 130) сказано, что мичманъ Чихачевъ донесъ (п. 6): нѣкоторые манджуры рассказываютъ, что будто-бы съ открытіемъ рѣки спустится изъ р. Сунгаи большая манджурская сила, чтобы насъ и всѣхъ гиляковъ, которые намъ помогаютъ, перерѣзать. Но въ рапортѣ Чихачева отъ 18 января 1852 года, во исполненіе секретной ему инструкціи Невельскаго, отъ 6 ноября 1851 г за № 160, ничего подобнаго нѣтъ, да оно и противорѣчило бы дѣйствительному положенію дѣлъ, о которомъ тописалъ Муравьевъ съ ручательствомъ за вѣрность доставляемыхъ имъ свѣдѣній, что вполнѣ подтвердилось теченіемъ времени

ніе генералъ-адмирала, Николая Николаевича въ письмахъ своихъ отъ 11 в 20 февраля и 21 апрѣля познанилъ великаго князя также съ положеніемъ дѣлъ нашихъ на восточномъ прибрежьи и въ Забайкальскомъ краѣ, выражая при этомъ мысль, что онъ, Муравьевъ, можетъ быть, съ валищною осторожностью дѣйствуетъ и излагаетъ свое мнѣніе о пограничныхъ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ, повтому, въ виду крайней ограниченности круга дѣятельности, открытой ему, Муравьеву, по предметамъ, относящимся до министерства иностранныхъ дѣлъ, было бы, безъ сомнѣнія, желательно для пользы Россіи, чтобы, при настоящихъ въ Китаѣ обстоятельствахъ, въ восточной Сибири начальствовало лицо, облеченное въ этомъ отношеніи большимъ довѣріемъ. Какъ бы въ отвѣтъ на эти письма генералъ-адмиралъ, увѣдомляя Муравьева отъ 14 августа, что онъ, Высочайшею волею, назначенъ членомъ Сибирскаго Комитета и что Сибирскій край вмѣстѣ съ этимъ получалъ для него еще бѣльшую важность, выразилъ искреннее свое желаніе получить отъ Николая Николаевича подробныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія Сибирью, что дало бы Его Высочеству возможность быть еще болѣе полезнымъ этому краю.

„Мысль о томъ, не лучше ли было бы для дѣлъ, если бы его замѣнили въ восточной Сибири другимъ лицомъ, пользующимся бѣльшимъ довѣріемъ, не оставляла однако Муравьева“. Переживу или нѣтъ будущую зиму, — пишетъ онъ въ 1852 году къ своему дядѣ Муравьеву-Карскому, съ которымъ онъ велъ задушевную, откровенную переписку, — Богъ вѣдаетъ, а что гаснетъ свѣщенныи огонь, то чувствую ежедневно; бываютъ еще вспышки, но рѣже и рѣже. Мнѣ было сказано при 10-ти савоянкахъ, что я все дѣлаю изъ честолюбія и хочу себѣ воздвигнуть памятникъ; мысль эта, какъ видишь, укоренилась, и всякое дѣло черезъ нее процѣживается; люди менѣе рѣзкіе говорятъ, что и торплюсь. Если все это отъ того, что здѣсь генералъ-губернаторомъ я, то не слѣдуетъ ли мнѣ или умереть или уйти, чтобы не помѣшать пѣковымъ предпріятіямъ; при другомъ

повѣрять, что надобно дѣйствовать, чтобы не потерять своего на цѣлыя пѣка. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сожалею, что нѣтъ ко мнѣ довѣрія. Вы пишете, что я буду въ затрудненіи, куда дѣться;—извините меня, я и теперь не затрудняюсь, насъ съ женою только двое и оба не прихотливы!
„Надобно биться, любезный Николай Николаевичъ, — писалъ ему въ отвѣтъ Муравьевъ-Карскій—безцвѣтна была бы и жизнь наша безъ борьбы“.

До сихъ поръ остался для меня необъяснимымъ тотъ скрытый антагонизмъ, который существовалъ между преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ камчатскимъ и алеутскимъ (съ 1868 г. митрополитъ Московскій) и заправителями Северо-Американской Компаніи. Правда, съ обѣихъ сторонъ эти недобрыя отношенія скрывались весьма тщательно и искусно, и я признаюсь, что хотя я относительно объ этомъ нѣчто подозревалъ, но никогда не позволялъ себѣ затрогивать этого вопроса въ своихъ продолжительныхъ и смѣло скажу, дружественныхъ бесѣдахъ съ владыкою, съ которыми я состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ, столь близкихъ, что онъ былъ воспріемникомъ отъ купели моего старшаго сына Василя, родившагося въ Иркутскѣ. Но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то и это неутѣшительное явленіе послужило на пользу дѣла: оно облегчило ходатайство Муравьева сначала о перенесеніи кафедры преосвященнаго изъ Спгхи въ Якутскъ, а затѣмъ объ открытіи новой епархіи въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ. Предсѣдатель правленія Северо-Американской Компаніи, генералъ Политковскій, не стѣсняясь въ письмѣ своемъ отъ 11 февраля 1852 г., писалъ Н. Н. Муравьеву: „Не знаю, какого мнѣнія вы о преосвященномъ Иннокентіи, но по дѣламъ нашимъ онъ, при натуральномъ умѣ и большой привычкѣ къ краю, увлекается часто ложными понятіями о своихъ обязанностяхъ и при томъ весьма упорно всегда защищаетъ интересы свои и своихъ подчиненныхъ безъ всякаго правдлагаго основанія. Къ тому же мнѣ очень хорошо извѣстно, что онъ очень не любитъ Компанію и позволяетъ себѣ о ней весьма неправильныя и рѣзкія сужденія. Духовно былъ бы я радъ,

еслибы архіерейскую катедру перенесли изъ колоніи куда угодно, Компания избавилась бы отъ многихъ непріятностей и столкновеній, которыя встрѣчаются теперь отъ противодѣйствія духовной власти, весьма расширившей свое вліяніе. Для колоній достаточно имѣть благочиннаго, а архіерея намъ совсѣмъ не нужно, чѣмъ онъ умѣе, тѣмъ трудѣе ему уживаться съ главными правителями и быть нѣкоторымъ образомъ въ подчиненности мѣстной власти. Этотъ предметъ и притомъ денежныя расчеты, которые наше духовенство обыкновенно привыкло направлять въ свою пользу, будутъ вѣчнымъ камнемъ преткновенія для обоюднаго согласія и гармоніи обѣихъ властей⁴. Этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ о меркантильности направленія тогдашнихъ представителей сѣверо-американскихъ нашихъ колоній и о непониманіи ими задачи нашей на крайнемъ востокѣ, вполне сознанной преосвященнымъ Иннокентіемъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ духѣ. Съ этой точки зрѣнія смотрѣли на него и Государь Императоръ и истинный патриотъ Н. Н. Муравьевъ. Его Величество однажды, при докладѣ оберъ-прокурора Св. Синода, графа Протасова, о предложеніи послать въ Петровское зимовье на Амурѣ священника-миссіонера, изволилъ отозваться о преосвященномъ Иннокентіи съ особенною похвалою, прибавляя, что „онъ незамѣлугъ въ этомъ краѣ, что всѣ его дѣйствія исполнены усердія къ пользѣ церкви и отечества⁴. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ лестный отзывъ Царя былъ отчасти основанъ на преисцествовавшемъ заслѣдѣтельствованіи въ этомъ смыслѣ со стороны генералъ-губернатора Муравьева. Заслуги преосвященнаго впрочемъ были тогда уже извѣстны всему христіанскому міру, справедливо оцѣнивавшему дѣятельность этого свиттеля на отдаленномъ и дикомъ, сѣверо-востокѣ Россіи. Всюду онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Отправляя меня, 24-хъ лѣтяго молодого человека, съ такими же молодыми сотрудниками, въ Якутскъ для исполненія важнаго порученія, Муравьевъ надѣялся, что я открою тамъ новыя областныя учрежденія при благословеніи преосвященнаго Иннокентія, проживавшаго 1851-й годъ, съ

3-го апрѣля, въ Аянѣ, откуда онъ непрерывно совершалъ путешествія, преслѣдуя цѣль распространенія свѣта евангельскаго между дикими народами, и имѣвшаго намѣреніе къ новому 1852 году прибыть въ Якутскъ. Но не такъ случилось. Великій апостолъ сѣверъ прибылъ въ Якутскъ только въ началѣ марта, такъ что открытіе новыхъ областныхъ учрежденій совершилось 1 января 1857 года при молитвенномъ благословеніи настоятеля Якутскаго монастыря архимандрита Самуила въ сослуженіи съ миссіонеромъ, отцомъ Дмитріемъ Смирновымъ, нынѣшнимъ преосвященнымъ уфимскимъ и мензелинскимъ Діонисіемъ. Теплое, живое, истинно-христіанское слово, сказанное при этомъ случаѣ отцомъ Дмитріемъ, глубоко впечатлѣлось въ мою душу, и я до сихъ поръ не могу забыть его пастырскихъ пожеланій. съ которыми онъ обращался тогда къ юному поколѣнію, имѣвшему подвизаться на гражданскомъ поприщѣ въ Якутскѣ, въ духѣ и по указаніямъ Н. Н. Муравьева. Не покажется ли это самохвальствомъ, если я скажу, что мы дѣйствительно внесли новый духъ въ управленіе Якутскою областью? Тамъ, нужно сознаться, царствовалъ не столько грѣхъ преступленія, сколько грѣхъ попущенія, тамъ все шло какимъ-то издавна заведеннымъ порядкомъ, туда, до Муравьева, никто порядкомъ не заглядывалъ, а мѣстные дѣятели не давали себѣ труда вдумываться въ истинное положеніе дѣлъ этого отдаленнаго края, а если и догадывались, что дѣла идутъ не какъ слѣдуетъ, то у нихъ не хватало энергіи, чтобы выбиться изъ колеи. „Здѣсь всѣ и вокругъ родня, а свой своему по неволѣ другъ“, говаривалъ преосвященный Иннокентій, указывая на необходимость бороться. Мы принялись съ усердіемъ за дѣло, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ открытія новыхъ учрежденій получено было извѣстіе о назначеніи въ Якутскъ губернаторомъ дѣйств. ст. совѣти. К. Н. Григорьева, бывшаго Костромскаго губернатора, человѣка очень уже пожилаго и усталого, навлекшаго на себя гнѣвъ Императора Николая за какое-то несообразное распоряженіе во время большаго пожара въ Костромѣ и за это уволеннаго отъ должности съ причисленіемъ къ

министерству внутреннихъ дѣлъ. Григорьевъ былъ человѣкъ безусловно честный, но года его и въ особенности удручавшая его костромская катастрофа, сдѣлали его робкимъ, нерѣшительнымъ и положительно непригоднымъ для управленія Якутскою областью, гдѣ и молодымъ людямъ подчасъ не подъ силу бывало бороться съ трудностями мѣстныхъ условій. Григорьевъ прежде служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и потомъ былъ назначенъ Костромскимъ губернаторомъ. Графъ Л. А. Перовскій его очень любилъ и, нечего грѣха таить, ему хотѣлось, во что бы то ни стало, возстановить репутацію Григорьева, пострадавшаго, по его убѣжденію, невинно отъ костромской катастрофы, ему хотѣлось, чтобы Григорьевъ былъ опять губернаторомъ. Въ бытность Н. Н. Муравьева въ Петербургѣ состоялось между нимъ и Перовскимъ соглашеніе, вслѣдствіе чего Муравьевъ, послѣ утвержденія новаго положенія объ управленіи Якутскою и Забайкальскою областями, вошелъ съ представленіемъ о назначеніи К. Н. Григорьева Якутскимъ губернаторомъ. Государь уважилъ ходатайство генераль-губернатора. Муравьевъ, угождая въ этомъ случаѣ Перовскому, рассчитывалъ, что онъ обставитъ старика, хотя не энергичнаго, но опытнаго, молодыми силами и что дѣло отъ этого не пострадаетъ. Такъ и было. Мнѣ съ помощью Н. Д. Свербеева, А. А. Гана, И. Г. Яковенко и др. пришлось открыть походъ противъ стараго порядка и дать новое направленіе движенію дѣлъ. К. Н. Григорьевъ пріѣхалъ въ Якутскъ на уготовленную почву 9-го апрѣля 1852 г. по послѣднему саянскому пути. Добродушный старикъ, до изнеможенія утомленный продолжительнымъ путешествіемъ, не обвиняясь сознавался въ своемъ физическомъ безсиліи для управленія Якутскою областью, чистосердечно высказывалъ, что онъ тамъ останется только для того, чтобы не возвратитъ полученныхъ имъ въ Петербургѣ подъемныхъ и двойныхъ прогонныхъ денегъ, и просилъ не подвести его. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ серьезно захворалъ и сдалъ мнѣ опять управленіе областью, предваривъ меня, что онъ и не поѣдетъ для обозрѣнія области, а

попросить меня это исполнить. Независимо отъ общаго мѣстнаго управленія, особенное наше вниманіе, по указанію Муравьева, было обращено на восточную окраину Якутской области, на портъ Аянъ, пути и способы сообщенія съ этимъ портомъ, на возможность наиболѣе быстрого и удобнаго доставленія туда продовольственныхъ и другихъ запасовъ, необходимыхъ для Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ и Петровскаго зножья на устьѣ Амура. Муравьевъ никакъ не надѣялся, а тѣмъ менѣе рассчитывалъ, — новый фактъ его предусмотрительнаго, подготовительнаго образа дѣйствія, — чтобы разрѣшеніе сплава по Амуру, не смотря на настоятельную необходимость, изложенную имъ въ письмѣ къ князю Меншикову отъ 28-го апрѣля, послѣдуетъ такъ скоро, что принимаемыя имъ мѣры для облегченія и ускоренія способовъ снабженія Камчатки и устьевъ Амура черезъ Якутскъ и Аянъ окажутся въ непродолжительномъ времени исполненными. Послѣ упраздненія Охотскаго порта и перенесенія управленія морскими нашими силами, хотя и письма пока ничтожными, въ Петропавловскій портъ, факторіи Сѣверо-Американской Компаніи въ Аянѣ получили важное значеніе связующаго звена между дѣятельными на материкѣ и дѣятельными въ Камчаткѣ и на устьяхъ Амура. Въ виду упраздненія Охотскаго порта было разрѣшено устройство Якутско-Алискаго почтоваго тракта и для этого заселеніе по берегу р. Маи и на пространствахъ отъ урочища Нелькана до порта Аяна 28 мѣстъ, назначаемыхъ для почтовыхъ станцій, съ вызовомъ желающихъ поселиться въ этихъ мѣстахъ изъ крестьянъ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Въ теченіе лѣта 1851 года ¹⁾ М. С. Корсаковъ выбралъ мѣста для этихъ поселеній, а къ маю 1852 г. были собраны на Качугской пристани у верховьевъ Лены 100 семействъ, преимущественно изъ старообрядцевъ забайкальскихъ, для сплава по рр. Ленѣ и Алдану къ Усть-Майской пристани, откуда должно было начаться заселеніе на 26 прибрежныхъ станціяхъ и даже на 2 станціяхъ отъ Нелькана

¹⁾ См. стр. 112.

до Аяна. Всѣмъ этимъ гонимымъ сплавомъ 100 семействъ, составлявшихъ болѣе 600 душъ обоего пола, со всѣмъ ихъ домашнимъ и полевымъ скарбомъ, съ годовымъ запасомъ муки, крупы и верна для перваго засѣва полей, въ сопровожденіи отъ Якутска до мѣстъ поселеній коннаго и рога-таго скота, назначеннаго для всѣхъ этихъ переселенцевъ, завѣдывалъ адъютантъ генераль-губернатора, сынъ забай-кальскаго военнаго губернатора, капитанъ А. П. Запольскій, совершенно самостоятельно, на основаніи инструкціи, дан-ной ему, разумѣется, только въ общихъ чертахъ, и при со-дѣйствіи мѣстныхъ земскихъ чиновъ. Всѣ подготовитель-ныя распоряженія по этому заселенію въ предѣлахъ Якут-ской области были возложены на личную мою отвѣтствен-ность. Огромную помощь оказали намъ въ этомъ дѣлѣ сво-ими совѣтами опытности старикъ, ссыльно-поселенецъ Усть-Майской пристани, Сорокинъ. Въ виду предстоявшаго заселенія Якутско-Аянскаго тракта и предположенія на первыхъ порахъ устроить зимнее сообщеніе съ Петров-скимъ зимовьемъ черезъ Аля, Нельканъ и Удской острогъ, поселенія первыхъ пришельцевъ нѣ Сибпръ на берегу р. Уды, недалеко отъ бухты Охотскаго моря, про-тивъ которой лежитъ группа Шантарскихъ острововъ, я считалъ необходимымъ командировать въ этотъ дикій край, обитаемый только бродячими тунгусами, состоявшаго тогда при мнѣ, по званію управляющаго Якутскою областью, чиновника особыхъ порученій Н. Д. Свербеева. Воспользо-вался я этою командировкою Свербеева, чтобы ему поручить по возможности подробное изслѣдованіе дѣйствій нѣкото-рыхъ якутскихъ купцовъ въ мѣстахъ кочевья тунгусовъ на Учурской ярмаркѣ и по улусамъ якутовъ, хотя и поголовно считавшихся христіанами, но, по отсутствію православнаго духовенства, погруженныхъ въ глубочайшее невѣжество и пре-данныхъ самому грубому шаманству. Вместе съ Свербеевымъ мы выработали для него подробную инструкцію дѣйствія, ко-торую представили на одобреніе преосвященнаго Иннокентія, отлично изучившаго бытъ сѣверныхъ инородцевъ и знако-маго съ условіями жизни въ тунгусскихъ тундрахъ. После

великаго праздника Св. Пасхи Сербеевъ, при напутственномъ благословеніи святителя, отправился въ трудный походъ по пустыннымъ дебрямъ юго-восточной части Якутской области, откуда и вывезъ въ высшей степени интересныя и важныя свѣдѣнія, послужившія основаніемъ многихъ знаменательныхъ распоряженій по управленію краемъ и положившія начало тому, можно сказать, дружественному сближенію, котораго удостоивалъ преосвященный Иннокентій молодого по времени и годамъ сибирскаго дѣятеля, в томъ довѣрію, съ которымъ Муравьевъ относился впоследствии къ его службѣ.

Въ это время случилось въ Иркутскѣ происшествіе, съ послѣдствіями котораго бороться было Муравьеву крайне непріятно и тяжело. Позволю себѣ и теперь еще выразить сожалѣніе, что тогда не было въ Иркутскѣ ни Корсакова, ни меня: удалось ли бы или вѣтъ, но мы приложили бы все усилія, чтобы отклонить Муравьева отъ поступка, въ который его втравили силою прорсковъ мелкаго самолюбія, воспользовавшагося во зло горячностью и завальчивостью его характера. Благоразуміе и чувство собственнаго достоинства прямо указывали, что слѣдуетъ встать выше того моментально неблагопріятнаго положенія, въ которое, казалось, были поставлены клеветой все служившіе въ Сибирь по вызову Муравьева съ благородною цѣлью, имъ указанною. То была, такъ называемая, „громкая исторія Завядоровская“. Отставной губернской секретарь Ф. П. Завядоровъ, служившій въ восточной Сибири горнымъ отводчикомъ и уволенный отъ этой должности по распоряженію бывшаго министра финансовъ графа Калкина, составилъ себѣ на службѣ довольно значительный капиталъ и женился на племянницѣ извѣстнаго своимъ богатствомъ въ Сибири золотопромышленника Е. А. Кузнецова. Въ то же время отецъ Завядорова, нижній горный слугитель Петровскаго желѣзодѣлательнаго завода, проживалъ и умеръ тамъ въ нищетѣ, безъ помощи отъ состоятельнаго своего сына даже для его погребенія. Е. А. Кузнецовъ съ прибытіемъ въ восточную Сибирь генералъ-губернатора Муравьева, сталъ дѣлать весь-

ма значительныя пожертвованія на пользу общественную и для церкви. Пожертвованія эти въ теченіе двухъ лѣтъ достигли цифры почти милліона рублей. Испугавшись этого общепользнаго образа дѣйствія своего дяди по женѣ, Занадворовъ воспользовался болѣзью, постигшею Кузнецова, въ маѣ 1850 года, вкрался къ больному въ довѣріе, сдѣлался полнымъ хозяиномъ у него въ домѣ и въ денежномъ сундукѣ, и старикъ уже болѣе не вставалъ. Никто не сомнѣвался, что Занадворовъ, какъ говорили въ Иркутскѣ, уходитъ дядю своими объ немъ попеченіями и обратитъ въ свою пользу всѣ валичныя его капиталы. Такъ и случилось: въ концѣ этого же года Кузнецовъ скончался, послѣ уже отъѣзда Муравьева въ Петербургъ, а Занадворовъ, оставшись душеприкащикомъ, представилъ къ раздѣлу самый незначительный, сравнительно, капиталъ. Мѣстная полиція, угождая новому богачу, не приняла надлежащихъ мѣръ къ охраненію имущества, а наследники, находившіеся на лицо подписались только въ томъ, что довольны раздѣломъ представленныхъ Занадворовымъ капиталовъ, а не въ томъ, что довольны всѣми его дѣйствіями. Этой подписки, впрочемъ, тогда и быть не могло, такъ какъ все имущество Кузнецова не было даже еще приведено въ извѣстность. По возвращеніи Муравьева изъ Петербурга въ Иркутскъ, въ августѣ 1851 года, онъ узналъ обо всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Занадворова и получилъ прошеніе одной изъ главнѣйшихъ наследницъ Кузнецова, Н. А. Булычевой, о неправильности ихъ, а молва народная обвиняла Занадворова не только въ расхищеніи капиталовъ покойнаго Кузнецова, но и въ преступности дѣйствій его надъ самимъ Кузнецовымъ во время болѣзни. Какъ главный начальникъ отдаленнаго края, гдѣ разнеслась молва о подобномъ преступленіи, Муравьевъ не счелъ возможнымъ оставить безъ дѣйствія власти, законами ему вѣренной, къ раскрытію истины и по важности этого дѣла поручилъ прозвести слѣдствіе совѣтнику главнаго управленія восточной Сибири Молчанову потому именно, что онъ, какъ воспитанникъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, былъ болѣе подготовленъ и способенъ къ слѣдственнымъ и суднымъ дѣ-

ламъ, а также потому, что по недавнему вступленію своему на службу въ посточную Сибирь онъ. Молчановъ, какъ писалъ о немъ Муравьевъ, не имѣлъ времени войти тамъ въ связи ни съ золотопромышленниками, ни съ купечествомъ и не вошелъ, какъ другіе, съ ними въ родство и никогда не оказывалъ того поклоненія богатству, которое, къ сожалѣнію, составляло тамъ отличительную черту не только чиновниковъ, но и присутствующихъ мѣстъ. По тѣмъ же причинамъ Муравьевъ приказалъ и самое слѣдственное дѣло рассмотреть въ 5-мъ отдѣленіи главнаго управленія, которымъ завѣдывалъ Молчановъ. Произведенное Молчановымъ слѣдствіе раскрыло преступныя дѣянія Занадворова, какъ душеприкащика покойнаго Кузнецова, но преступленіе оставалось тогда безнаказаннымъ потому, что законъ предписываетъ, что прежде должно окончиться гражданскому дѣлу, а потомъ начаться уголовному! Между тѣмъ Занадворовъ, сдѣлавшись обладателемъ большихъ богатствъ, пренебрегая законами и всякимъ страхомъ власти, сдѣлалъ новое преступленіе: выжегъ лѣса въ Олекминскомъ округѣ Якутской области на огромномъ пространствѣ, гдѣ пролегла дорога къ его золотоносному приску. Занадворовъ самъ даже не скрывалъ этого преступленія и когда ему напомнили о строгости генераль-губернатора къ подобнымъ дѣяніямъ, то онъ съ насмѣшкою говаривалъ, что онъ *умоляетъ генераль-губернатора въ своемъ золотѣ*. Жалоба кочующихъ тунгусовъ тѣхъ мѣстъ, которые черезъ лѣсной пожаръ этотъ лишились своего звѣринаго промысла и средствъ къ уплатѣ ясака (податей, уплачиваемыхъ кочевыми племенами сѣверной Сибири) была передана чиновнику особыхъ порученій А. И. Бабкину для изслѣдованія. Занадворовъ былъ вызванъ слѣдователемъ къ мѣсту пожара, но не явился и сталъ упорствовать подъ предлогомъ болѣзни. По медицинскому освидѣтельствованію оказалось, что Занадворовъ совершенно здоровъ, между тѣмъ продолжалъ безнаказанно упорствовать, говоря весьма гласно, что онъ дастъ Молчанову 20 тыс. руб., чтобы избавился отъ поѣздки къ мѣсту слѣдствія. Вмѣсто того чтобы относиться къ этой клеветѣ съ

пренебреженіемъ съ высоты положенія, занимаемаго приближенными къ нему чиновниками, Муравьевъ, подстрекаемый мелкимъ самолюбіемъ лицъ, считавшихъ себя оскорбленными этими сплетнями, вызвавъ къ себѣ въ квартиру Занадворова, спросилъ его, въ присутствіи членовъ совѣта главнаго управленія, далъ ли онъ дѣйствительно Молчанову 20 тыс. руб. и чѣмъ онъ можетъ это доказать. Получивъ отъ Занадворова утвердительный, но бездоказательный отвѣтъ съ обязательствомъ уличить Молчанова на очной ставкѣ, Муравьевъ, опять таки самъ лично, далъ Молчанову съ Занадворовымъ очную ставку, на которой Занадворовъ не только не уличилъ Молчанова, но еще болѣе убѣдилъ Муравьева и всѣхъ присутствующихъ въ ложности возведенной на Молчанова клеветы, которую Муравьевъ называлъ ложнымъ доносомъ, послѣ чего онъ отправилъ Занадворова въ тюремный замокъ, какъ совершившаго преступленіе, наказуемое лишеніемъ правъ состоянія. На дѣйствіе генералъ-губернатора Занадворовъ принесъ жалобу Правительствующему Сенату, который затребовалъ отъ Муравьева объясненіе въ установленномъ порядкѣ, предписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ освободить Занадворова изъ тюремнаго заключенія. Муравьевъ рѣшился на основаніи извѣстнаго закона не исполнить указа, о чемъ донесъ Сенату и въ то же время все дѣло всеподаннѣйше представилъ на благоусмотрѣніе Государя Императора, высказывая убѣжденіе, что если преступленіе Занадворова останется безнаказаннымъ, то всѣ власти, не исключая и генералъ-губернаторской, должны будутъ уступить силѣ богатства, стремленію его господствовать въ краѣ, и пятилѣтній трудъ его къ искорененію этого зла останется безплоднымъ, а бѣдные люди и сословія не найдутъ себѣ болѣе защитниковъ. Его Величество Высочайше повелѣлъ соизволивъ оставить Занадворова подъ арестомъ впредь до окончанія надъ нимъ суда. Хотя личное участіе Муравьева въ этомъ уголовно-судебномъ дѣлѣ и принятая имъ мѣра строгости, въ глазахъ благонамѣренныхъ людей, и оправдывались цѣлью, къ которой онъ стремился, и съ этой точки зрѣнія покрывались Высочайшею поленою, тѣмъ

не менѣе они усугубили еще въ столицѣ въ средѣ высшихъ правительственныхъ дѣятелей то нерасположеніе къ нему, съ которымъ ему и безъ того приходилось бороться въ дѣлахъ первостепенной государственной важности. Дѣлу этому прошло теперь безъ малаго полвѣка, окончательная развязка его принадлежитъ позднѣйшему времени. Какъ тогда, такъ и теперь, я скажу, что, независимо отъ того, что Молчановъ считался въ средѣ нашей человѣкомъ честнымъ, я твердо убѣжденъ, что онъ 20 тыс. отъ Занадворова не взялъ по одному тому только, что онъ былъ человѣкъ слишкомъ умный, практичный и расчестливый, чтобы дозволить себѣ поступокъ, о которомъ Муравьевъ и мысли не допускалъ въ комъ-либо изъ своихъ приближенныхъ, и этимъ навсегда испортилъ бы себѣ свою служебную карьеру вообще и въ особенности въ Сибири, съ которою онъ былъ неразрывно связанъ по своей женитьбѣ. Прощеніе декабристовъ и возвращеніе имъ правъ состоянія тогда далеко еще не предвидѣлось. Но грѣхъ непростительный тѣмъ, которые побудили Муравьева, пользуясь его горячностью, ударить, такъ сказать, въ большой колоколъ и дать этому по истинѣ обыкновенному дѣлу—клеветѣ во взяточничествѣ—такое громкое значеніе. Повторяю, въ сознаніи своей правоты и чистоты, нужно было стоять выше этой плоскости; презрѣніе было единственнымъ своевременнымъ, умѣстнымъ и достойнымъ отвѣтъ на дерзкія слова! Съ моимъ взглядомъ на этотъ вопросъ вполне согласился убѣленный съдинами, опытный преосвященный Камчатскій, Иннокентій, который съ необыкновенною привѣтливостью, скажу сердечною, относился ко мнѣ и къ новымъ молодымъ сослуживцамъ, въ особенности къ Н. Д. Свербееву и даже не затруднялся привлечь насъ, не смотря на нашу молодость, къ совѣщаніямъ по дѣламъ устраниваемой имъ новой Якутской епархіи. Двухвѣковой опытъ показалъ, что якуты, не смотря на то, что въ самыхъ ихъ улусныхъ управленіяхъ дѣла производятся на русскомъ языкѣ, никогда не перемѣняютъ своего природнаго языка на русскій, какъ это сдѣлали камчадалы и юкагирь. Въ Якутской области не прихожане приходятъ къ священникамъ, а священники для отправле-

нія требъ и богослуженія выѣзжали въ болѣе или менѣе центральныя мѣста жилищъ якутовъ, которыхъ нельзя не причислить къ кочевымъ народамъ. Имѣя пропитаніе преимущественно отъ скотоводства, якуты не могутъ жить селеніями, они живутъ тамъ, гдѣ находятъ кормъ для скота и догола, пока есть кормъ и отъ того все безъ изъятія имѣютъ особыя юрты для лѣта и для зима, для весны и для осени. Дѣйствія священниковъ ограничивались исправленіемъ однихъ только необходимѣйшихъ требъ, т. е. крещеніемъ новорожденныхъ, вѣчаніемъ браковъ и исповѣдью. Многие изъ якутовъ не пріобщались св. таинъ во всю свою жизнь. Менѣе 10-ой части изъ исповѣдовавшихся пріобщались св. таинъ, а исповѣдовались менѣе половины всего населенія и то какимъ образомъ? Священники по просьбѣ одного изъ членовъ семейства, являшагося къ нимъ для исповѣди, записывали бывшими у исповѣди всѣхъ остальныхъ членовъ не явившихся, или многие изъ бѣдныхъ прихожанъ, не имѣя возможности придти къ священнику сами лично для исповѣди, посылали деньги съ попутнымъ и ихъ записывали бывшими у исповѣди. Не рѣдко случалось, что при отобраніи какихъ-либо показавшій отъ якутовъ на судѣ или у стѣдователя получались отвѣты: „у исповѣди не бывалъ, а деньги каждый годъ плачу исправно“. Якуты до 1853 г. не имѣли на своемъ языкѣ не только книгъ, но и грамоты, самая служба церковная и обряды таинства совершались на славянскомъ языкѣ, непонятномъ не только для якутовъ, но и для многихъ русскихъ, явѣхавшихъ въ якутскіе улусы. „Можно ли удивляться, писалъ преосвященный Иннокентій, слыша объ якутахъ неблагопріятныя отзывы, напримѣръ, что они не ходятъ въ церковь, не усердны къ вѣрѣ, склонны къ обманамъ и ябедамъ и проч., какъ это замѣчали и замѣчаютъ все сколько-нибудь имѣвшіе дѣло съ якутами. Напротивъ того надобно удивляться и благодарить Бога, что они еще не хуже того, чѣмъ они теперь, особливо если принять въ разсужденіе то, какъ многие изъ нихъ были обращены въ христіанство и какъ они назидались и назидаются нынѣ. Многие изъ якутовъ не только не слышали

„огь священниковъ ни слова душеспасительнаго, но даже и не видали ихъ въ глаза, а тѣмъ менѣе въ священной одеждѣ“. Въ виду всего этого преосвященный Иннокентій считалъ прежде всего необходимымъ безотлагательно приступить къ переводу на якутскій языкъ нѣсколькихъ книгъ Св. Писанія, главныхъ частей богослужебныхъ книгъ и требника и составить нѣсколько поученій на якутскомъ языкѣ, за спмъ дозволить совершать все церковныя службы на якутскомъ языкѣ, увеличить число священниковъ до 83 вмѣсто прежнихъ 56, пзъ коихъ было 16 вакансій, и для пополненія причетническихъ мѣстъ распространить на Якутскую область положеніе, существовавшее въ Америкѣ и Камчаткѣ, принимать въ духовное званіе пзъ туземцевъ и изъ податнаго состоянія безъ особаго о томъ представленія высшему правительству, а по одному только сношенію епархіальнаго начальства съ якутскимъ гражданскимъ губернаторомъ и дозволеніе это въ случаѣ надобности или отличныхъ способностей желающаго, распространить и на дѣтей чиновниковъ и казаковъ. Избраніе такихъ лицъ въ причетники считалось весьма полезнымъ въ томъ отношеніи, что они, какъ природные жители Якутской области, знали хорошо якутскій языкъ, а это, при предположеніи отправлять службы на якутскомъ языкѣ, было особенно важно, когда священники прѣжкіе не знали еще этого языка. Руководствуясь вышеизложенными свѣдѣніями и предположеніями своими, просвѣтитель сѣверо-востока Азіи и дикихъ обитателей нашихъ сѣверо-американскихъ колоній, немедленно по прибытіи въ Якутскъ принялся за составленіе „Записки о разныхъ предметахъ, касающихся церкви и причтовъ по Якутской области“. Записку эту онъ прочитывалъ частими мнѣ и Свербееву и, окончивъ ее 20-го мая, передалъ ее мнѣ, какъ управляющему областью, а я при письмѣ отъ 5-го іюня представилъ ее генералъ-губернатору. Была ли эта записка представлена преосвященнымъ Иннокентіемъ непосредственно въ св. Синодъ, мнѣ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ: перенесеніе епископской кафедры изъ Ситхи въ Якутскъ состоялось до

полученія этой записки въ Петербургѣ вслѣдствіе настоячиваго ходатайства объ этомъ Муравьева, сознававшего важность перенесенія архипастырской дѣятельности съ дальнихъ острововъ Алеутскихъ и Курильскихъ на материкъ въ ближайшее по возможности сосѣдство къ Амурскому побережью, пріобрѣтеніе котораго, по его убѣжденію, должно было быть непременно сопровождаемо христіанскою проповѣдью. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи было достигнуто преосвященнымъ Иннокентіемъ на Алеутскихъ островахъ: алеуты, число копъ простирается лишь до 2.500 душъ обою пола, т. е. сотая часть всѣхъ якутовъ, имѣли тогда уже, благодаря трудамъ владыки, на своемъ родномъ языкѣ слово Божіе писанное, въ ихъ церквахъ и молитвенныхъ домахъ чтеніе и пѣніе происходило на ихъ языкѣ, поученія имъ предлагались на ихъ же родномъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ алеуты участвовали въ церковномъ пѣніи поголовно. Лишь только алеуты увидѣли книги на своемъ языкѣ, въ нихъ возбудилось такое желаніе научиться читать эти книги, что не только взрослые мужчины и женщины стали учиться тому другъ у друга, но даже и сѣдые старики. Трудъ перевода на якутскій языкъ, на первыхъ порахъ только книги Битія, Псалтыря и Новаго Завѣта, предполагалось раздѣлить между всѣми священнослужителями, знавшими якутскій языкъ, и съ удовольствіемъ принималось предложеніе частныхъ лицъ участвовать въ этомъ трудѣ. О томъ, какъ это великое и многотрудное дѣло, начатое при мнѣ въ 1852 году, быстро подвинулось къ осуществленію, рассказывалъ мнѣ въ 1854 году Ив. А. Гончаровъ, возвращавшійся тогда съ фрегата „Паллады“ черезъ Аянъ, Якутскъ и Иркутскъ въ С.-Петербургъ и останавливавшійся въ Иркутскѣ вмѣстѣ съ Нпк. Дмитриевичемъ Свербеевымъ, съ которымъ я былъ связанъ сердечною дружбою со времени нашего сослуженія въ Якутскѣ. Переводъ вчергѣ тогда уже былъ конченъ. Комитетъ, назначенный для провѣрки переводовъ по распоряженію преосвященнаго Иннокентія, собирался въ келіи владыки. Якутскій языкъ сличался съ текстами гре-

чешскимъ, славянскимъ и русскимъ, каждое слово и выражение строго взвѣшивалось и повѣрялось всѣми членами комитета. Отецъ Дмитрій Хитровъ, нынѣшній, какъ я уже говорилъ, архіепископъ уфимскій и мензелинскій, занимался составленіемъ грамматики якутскаго языка. Окончивъ, 20-го мая свою объемистую записку о якутскихъ церквахъ и причтахъ съ приложеніемъ проекта новыхъ штатовъ духовенства по Якутской области, преосвященный Иннокентій выѣхалъ 29-го мая изъ Якутска въ Алянъ, въ ожиданіи прихода туда изъ Америки компанейскаго судна, на которомъ онъ предполагалъ отправиться въ Ситху. Въ Алянѣ я надѣялся еще разъ свидѣться съ преосвященнымъ въ предѣлахъ управляемой мною тогда Якутской области, обзоръ которой я долженъ былъ предпринять за болѣзнь и слабостью губернатора Григорьева. Кроме болѣзни Константина Никифоровича меня задержалъ въ Якутскѣ необходимыя распоряженія о дальнѣйшемъ слѣдованіи по рр. Алдану и Маѣ приплывшаго съ Качугской пристани каравана переселенцевъ на Аянскій трактъ, изображавшаго громадное плавающее село, на 20 павозкахъ, въ порядкѣ заномерованныхъ. Лена была въ полномъ разливѣ, караванъ причалить къ правому коренному берегу рѣки, на сторонѣ, противоположной областному городу Якутску, расположенному живописно на лѣвомъ берегу. Противъ Якутска Лена по время половодія ширеетъ семь верстъ ширины; мнѣ приходилось ежедневно туда переправляться для совѣщаній съ А. П. Запольскимъ, который не рѣшался отлучаться отъ своего каравана изъ опасенія какихъ-либо безпорядковъ или смятенія и гибели даже, если караванъ, въ случаѣ бури на рѣкѣ, будетъ безъ надзора и охранительными мѣрами не будетъ руководить его спокойный и въ то же время энергичный умъ. Трудно себѣ представить, чтобы возможно было сдѣлать болѣе удачный выборъ для исполненія порученія о сопровожденіи переселенцевъ на Аянскій трактъ, чѣмъ выборъ Запольскаго. Ровность его обращенія, его отзывчивость, послѣдовательность и твердость въ распоряженіяхъ и неутомимая бдительность снискали ему всеобщее довѣріе

всѣхъ дѣлъ исключенія членовъ плавучаго села, сдѣлала то, что всѣ работали какъ одинъ, всѣ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ переносили немощныя трудности этого пути.

Бывали и комичныя сцены: каждымъ отдѣльнымъ павозкомъ завѣдывалъ староста; утромъ послѣ ночнаго привала, всѣ старосты поочереду являлись къ Заполюскому съ устными рапортами, или что все обстоитъ благополучно или что то или другое случилось, или наконецъ, что необходимо сдѣлать такое-то распоряженіе или дать такое-то разрѣшеніе.

— Иныче ночью на нашемъ номерѣ случилось воровство: „дѣвку украли“.

Запольскій вскакиваетъ: какъ, что, какимъ образомъ это могло случиться, дать знать засѣдателю, послать въ погоню, придется задержать весь караванъ! Староста смѣется: „Напрасно беспокоитесь, ваше высокоблагородіе, это по-нашему значить, парку дѣвка приглянулась, она ее за ночь и украсть съ нашего номера, значить, уходомъ въ замужество взять, по нашему порядку старообрядческому“.

Отъ устья Алдана, впадающаго въ Лену, пришлось идти болѣе 1.000 верстъ вверхъ противъ теченія рр. Алдана и Май гягою на бичевѣ по берегу, по которому со времени завоеванія Сибири казаками, пешими въ легкихъ лодкахъ, никто никогда не бывалъ; о бичевникѣ и мысли не могло быть, подвигались болѣею частью такъ, что впередъ идетъ партія людей съ топорами, чтобы очистить берегъ отъ деревьевъ и валежника, препятствовавшихъ тягѣ бичевой, въ пныхъ мѣстахъ приходилось по цѣлымъ днямъ бродить по поясу въ водѣ съ дымкою на плечахъ. Кто не цѣпталъ этихъ трудностей, тотъ, смѣло скажу, и не можетъ себѣ ихъ отдаленно представить. Все это продолжалось, не считая плаванія по Ленѣ внизъ по теченію, болѣе двухъ мѣсяцевъ. Выступивъ изъ Якутства въ половинѣ іюня, послѣдніе переселенцы пришли къ урочищу Нельканъ въ концѣ августа. Это передвиженіе переселенческаго каравана и прибытіе его, не являя на затрудненій, съ которыми приходилось бороться, къ урочищу Нельканъ недѣли за двѣ до замороз-

ковъ, впервые фактически доказало возможность доставленія по рр. Алдану и Маѣ грузовъ на судахъ большаго размѣра; оставалось только устроить, по правиламъ судоходства, хорошій бичевникъ или же пароходное сообщеніе. А дальше какъ? Необходимо же устроить удобное хотя колесное сухопутное сообщеніе отъ Нелькана до Аяна, чему, повидимому, представлялъ непреодолимыя препятствія хребетъ Джукджуръ, который тянется съ сѣверо-востока на югозападъ вдоль Охотскаго моря на разстояніи 130 верстъ отъ берега, поворачивая южнѣе порта Аянъ почти подъ прямымъ угломъ на западъ.

Хотя еще въ 1849 году поручикъ Вагаковъ, по распоряженію генераль-губернатора, и сдѣлалъ главомѣрную съемку сухопутнаго сообщенія порта Аянъ съ урочищемъ Нельканомъ, но вопросъ о возможности обхода крутивны перепала черезъ Джукджуръ оставался неразрѣшеннымъ, потому что энергичный устроитель Аянскаго порта и удобнаго сообщенія его съ судоходными рѣками Якутской области капитанъ В. С. Завойко былъ назначенъ въ 1850 году Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ, а главный его сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ, практичный и рѣдко дѣятельный прикащикъ російско-американской компаніи, мѣщанинъ Березинъ былъ съ 1850 же года откомандированъ въ распоряженіе капитана Невельскаго къ устьямъ Амура.

Отправляя меня въ Якутскъ и поручая мнѣ посвятить особое вниманіе устройству Аянскаго тракта, Муравьевъ указывалъ мнѣ на одно изъ главнѣйшихъ условій этого устройства, чтобы былъ найденъ обходъ Джукджурскаго перевала. Сдѣлавъ въ Якутскѣ всѣ зависящія отъ меня распоряженія для возможнаго облегченія капитану Запольскому слѣдованія съ переселенческимъ караваномъ по рр. Алдану и Маѣ, я отправился 6-го іюля для обзрѣнія колеснаго почтоваго пути, устраиваемаго отъ Якутска до станицы Усть-Маѣ, оттуда вверхъ по Маѣ до Нелькана и наконецъ отъ Нелькана въ Аянъ.

Какъ въ самомъ Якутскѣ, такъ и во время путешествія и въ Аянѣ, я разспрашивалъ, кого только могъ, о

возможности обхода Джукджура. Все тщетно, все напрасно. Грозною, заколдованною стѣною казался мнѣ Джукджуръ, когда я спускался съ него. Я уже отчаявался, что мнѣ не удастся исполнить этого важнаго порученія Муравьева, когда въ Алну совершенно случайно прикочевалъ тунгусъ Игнатій Карамзинъ. Сопровождавшій меня урядникъ якутскаго казачьяго полка Хандаковъ, знавшій, какъ я былъ озабоченъ разрѣшеніемъ этого вопроса, потому что онъ служилъ мнѣ переводчикомъ при разспросахъ, съ которыми я обращался къ мѣстнымъ жителямъ, привелъ этого тунгуса въ мою палатку и тутъ представилось мнѣ замѣчательное явленіе: безграмотный кочующій тунгусъ, не имѣвшій никогда въ рукахъ карандаша, легъ у меня на коверъ, оперся на локоть лѣвой руки, а правой начертилъ мнѣ систему рѣкъ, впадающихъ съ одной стороны Джукджура въ Охотское море, а съ другой въ рѣку Маю и увѣрялъ меня, что между истоками рѣкъ Нимчаганъ и Берендя такой отлогій подъемъ на Джукджуръ, что даже незамѣтно какъ дойдешь до вершины. Читатель можетъ себѣ представить мою радость при этомъ открытіи, я обнялъ и расцѣловалъ тунгуса.

Само собою разумѣется, что я убѣдилъ Карамзина провести меня по этому пути обратно изъ Ална къ Нелькану, что онъ и взялся сдѣлать за обѣщанное мною ему вознагражденіе. Подробное описаніе этого пути начертано въ моемъ дневникѣ за августъ 1852 г., оно представляетъ возможность удобнѣйшаго тѣлѣжнаго пути черезъ Джукджуръ безъ затрудненій и опасностей. Не осуществилось проложеніе этого пути потому, что, ко всеобщей радости, въ 1854 году началось плаваніе по Амуру и такимъ образомъ открылось для восточной Сибири сообщеніе съ Тихимъ океаномъ, минуя Якутскъ и Аянъ, и въ трактѣ Якутско-Аянскомъ надобности насущной не представлялось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что и теперь еще устройство этого пути дало бы значительный толчекъ сельско-козяйственному и промышленному развитію 200 тысячнаго населенія Якут-

порта Кашеваровымъ и трудившимся съ величайшимъ самоотверженіемъ на устьяхъ Амура капитаномъ Невельскимъ, фактомъ, доказывающимъ, до какой степени личное, жалкое самолюбіе иногда ослѣпляетъ лучшихъ дѣятелей во вредъ важному государственному дѣлу. Несмотря на то, что генералъ-губернаторъ предписалъ начальнику Аянскаго порта и Камчатскому губернатору, во-первыхъ, усердно содѣйствовать экспедиціи Невельскаго, который долженъ былъ распоряжаться совершенно самостоятельно всѣми лицами и средствами, состоявшими въ его вѣдѣніи, и, во-вторыхъ, приказать всѣмъ казеннымъ и компанейскимъ судамъ, слѣдующимъ изъ Аяна въ Петропавловскъ и Ситху, заходить въ Петровское зимовье, — главное правленіе Компаніи поручило начальнику Аянскаго порта смотрѣть на экспедицію Невельскаго какъ на торговую экспедицію аянской факторіи и предписало ему, Кашеварову, дать необходимыя инструкціи лицамъ, находившимся въ непосредственномъ распоряженіи Невельскаго, а съ запасами для Петровскаго зимовья ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не посылать туда компанейскихъ судовъ. Это распоряженіе, не говоря уже о томъ, что оно не соответствовало важности государственнаго дѣла, порученнаго Невельскому и къ тому же было оскорбительно для него и всѣхъ служившихъ въ экспедиціи, прямо таки угрожало голодною смертію всѣмъ безъ исключенія, находившимся въ Амурской экспедиціи. Къ счастью, 18 іюля пришелъ на Петровскій рейдъ корветъ „Оливуца“ подъ командою замѣчательно разсудительнаго лейтенанта Лихачева, но съ предписаніемъ отъ Камчатскаго губернатора болѣе не заходить никуда и быть обратно въ Петропавловскъ никакъ не позже 1 августа. Лихачевъ однако послушался Невельскаго и вернулся въ Аянъ. Кашеваровъ, по неприбытію еще въ Аянъ компанейскаго судна, сначала не хотѣлъ было ничего отпустить изъ имѣвшихся въ Аянскихъ магазинахъ запасовъ для Петровскаго зимовья. Лихачевъ обратился тогда къ моему посредничеству, объяснивъ мнѣ дѣйствительно ужасающее положеніе Амурской экспедиціи, если требованіе Невельскаго не будетъ испол-

нено. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ убѣдить Кашеварова погрузить на бортевъ „Оливуца“ изъ запасовъ Аянскихъ если не все, то часть того, что требовалъ Невельской, при этомъ для убѣжденія Кашеварова я обязался, если на имѣющемъ прибыть въ Аянъ компанейскомъ судѣ не будетъ доставлено ему то, что онъ отпустилъ для Петровскаго зимовья, пополнить все какимъ бы ни было способомъ изъ Якутска. Хотя Невельской и былъ отчасти удовлетворенъ, тѣмъ не менѣе онъ счелъ необходимымъ командировать мичмана Н. М. Чихачева черезъ Аянъ и Якутскъ въ Иркутскъ къ генераль-губернатору для личнаго доклада о затруднительномъ положеніи, въ которое была поставлена и еще находилась Амурская экспедиція. Въ Аянѣ я познакомился тогда съ Н. М. Чихачевымъ и отправился вслѣдъ за нимъ обратно въ Якутскъ черезъ Джукджуръ путемъ, указаннымъ мнѣ тунгусомъ Карамзиннымъ. По приѣздѣ въ Якутскъ, я получилъ тамъ распоряженіе генераль-губернатора немедленно вернуться въ Иркутскъ, отдавъ, разумѣется, губернатору надлежащій отчетъ о моемъ обзорѣни юго-восточной части Якутской области и въ особенности новыхъ поселеній по Маѣ. Возвратился я въ Иркутскъ 1 октября.

Для полноты моихъ воспоминаній я долженъ рассказать, что въ ноябрѣ того года я нашелъ себѣ неизмѣнно вѣрную спутницу жизни въ дочери начальницы Иркутскаго сиропитательнаго дома, баронессы Розенъ, и съ этихъ поръ уже начинается моя болѣе осѣдлая, семейная жизнь со всѣми ея радостями и превратностями. Благодареніе Богу, я счастливъ въ своей семейной жизни, испытавъ по службѣ величайшія превратности, благодаря той горькой истинѣ, что на землѣ нѣтъ болѣе сильнаго рычага—какъ зависть и болѣе мощнаго двигателя—какъ деньги, а твердость убѣжденій предосудительна...

Въ отвѣтъ на свое представленіе князю А. С. Меншикову о необходимости занять заливъ де-Кастри, учредить постъ на озерѣ Кизи и снарядить осенью же 1852 года сплавъ по Амуру для укомплектованія нашихъ морскихъ сплѣ на устьяхъ Амура, Муравьевъ получилъ отъ него увѣдомленіе,

что Государь Императоръ, *вслѣдствіе объясненія камергера графа Нессельрода*, не утвердилъ занятіе селенія Кляи и залива де-Кастри и сплава по Амуру, а повелѣлъ еще повторить Муравьеву о необходимости крайней осторожности и неспѣшности въ этомъ дѣлѣ. Гр. Л. А. Перовскій, въ свою очередь письмомъ отъбсентября, сообщилъ Муравьеву, что Государь Императоръ повелѣлъ ему прибыть въ Петербургъ въ теченіе предстоящей зимы. Этимъ же письмомъ гр. Перовскій увѣдомляетъ Муравьева, что онъ, послѣ одиннадцатилѣтняго управленія министерствомъ внутр. дѣлъ, перемѣнилъ прежнія тяжкія занятія на новый кругъ обязанностей, менѣе обременительный, принявъ должность предсѣдателя департамента удѣловъ, выражая при этомъ, что онъ съ грустью разстается съ прежними сослуживцами, которыхъ онъ привыкъ любить и уважать. Понятно, какое потрясающее впечатлѣніе произвело это извѣстіе на Муравьева въ первый моментъ. Ему казалось, что онъ терялъ, съ выходомъ гр. Перовскаго изъ министерства внутреннхъ дѣлъ, одну изъ главныхъ опоръ для борьбы съ тѣми препятствіями, которыя ему ставили въ высшихъ сферахъ Петербурга, по дѣламъ восточно-сибирскимъ вообще, а амурскимъ въ особенности. Онъ и не ошибся. Желаніе Льва Алексѣевича посвятить дальнѣйшую свою дѣятельность менѣе обременительнымъ занятіямъ указывало на усталость его; онъ послѣ этого видимо сталъ уклоняться отъ всякихъ неприятныхъ столкновеній, которыхъ онъ раньше не страшился. Но Богъ, по безмѣрному своему милосердію, послалъ Муравьеву, какъ мы увидимъ впоследствии, не менѣе вѣрныхъ и усердныхъ поборниковъ истины, помогавшихъ ему провести задуманное имъ великое дѣло. Въ виду предстоявшаго Муравьеву отъѣзда на болѣе продолжительное время въ Петербургъ, онъ счелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ составѣ управленія Иркутскою губерніею. Предсѣдатель Иркутскаго губернскаго правленія А. М. Карпинскій, за вступленіемъ военнаго губернатора въ предсѣдательствованіе въ главномъ управленіи, не могъ уже болѣе, по старости, управлять Иркутскою губерніею съ тою энергіею, какъ это требовалось пылкою натурою Муравьева

и силою современныхъ обстоятельствъ. Поэтому онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку, а на мѣсто его я былъ назначенъ предсѣдателемъ губернскаго правленія и вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ управленіе Иркутскою губернію.

V.

858 годъ. — Приѣздъ Муравьева въ Петербургъ. — Его записка о тогдашнемъ политическомъ положеніи восточной Сибири и о необходимости тѣсной связи Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами. — Амурская экспедиція подъ начальствомъ Невельскаго переименовывается изъ торговой въ правительственную. — Высочайшія повелѣнія: о занятіи сѣверо-американскою компаніею острова Сахалина, и экспедиціею Невельскаго залива де-Квотри. — Поѣздка Муравьева для отдыха заграницу. — Остановка торговли на Кяхтѣ. — Торжественное свиданіе ургинскаго амбана Бейсе съ кяхтинскимъ градоначальникомъ Ребиндеромъ въ Маймчанѣ. — Заявленіе Муравьева министру финансовъ о необходимости слѣдовать кяхтинской торговѣ свободнымъ и доводы, подтверждающіе это заявленіе. — Петровский машиностроительный заводъ за Байкаломъ. — Отнесеніе расходовъ по нашимъ дѣйствіямъ на восточныхъ окраинахъ и въ Тихомъ океанѣ на сибирскія средства, изыскиваемыя Муравьевымъ. — 1854 годъ. — Высочайшее повелѣніе „плыть по Амуру“ и о предоставленіи Муравьеву права вести непосредственно переговоры съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи при-амурскаго края. — Приѣздъ Карсакова въ Иркутскъ. — Письмо митрополита московскаго Филарета къ Муравьеву. — Съѣздъ трехъ архіереевъ въ Иркутскъ. — Приѣздъ Муравьева въ Иркутскъ. — Первый сплавъ по Амуру. — Возвращеніе Муравьева съ устья Амура въ Иркутскъ. — Безпримѣрное его распоряженіе о снятіи Петропавловскаго порта.

Неутвержденіе Государемъ Императоромъ, *вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде*, предположенія Муравьева объ учрежденіи поста на озерѣ Кизп и о сплавѣ 250 челоп. по Амуру подъ командою капитана Казакевича, съ сопровождающимъ его подтвержденіемъ о необходимости соблюденія крайней осторожности и неспѣшности, при установленіи прочныхъ сношеній нашихъ съ племенами, обитающими около Амура, одновременно съ вызовомъ Николая Николаевича въ Петербургъ, указывало, что въ столицѣ чего-то опасались, не довѣряя взгляду на этотъ вопросъ мѣстнаго главнаго начальника. Это сильно

тревожило Муравьева, не для себя, а ради дѣла. Когда онъ въ январѣ 1853 года отправлялся въ Петербургъ, я проводилъ его до первой станціи, Зуевой, по Иркутско-Московскому тракту. Тутъ въ повозкѣ, со мною съ глазу на глазъ, онъ прямо высказался, что едва-ли вернется опять въ восточную Сибирь, потому что высшее правительство ему не довѣряетъ, а быть на своемъ мѣстѣ безмолвнымъ свидѣтелемъ того, что творится въ ущербъ государственному вопросу первостепенной важности, онъ не желаетъ и считаетъ преступнымъ. „Лучше уйти, другому, можетъ быть, повѣрять!“ съ этими словами онъ простился со мною. Невесело было мнѣ на душѣ при этихъ словахъ Муравьева. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ съ прїѣздомъ Муравьева въ Петербургъ. Онъ немедленно предпринялъ рѣшительный походъ противъ нашей политики по отношенію къ восточнымъ окраинамъ, наложивъ въ особой запискѣ свой взглядъ на тогдашнее политическое положеніе восточной Сибири, которая, гранича съ Китаемъ на пространствѣ 6 тыс. верстъ, посредствомъ Кяхтинской мѣнновой торговли находилась тогда въ ближайшихъ сношеніяхъ со столицею и самыми населенными странами этой имперіи и въ дружественныхъ отношеніяхъ съ монгольскимъ народонаселеніемъ, а по дѣлу гилъякскому входила въ такія же отношенія съ манджурами. Со времени вторженія англичанъ въ Китай, государство это, въ силу обстоятельствъ, невольно принимало и новые торговые виды, и новыя понятія вообще, а правительство китайское не могло не затрудняться и колебаться среди этого новаго направленія, которое застигло его неожиданно и къ которому оно не успѣло еще приспособиться. „Дѣйствія англичанъ во всѣхъ частяхъ свѣта—писалъ Муравьевъ—имѣютъ одну цѣль: пользу Великобританіи! а въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли она никогда не останавливается. Какимъ предлогомъ оправдывалась Англія въ войнѣ своей противъ Китая извѣстно, конечно, изъ дипломатическихъ ея нотъ, но для Россіи по восточной Сибири важны не предлоги, а существо дѣла и результаты этой войны, въ началѣ которой китайское правительство уже чув-

ствовало свою слабость и охотно бы приняло совѣты и помощь Россіи. Еслибы мы и нынѣ (т. е. въ 1853 г., когда Муравьевъ писалъ свою записку) остались неподвижными, какъ были прежде, или ограничались бы только отыскиваніемъ ближайшихъ западныхъ сообщеній съ Китаемъ и открытіемъ новыхъ таможенъ на западной съ ними границѣ, оставляя всю восточную на шести тысячахъ верстахъ и Сибирь тому же политическому направленію и порядку, которые существовали въ теченіе 150 лѣтъ, еслибы не обратились къ особымъ мѣрамъ въ Восточномъ океанѣ, то, конечно, результаты англійской войны въ Китаѣ и распространеніе морскихъ силъ ихъ въ тамошнихъ моряхъ могли бы имѣть безвозвратныя вредныя послѣдствія не только для торговли нашей съ Китаемъ, но и для самаго владычества нашего въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и навсегда прекратить всебудущіе тамъ виды Россіи, которая между тѣмъ, по давности обладанія сѣверными берегами Восточнаго океана, имѣетъ болѣе правъ и болѣе средствъ, чѣмъ всякая другая держава, господствовать по крайней мѣрѣ на Азіатской его сторонѣ. Россія въ послѣдніе 150 лѣтъ сдѣлала столь быстрые успѣхи на западныхъ своихъ границахъ, что только отдаленность восточныхъ ея оконечностей можетъ служить оправданіемъ неподвижности ея въ тѣхъ странахъ и моряхъ. но нельзя сказать, чтобы въ продолженіе этого времени не было проявленія правительственной дѣятельности даже до Камчатки и Японіи, но послѣ 1812 года тамъ все остановилось, и никакія событія въ Китаѣ и Восточномъ океанѣ не могли поколебать этого усилена, доколѣ нынѣ Державная власть не заставила насъ обратиться къ этому предмету и не дала права назвать объ немъ мнѣніе свое тѣмъ, которые имѣютъ возможность ближе видѣть и знать это дѣло, а по своему служебному положенію поддежать и отвѣтственности предъ Государемъ за невыгодныя послѣдствія, которыя по настоящему положенію дѣла могла бы уже имѣть наша неподвижность". Въ виду этого Муравьевъ считалъ *главнѣйшимъ* вопросомъ — опредѣленіе нашей границы съ Китаемъ на крайнемъ востокѣ, но по отдаленности этихъ мѣстъ отъ Петербурга онъ находилъ,

что едва-ли этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ, особенно по наблюденію за ходомъ дѣлъ въ Китаѣ, можетъ быть разрѣшенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ. При тѣхъ преобразованіяхъ, которыя тогда по Высочайшей волѣ совершались въ Забайкальскомъ краѣ, несомнѣнно было бы полезно, чтобы мѣстному главному начальнику было предоставлено *войти въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ трибуналомъ и нашею духовною миссіею въ Пекинъ*, которая обявлялась бы вести всю свою переписку съ министерствомъ черезъ генералъ-губернатора и принимать въ исполненію его отношенія. При этомъ измѣненіи имѣлось въ виду главнымъ образомъ, чтобы генералъ-губернаторъ, получая ближайшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Китаѣ и о томъ впечатлѣніи, которое тамъ производили наши преобразованія въ краѣ Забайкальскомъ и другія предпріятія, могъ безъ потери времени истолковать ниды и желанія нашего правительства китайскому и, соображаясь съ отвѣтами послѣдняго, приготовляться въ исполненію повелѣній нашего высшаго правительства также безъ потери времени, столь драгоцѣннаго, когда надобно пользоваться обстоятельствами, и еще болѣе драгоцѣннаго, когда необходимо предупреждать дѣйствія дѣятельныхъ соперниковъ, дававшихъ повсюду полномочіе мѣстнымъ своимъ агентамъ. Затѣмъ, *открытъ*, но въ то же время болѣе обширнымъ вопросомъ являлись дѣйствія наши на Восточномъ океанѣ. „Двадцать пять лѣтъ тому назадъ“, писалъ Муравьевъ — „россійско-американская компанія обращалась къ правительству съ просьбою о занятіи Калифорніи, тогда свободной и почти никѣмъ не владѣемой, сообщая при томъ свои опасенія, что скоро область эта сдѣлается добычею Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Петербургѣ не вѣрили этому опасенію и утверждали, что это можетъ случиться развѣ черезъ сто лѣтъ. Компанія утверждала, что это случится черезъ двадцать пять лѣтъ, и вотъ уже болѣе года (въ 1853 году) какъ Калифорнія составляетъ одинъ изъ штатовъ Сѣверо-Американскихъ. Нельзя было не предъусматривать быстрого распространенія владычества Сѣверо-Американскихъ

Штатовъ въ сѣверной Америкѣ, нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, утвердившись однажды на Восточномъ океанѣ, скоро будутъ тамъ первенствовать передъ всѣми другими морскими державами и будутъ имѣть надобность во всемъ сѣверо-западномъ берегѣ Америки. Владычество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во всей сѣверной Америкѣ такъ естественно, что намъ очень и жалѣть не должно, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы не утвердились въ Калифорніи, — пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая мирно, мы бы могли взаимно получить другія выгоды отъ американцевъ. Впрочемъ теперь, съ изобрѣтеніемъ и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, болѣе еще, чѣмъ прежде, должно убѣдиться въ мысли, что Сѣверо-Американскіе Штаты неминуемо распространятся по всей сѣверной Америкѣ и *намъ нельзя не имѣть въ виду, что рано или поздно придется имъ уступить сѣверо-американскія владѣнія наши* ¹⁾. Нельзя было однакожь при этомъ соображеніи не имѣть въ виду и другаго: что весьма естественно и Россія, если не владѣтъ всею восточною Азіею, то господствовать на всемъ Азіатскомъ прибрежьи Восточнаго океана. По обстоятельствамъ мы допустили вторгнуться въ эту часть Азіи англичанамъ, которые весьма естественно въ ущербъ и въ упрекъ всей Европѣ изъ небольшого острова своего предписываютъ законы свои во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая Америки, и законы, клонящіеся отнюдь не въ пользу человечества, а въ удовлетвореніе лишь коммерческихъ интересовъ Великобританіи, съ нарушеніемъ спокойствія и благосостоянія другихъ народовъ — но дѣло это еще можетъ поправиться *тѣсною связью нашею съ Сѣверо-Американскими Штатами*. Англія употребляетъ всѣ усилія, — продолжаетъ Муравьевъ, — чтобы не допустить этой связи, агенты ея вездѣ и всѣми средствами стараются отдалять Америку отъ Россіи. Къ самымъ существеннымъ условіямъ Англіи въ

---

¹⁾ Какая дальновидность! Въ 1867 году наше правительство уступило всю нашу сѣверо-американскую территорію Сѣверо-Американскимъ Штатамъ.

этомъ отношеніи должно принадлежать: овладѣть Камчаткою или оставить ее пустынною и господствовать на восточныхъ берегахъ Китая и Японіи и такимъ образомъ, такъ сказать, *отрѣзать Россію отъ Восточнаго океана*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту же систему должно входить овладѣніе Сахалиномъ и устьемъ Амура. Дабы съ одной стороны приготовить, въ вышеизложенныхъ соображеніяхъ, для нашей американской компаніи, твердое и удобное владѣніе, вмѣсто сѣверо-американскаго берега, а съ другой стороны быстрой и вѣрнѣе развить наше владычество на принадлежащемъ намъ берегу Восточнаго океана, необходимо нынѣ же разрѣшить русско-американской компаніи утвердиться на Сахалинѣ, откуда неминуемо торговля ея разовьется съ Японіею и съ Кореею“. Затрудняясь опредѣлить, въ какой мѣрѣ тогдашнія сношенія съ Китаемъ повели бы къ достиженію главной въ той странѣ правительственной цѣли, а именно къ плаванію по Амуру и къ распространенію Сибирскихъ нашихъ предѣловъ до устья этой рѣки, Муравьевъ положительно заявилъ, что „существовавшій порядокъ сношеній съ Китаемъ и постоянное опасеніе англичанъ не приведутъ къ желаемому результату, и самыя дѣйствія, по Высочайшей волѣ уже предпріятыя, легко могутъ остаться безъ пользы и послѣдствій, если сношенія останутся въ прежнемъ порядкѣ и въ прежнемъ духѣ“.

Съ этимъ глубоко продуманнымъ взглядомъ своимъ на современное положеніе дѣлъ нашихъ на восточной окраинѣ Россіи Муравьевъ сталъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, передъ Царемъ и непосредственными его сотрудниками, государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, управлявшимъ тогда уже морскимъ министерствомъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было Высочайшее утвержденіе штатовъ для амурской экспедиціи, ставшей за снѣмъ уже исключительно правительственною, съ окончаніемъ всѣхъ расчетовъ съ русско-американскою компаніею собственно по вопросу о занятіи устья Амура. Вопросъ о занятіи острова Сахалина былъ немедленно подвергнутъ его высочествомъ генералъ-адмираломъ

тщательному обсужденію, съ участіемъ генераль-губернатора и членовъ правленія сѣверо-американской компаніи, и составленныя этимъ порядкомъ предположенія были препровождены великимъ княземъ къ государственному канцлеру Нессельроде, съ требованіемъ повергнуть таковыя на Высочайшее воззрѣніе, непремѣнно въ присутствіи его высочества. 11 апрѣля воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи російско-американской компаніи занять островъ Сахалинъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она владѣла другими землями, упомянутыми въ ея привилегіяхъ, съ тѣмъ, чтобы не допускать на Сахалинѣ никакихъ иностранныхъ заселеній, ни произвольныхъ, ни по взаимному соглашенію. Сахалинская экспедиція была совершенно отдѣлена отъ Амурской, одѣлавшейся исключительно правительственною, только при первоначальномъ занятіи Сахалина, до назначенія туда отъ компаніи особаго правителя, она пользовалась, съ разрѣшенія генераль-губернатора, чинами и средствами Амурской экспедиціи, но въ политическомъ отношеніи она должна была состоять подъ начальствомъ генераль-губернатора восточной Сибири, который имѣлъ командировать въ ея распоряженіе необходимое число офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Императоръ приказалъ доложить себѣ облизысканіяхъ, произведенныхъ полковникомъ Агте, и представить на его усмотрѣніе составленную послѣднимъ карту. Докладъ этотъ былъ сдѣланъ Муравьевымъ, съ свойственными ему энергическими объясненіями, 22 апрѣля въ присутствіи цесаревича, генераль-адмирала и военнаго министра, безъ участія гр. Нессельроде. Безусловное довѣріе Царя къ канцлеру, какъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, было тогда уже поколеблено. Государь, убѣдившись изъ доклада Муравьева, что при-амурскій край отъ рѣки Бурей къ морю составляетъ безспорно собственность Россіи, повелѣлъ тѣмъ же лѣтомъ (1853 г.) занять заливъ де-Кастра и сосѣдственное съ нимъ озеро Кизи и написать Китайскому правительству приглашеніе прислать своихъ уполномоченныхъ для разграниченія пространства до моря, остававшаяся

госа по Нерчинскому трактату неразграниченнымъ до усмотрѣнія. Отдавъ объ этомъ приказаніе военному министру, Государь, указывая на карту и въ особенности на устье Амура, сказалъ Муравьеву:

— „Все это хорошо, но я еще долженъ послать защищать это изъ Кронштадта“.

— „Можно и ближе, Ваше Величество“,—отвѣтилъ Муравьевъ, указывая на теченіе Амура.

Государь, съ улыбкою, положилъ свою державную руку Муравьеву на голову и сказалъ:

— „Ты, право, когда-нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!“

— „Сами обстоятельства, Государь, указываютъ этотъ путь“,—былъ отвѣтъ Муравьева.

— „Ну пускай же обстоятельства къ этому приведутъ, а пока подождите“.

Съ этими словами Государь отпустилъ Муравьева ¹⁾, не предполагая, разумѣется, что не пройдетъ и года, какъ онъ будетъ вынужденъ, силою обстоятельствъ, осуществить слова Муравьева, которыя ему внушилъ его дальновидный государственный умъ.

Знаменательный въ исторіи распространенія предѣловъ Россіи актъ, отправленный изъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Пекинскій трибуналъ, по древне принятому обычаю отъ имени Правительствующаго Сената 16 іюня 1853 года, не будучи предварительно сообщенъ Муравьеву (о точномъ содержаніи его Муравьевъ узналъ только случайно въ концѣ 1853 г., шесть мѣсяцевъ спустя), впоследствии создалъ несъма трудно одолѣваемые осложненія въ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ, такъ что Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеній Государю Императору не затруднился указать на недобросовѣтность, рукоподлившую тогдашнимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при составленіи этого документа. Ходатайство Муравьева о сплавѣ по р. Амуру запасовъ, оружья, продовольствія и

---

¹⁾ Все это Муравьевъ разсказалъ мнѣ лично, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга въ Иркутскъ въ мартъ 1854 г.

войскъ было передано на разсмотрѣніе особаго комитета. Вѣсть о Высочайшемъ разрѣшеніи занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и озеро Кизи, какъ о новомъ знаѣ довѣрія Царя и высшаго правительства къ Муравьеву, привезъ къ намъ въ Иркутскъ, принятый имъ въ Петербургѣ на сибирскую службу, маіоръ Н. В. Буссе, товарищъ М. С. Карсакова по Семеновскому полку. Буссе пріѣхалъ въ Иркутскъ и уѣхалъ опять, какъ говорилося тогда, по-Муравьевски. Совершивъ переѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ 6.000 верстъ, во время распутицы, въ какіе-нибудь 20 дней, онъ пробылъ у насъ всего три дня, и помчался черезъ Якутскъ въ Аянъ, откуда онъ пошелъ на компанейскомъ суднѣ „Николай“ въ Петропавловскій портъ за десантомъ, назначеннымъ для занятія Сахалина.

Отвоевавъ, такъ сказать, у министерства иностранныхъ дѣлъ всѣ эти распоряженія, освященныя Высочайшею волею, Муравьевъ могъ уѣхать за границу для отдохновенія, и дѣйствительно имѣлъ на это полное право, послѣ той тяжелой борьбы, которую онъ вынесъ въ Петербургѣ въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ. Лечился онъ сначала очень усердно въ Мариенбадѣ, что принесло большую пользу его здоровью, а затѣмъ онъ пустился путешествовать по Франціи, Италіи и Бельгіи. „Поѣздка эта была для меня,—писалъ Муравьевъ къ М. С. Карсакову,—чрезвычайно полезна не только физически, но и нравственно. я продолжаю учиться, по пословицѣ: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Франціи (гдѣ онъ былъ въ послѣдній разъ въ 1845 году, сравнительно недавно) я не узнаю и не могу повѣрить, чтобы здѣсь былъ 48-й годъ; всѣ такъ скромны, такъ покорны, такъ почти тельны къ своему правительству и разсуждаютъ только въ томъ духѣ и даже словахъ, которыя оно указываетъ, и поэтому обвиняютъ насъ въ восточномъ вопросѣ. Здѣсь, болѣе чѣмъ когда-либо, я убѣждаюсь, какъ вредна Англія для блага Европы,—не мытьемъ, такъ катаньемъ они достигаютъ своей цѣли и владычествуютъ вездѣ единственно на свою пользу. Господи, Господи! сердце Царево въ руцѣ твоей, просвѣти его, да сброситъ

„съ себя Россія иго этихъ островитянъ, которое тяготѣеть
 „надъ нами 53-й годъ и препятствуетъ ей, матушкѣ, разви-
 „ваться. Не турокъ, не черкесъ, не французъ, не нѣмецъ,
 „не демократъ, не демагогъ—враги Россіи и великаго ея Го-
 „сударя, они болтаютъ, но смиряются передъ нами, одни
 „англичане повежѣваютъ! Торговля на Кяхтѣ совсѣмъ оста-
 „новилась, можетъ быть, впрочемъ и это къ лучшему!“ И
 дѣйствительно къ лучшему. Остановка торговли на Кяхтѣ
 одинаково тягостно отзывалась какъ на нашей промышлен-
 ности, такъ и на торговыхъ оборотахъ китайцевъ. Ургинскій
 амбанъ (губернаторъ) Бейсэ, игравшій впоследствіи немало-
 важную роль при переговорахъ Муравьева объ опредѣленіи
 границъ между Россією и Китаемъ, со времени сокраще-
 нія торговли на Кяхтѣ съ начала 1853 года, сталъ искать
 сближенія съ нашимъ кяхтинскимъ градоначальникомъ съ
 видимою цѣлью, если возможно, разъяснить причины нево-
 рмальныхъ торговыхъ отношеній, установившихся въ послед-
 нее время на Кяхтѣ и этимъ во-очію опровергъ опасеніе,
 изънесенное въ ходѣ членами министерства иностранныхъ
 дѣлъ, что китайцамъ не понравится учрежденіе въ 1851 г.
 кяхтинскаго градоначальства и что ургинскіе правители,
 можетъ быть, даже не захотятъ сноситься съ кяхтинскимъ
 градоначальникомъ вмѣсто иркутскаго губернатора ¹⁾. 21-го
 августа состоялось въ Маймачанѣ торжественное, по во-
 сточнымъ обычаямъ, свиданіе ургинскаго амбана съ кях-
 тинскимъ градоначальникомъ. Н. Р. Ребиндеръ воспользо-
 вался этимъ случаемъ, чтобы доказать амбану Бейсэ, что
 хотя дружелюбныя отношенія Россіи съ Китаемъ основаны
 на трактатахъ, но эти отношенія далеко уже опередили
 смыслъ и цѣль самихъ трактатовъ, что прежнія отношенія
 во многомъ измѣнились, что польза обоихъ государствъ
 требуетъ болѣе тѣснаго сближенія китайцевъ и русскихъ
 между собою, и наконецъ, что англичанамъ на югѣ Китая
 неоправедливо предоставлены большія торговныя выгоды, чѣмъ
 русскимъ на сѣверѣ. Амбанъ согласился, что русскіе, въ

¹⁾ См. Р. В. июль 1888 г. стр. 121.

свою двукратной дружбы, вправду требовать больших выгод и обморожений по торговле с Китаем, чем все остальные нации, и сознавался, что возмущение в Китае не ослабевает, хотя пекинские газеты и провозглашали о каких-то побѣдах правительственных войск. При этом он с видимым безпокойством поставил вопрос, на чьей стороне будет Россия в случае соединения Манчжурии и Монголии в отдельное государство, независимое от Китая. Этот вопрос указывал на шаткое положение тогдашней Манчжурской династии в Пекине на вероятность какого-либо ее падения. Китайское правительство и весь Пекин, как можно было заключить из собранных свѣдѣній, были в страхѣ и унынии, потому что мятежники появлялись всюду, войска ихъ постоянно уславивались перебежчиками изъ императорской арміи. Объ этомъ свидѣнии Н. Р. Ребиндеръ написалъ Муравьеву в С.-Петербургъ подробное письмо, которое хотя и не заключало рѣшительныхъ извѣстій о переворотахъ в Китае, было имъ 18-го октября 1853 г. представлено на Высочайшее усмотрѣніе. Государь, прочитавъ это письмо, видимо, съ величайшимъ вниманіемъ, сдѣлалъ на представленіи Муравьева слѣдующую собственноручную надпись: „нахожу много лишняго въ разговорѣ“ и возвратилъ все Муравьеву.

Возвратившись в октябрѣ изъ-за границы в Петербургъ, Муравьевъ, не дождавись наступленія трехгодичнаго срока, в теченіе котораго, в видѣ опыта, назначено было дѣйствовать правиламъ, изданнымъ в 1851 г. для кяхтинской торговли, посѣщивъ в началѣ января заявить министру финансовъ, П. Ф. Броку, что наступило время измѣнить правила, установленныя в 1800 г. для нашей торговли съ китайцами на Кяхтѣ, а именно: „отдать кяхтинскій торгъ свободнымъ для всѣхъ и каждому на общихъ правилахъ внешней торговли Имперіи, не стѣсняя оного никакими исключеніями, ни рѣшительными соображеніями какого-либо общества, ни какою-либо общою раздѣлкою, и затѣмъ, в отнѣшеніи таможенныхъ постановленій, разрешить на Кяхтѣ производство торговли мяною или чистыми деньгами только съ

монеты, а не въ пьски и слиткахъ, и даже кредитными билетами, столь охотно принимаемыми въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачэ-инъ". Тогда же, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ, изъ свѣдущихъ по торговой части членовъ трехъ министерствъ: финансовъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ для разрѣшенія вопросовъ, касающихся нашей азіятской торговли вообще и кяхтинской въ особенности. Московско-кахтинскіе купцы и фабриканты также считали для себя стѣснительнымъ и для торга вреднымъ установленный правилами 1800 г. порядокъ предварительнаго опредѣленія цѣвъ на товары, въ которыхъ мѣна товаровъ на товаръ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалась, и только въ этомъ отношеніи добивались свободы, отнюдь не допуская мысли о торгѣ на монету и кредитные билеты. Муравьевъ же, убѣжденный въ невозможности бороться съ контрабандою драгоценнымъ металломъ и денежными знаками, требовалъ полнаго освобожденія торговли на Кяхтѣ отъ всякихъ ограниченій, кромѣ, разумѣется, пошлинъ въ пользу казны. Противъ свободы торговли на Кяхтѣ въ томъ объемѣ, какъ предполагалъ Муравьевъ, московское купечество привело главныхъ три довода: 1) будто причиною неустройства кяхтинскаго торга не организація его по правиламъ 1800 г. и не самыя правила, по которымъ онъ производится, а уклоненіе отъ исполненія ихъ со стороны торгующихъ, побуждаемыхъ своекорыстіемъ и мелочными расчетами, поэтому опасно было бы измѣнять установленную правилами 1800 г. систему торга съ такимъ народомъ, какъ китаецъ, въ которыхъ въ высшей степени развитъ духъ общинный; 2) что, если разсматривать кяхтинскій торгъ въ связи съ благосостояніемъ нашей внутренней промышленности и въ отношеніи къ довольству, распространяемому имъ въ народѣ, то нельзя не признать, что обращеніе кяхтинскаго торга изъ мѣноваго въ покупной можетъ имѣть гибельныя послѣдствія какъ для сибирскаго звѣринаго и извознаго промысла, такъ въ особенности для мануфактурной произво-

дательности въ Россіи, и 3) что введеніе свободной торговли было бы противно содержанію акта или письменнаго знака, обмѣненнаго въ 1792 году между русскимъ и китайскимъ правительствами. Таковая торговля могла бы быть допущена, еслибы китайское правительство предоставило торгующимъ съ нами саясипцамъ также неограниченную свободу сбывать свои чай на Кяхтѣ по произволу каждаго чего достигнуть весьма трудно и едва ли возможно.

Въ опроверженіе этихъ доводовъ Муравьевъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, доставлявшихся ему кяхтинскимъ градоначальникомъ Н. Р. Ребиндеромъ, посвятившимъ себя всецѣло, со дня его назначенія туда въ 1851 г., тщательнѣйшему изученію вопроса о нашей торговлѣ съ Китаемъ, утверждалъ и доказывалъ: а) что русскіе и китайцы давно уже не въ тѣхъ между собою отношеніяхъ, въ которыхъ были прежде; прежняя недовѣрчивость ихъ другъ къ другу замѣнилась полнымъ доверіемъ. Тѣ и другіе стремятся къ тому, чтобы имѣть дѣло между собою лично, а не цѣлымъ обществомъ. Маймачѣнскій дзаргучей (градоначальникъ) откровенно высказывалъ, что китайцы привозили бы на Кяхту ежегодно 240.000 ящиковъ и болѣе (вмѣсто обыкновеннаго привоза отъ 120.000 до 150.000 ящиковъ), еслибы ежегодныя положенія и промѣнныя цѣны не давали русскимъ купцамъ возможности, при каждомъ, часто неосновательномъ, слухѣ о привозѣ въ Маймачѣнъ чаевъ въ болѣеишей противъ обыкновенной пропорціи, возвышать промѣнныя цѣны на свои товары, что и заставляетъ китайцевъ быть осторожнѣе, выдерживать цѣны на чай и умѣрять привозъ чаевъ для огражденія себя отъ убытковъ. Составленіе положеній заключало въ себѣ источникъ всѣхъ безпорядковъ, развивавшихся впоследствии на Кяхтѣ. Общее уравненіе цѣнъ для каждаго производителя торга въ частности не могло быть справедливо, а потому торгующіе съ давнихъ поръ принуждены были прибѣгать къ отступленіямъ отъ положеній и придумывать для сего разныя уловки. Правила, несогласныя съ интересами торгующихъ, существовали съ 1840-хъ годовъ только уже номинально, въ сущности же

свобода торговли вошла въ свои права только незаконнымъ путями, а заградить ей эти пути никакъ средотв не представляется. б) Разрѣшеніе выпуска золота и серебра за китайскую границу, безъ ограниченія количества, унлить вымѣнъ чаевъ на Кяхтѣ и притомъ съ значительною выгодою, что, въ свою очередь, повліяетъ на возможность продавать чай въ Россіи гораздо дешевле и этимъ представится единственное средство противодѣйствовать контрабандѣ квантонскими чаями, возстановится прежняя цифра государственныхъ доходовъ по сбору пошлинъ за ввозимый черезъ Кяхту чай и, наконецъ, поддержится наша прежняя торговая связь съ Китаемъ. прекращеніе которой было бы неминуемымъ и самымъ пагубнымъ послѣдствіемъ сохраненія устарѣлаго порядка, т. е. еслибы мы пожалѣли отпустить туда 50 пуд. золота изъ ежегодно добываемыхъ въ Россіи 1.500 пудовъ. Наконецъ опасеніе, что съ разрѣшеніемъ отпуска въ Китай звонкой монеты китайцы вовсе перестанутъ брать наши товары,—представляется неосновательнымъ потому, во-первыхъ, что если въ Китай существуетъ потребность на наши товары—а это несомнѣнно, такъ какъ наша отпуская по кяхтинскому торгу статьи имѣютъ въ сѣверномъ Китайѣ сотни тысячъ потребителей, которые, конечно, не перестанутъ требовать нужныхъ для нихъ предметовъ, такъ называемыхъ ургинскихъ товаровъ, европейцы же надѣляются южныя страны Китая своими надѣліями, которыя сътребуемы на Кяхтѣ ничего общаго не имѣютъ—то они пойдутъ своимъ чередомъ, несмотря на дозволеніе покупать чай на деньги; если же китайцы въ товарахъ нашихъ надобности не имѣютъ или торговлю оными находятъ невыгодною, то никакими насильственными мѣрами невозможно заставить ихъ принимать эти товары въ обмѣнъ на свои произведенія. в) Приведенныя третьимъ пунктомъ доводовъ затрудненій на дѣлѣ вовсе не существуютъ, ибо, во-первыхъ, ни въ актѣ 1792 года, ни въ трактатѣ 1728 г., который по нынѣ сохраняетъ свою силу, нѣтъ никакого постановленія о томъ, какъ производить мѣну китайцамъ и русскимъ, свободно ли каждому по вольнымъ цѣнамъ или же только

цѣлимъ обществомъ по обязательнымъ для всѣхъ промѣн-нымъ цѣнамъ, а во-вторыхъ, сиверскіе купцы пользуются и всегда пользовались со стороны своего правительства полною свободою въ произведствѣ кяхтинской мѣны; давняя же китайцамъ въ 1792 году инструкція, давно уже не соблюдаемая, не имѣетъ никакой обязательной силы, а содержитъ въ себѣ только наставленіе въ видѣ совѣта, чтобы, для извлеченія изъ кяхтинской мѣны наибольшихъ выгодъ, китайскіе торговцы старались по общественнымъ между собою соглашеніямъ, сколько можно болѣе, возвышать цѣны на свои и понижать цѣны на русскіе товары. Министерство финансовъ, не смотря на то, что Муравьевъ еще въ началѣ 1849 года заявилъ, что необходимо, по дѣламъ кяхтинскимъ, обратиться къ новымъ направленіямъ, несогласнымъ съ прежнимъ порядкомъ вещей, не очень торопилось разрѣшеніемъ этого вопроса, которое послѣдовало, какъ мы увидимъ, только въ 1855 году.

Между тѣмъ, кипѣла дѣятельность за Байкаломъ, на Шилкѣ и въ Петровскомъ желѣзо-дѣлательномъ заводѣ. П. В. Казакевичъ, на пожертвованные еще въ 1850 году Е. А. Кузнецовымъ 100 тыс. рублей былъ занятъ, по распоряженію Муравьева постройкою на Шилкѣ плоскодоннаго парохода, при закладкѣ названнаго „Аргунь“, для оживлявшагося Высочайше еще неразрѣшеннаго сплава по Амuru. На Петровскомъ заводѣ строилась паровая машина для этого парохода. Въ предвидѣніи значительныхъ машино-строительныхъ и вообще желѣзо-дѣлательныхъ работъ для восточной Сибири, Муравьевъ еще въ 1850 году приближилъ къ себѣ одного изъ выдававшихся тогда уже, по своему честному направленію и трезвому взгляду на дѣла, горнаго инженера, Оскара Александровича Дейхмана, управлявшаго въ то время Петровскимъ заводомъ, который при первомъ обзорѣнн Муравьевымъ Забайкальской области былъ найденъ въ жалкомъ состояніи. Но Муравьевъ сейчасъ же узналъ въ Дейхманѣ человека недюжиннаго и поспѣшилъ воспользоваться его молодыми силами и добросовѣстною энергіею. Дейхманъ былъ командированъ въ Петербургъ для представленія министру фл-

нансовъ и горному департаменту различныхъ предположеній Муравьева по горнозаводскимъ дѣламъ, затѣмъ были приобрѣтены въ Екатеринбургѣ всѣ необходимыя части для устройства машиннаго производства на Цетровскомъ заводѣ, и такимъ образомъ усиліями О. А. Дейхмана открылась въ восточной Сибири судостроительная промышленность, которая, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи не была, соразмѣрно требованіямъ края и мѣстнымъ средствамъ, поддержана и не получала того развитія, которое, во всякомъ случаѣ, слѣдовало ей дать. И сюда была занесена зараза времени, зараза заказовъ всего заграницею, вмѣсто того, чтобы покровительствовать отечественной, зародившейся промышленности и поднять ее на высоту, достойную природныхъ богатствъ Россіи и творческой силы ея сыновъ. И все это отъ того, что увѣряли „изъ заграницы выписать дешевле“, а чего намъ стоила эта дешевизна? рассчитать невозможно!!! Всегда, вездѣ и во всемъ близорукая экономія! Муравьеву предоставляется разрѣшить первостепенный *государственный* вопросъ, а средства на это пріискывать самъ изъ суммъ собственно восточно-сибирскихъ. Муравьевъ указываетъ на доходы, доставляемые *государству* золотопромышленностью восточной Сибири, проситъ изъ этого источника удѣлить частицу незначительную сравнительно частицу на Амурское дѣло, ему отвѣчаютъ отказомъ, это-де источникъ для покрытія государственныхъ расходовъ, будто пріобрѣтеніе Россіею значенія на Тихомъ океанѣ, обусловливаемое укрѣпленіемъ владычества на Амурскомъ побережьи и въ Уссурийскомъ краѣ, не входитъ въ число предметовъ, расходы на которые должны быть покрываемы общею государственною казною. Создай, какъ знаешь и какъ хочешь, экономіи у себя, въ восточной Сибири и ими покрывай предполагаемые тобою расходы. Преданіе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ: предполагалось съ 1853 г. имѣть постоянныхъ крейсеровъ у береговъ Сибири. Генераль-адмиралъ, озабочиваясь необходимыми по сему предмету соображеніями, напелся вынужденнымъ препроводить составленный по его повелѣнію расчетъ стоимости содержанія фрегата и корвета, по внутрен-

нему и заграничному положенію, къ генераль-губернатору восточной Сибири, такъ какъ морское министерство не было въ состояніи принять этотъ расходъ на свои смѣты, предлагая ему сообщить Его Высочеству, какую часть этого расхода онъ полагалъ бы отнести на *сибирскія* суммы. Откуда же эти отдѣльныя *сибирскія* суммы? Изъ сбереженій, накопленныхъ Муравьевымъ по разнымъ отраслямъ управленія при исполненіи смѣтъ. Муравьевъ имѣлъ въ виду *государственную* цѣль первостепенной важности, а такъ какъ ему для достиженія этой цѣли не удѣляли средствъ изъ казны *государственной*, то онъ составлялъ экономію изъ смѣтъ восточно-сибирскихъ и волею-неволею иногда въ ущербъ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ народной производительности, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что это неизбежная временная жертва, которую должна принести страна для достиженія указанной цѣли. Да, страна, т. е. вся Россія, а не одна же восточная Сибирь. Но къ этимъ словамъ въ Петербургѣ были глухи. Къ числу такимъ образомъ составляемыхъ средствъ относились и сбереженія отъ провіантскихъ заготовленій, т. е. хлѣбныхъ запасовъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Усерднѣйшимъ дѣятелемъ по этой части былъ оберъ-провіантмейстеръ Тваровскій, который, въ свою очередь, для достиженія известной цифры сбереженія, считалъ всѣ пути дозволенными. Читатель припомнитъ, что въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 года всѣ провіантскія заготовленія дѣлались и сбереженія достигались вслѣдствіе того, что все это дѣло по всей восточной Сибири велось при ближайшемъ моемъ участіи и, такъ сказать, подъ моимъ наблюденіемъ. Познакомившись близко съ мѣстными сельско-хозяйственными условіями, я тогда же докладывалъ Муравьеву, что нормальная цѣна хлѣба должна быть 40 коп. за пудъ, и что, держа въ своихъ рукахъ всѣ части заготовленія, онъ имѣетъ возможность всегда урегулировать цѣну, которая неминуемо будетъ соответствовать спросу: въ урожайные годы увеличить запасы и тѣмъ увеличить спросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣну, если она слишкомъ низко упадетъ, а въ годы неурожайные, имѣя запасы, уменьшить спросъ и, въ

силу этого, понизить цѣну, если она слишкомъ возвысится и ни въ какомъ случаѣ никакихъ повудительныхъ мѣръ при закупѣ не употреблять. Уже въ 1850 и 1851 годахъ заготовленіе хлѣбныхъ потребностей состояло по цѣнамъ крайне низкимъ, не вознаграждавшимъ труда земледѣльца. Въ 1853 году, во время моего управленія Иркутскою губернію, вопросъ этотъ привелъ меня въ столкновеніе съ оберъ-провіантмейстеромъ Тваровскимъ: онъ настаивалъ, чтобы заготовительную цѣну назначить 30 коп. за пудъ, а я доказывалъ, что она должна быть 40 коп. и никакъ не ниже 35 коп. Я отстаивалъ интересы крестьянъ и бурятъ, съ которыхъ мнѣ приходилось взыскивать подати, повинности и недонмки, а Тваровскій твердилъ только одно: „нужна экономія, того требуетъ генераль-губернаторъ“. Не помню, по какой цѣнѣ состоялось заготовленіе, но потомъ я узналъ, что Тваровскій письмомъ къ Мих. Сем. Карсакову, въ Петербургъ, желая быть представленнымъ къ производству въ чинъ статскаго совѣтника, просилъ его доложить генералу, что по его, Тваровскаго, мнѣнію, покупателя хлѣба можетъ обойтись по 30 коп., но Струве на это не согласенъ, потому что необходимо пополнять сельскіе магазины, изъ которыхъ взято заимобразно болѣе 1 милл. 200 тыс. пудовъ хлѣба. Это было второе сѣмячко, брошенное въ душу Муравьева, чтобы зарождалъ въ немъ мысль, что я противодѣйствую достиженію желаемой имъ цѣли и не сочувствую нѣкоторымъ его распоряженіямъ. Не даромъ говорилось, когда я женился: до этого нѣмца (плохой я нѣмецъ!) мы до сихъ поръ не могли добраться, а теперь не мытьемъ, такъ катаньемъ мы его выживемъ! Многимъ не нравилось, что я, изъ любви и преданности къ Муравьеву, стоялъ на стражѣ около него, не нравилось, что я не сочувствовалъ направленію, данному ванадворовскому дѣлу, что я говорилъ, что покупателя хлѣба ниже дѣйствительной его стоимости и иногда еще съ повудительными мѣрами къ добру не поведетъ. Зависть сильно работала и ловко подтачивала мое положеніе.

Собственно о политическихъ нашихъ переговорахъ съ китайскимъ правительствомъ кяхтинскому градоначальни-

ку Ребиндери ничего не было известно. Вдругъ онъ узнаетъ въ ноябрѣ 1853 г., что въ Ургѣ съѣхалась китайская комисія подъ предѣвательствомъ амбаня Бейсэ для опредѣленія границъ между Россією и Китайскою имперією, начавшая отъ Горбицы, *вслѣдствіе просьбы о томъ, будто бы наши сената.* Это было прямымъ послѣдствіемъ злополучнаго листа отъ 16-го іюня, отправленнаго въ Пекинскій трибуналъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, *минуя Муравьева,* въ смыслѣ совершенно не согласномъ съ Высочайшею волею, объявленной военному министру и генералъ-губернатору по докладу послѣдняго 22 апрѣля. Съ этимъ извѣстіемъ поспежалъ курьеръ въ Петербургъ къ Муравьеву, который, не задумываясь, далъ Ребиндери немедленно знать, чтобы онъ, если для означенной цѣли пріѣдутъ въ Кяхту китайскіе чиновники, отвѣтилъ имъ, что ни онъ, ни главный начальникъ края никакого распоряженія не получилъ относительно этого вопроса отъ высшаго правительства и совѣтовалъ ему, руководствуясь Высочайшею резолюцію, съ китайцами ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ-либо предположеніяхъ нашего правительства. Этотъ случай далъ Муравьеву поводъ вновь повести сильную атаку противъ образа дѣйствій и пріемовъ министерства иностранныхъ дѣлъ по нашимъ дѣламъ съ Китаемъ на восточной окраинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе не сочувствовали политикѣ канцлера Нессельроде, но первый кто осмѣлился возстать противъ нея, смѣло порицать ее передъ Самодержцемъ и въ этомъ смыслѣ направлять все свои дѣйствія, былъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій. Составленная имъ записка была рассмотрѣна въ особомъ комитетѣ, и 11-го января 1854 года Высочайше было утверждено положеніе этого комитета, въ силу котораго предоставлялось генералъ-губернатору Муравьеву отнынѣ все сношенія съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточной нашей окраины *всѣми непосредственно* о чемъ и былъ посланъ листъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Пекинскій трибуналъ 6 февраля. Выстъ съ тѣмъ было дано Муравьеву право распоряжаться поѣмъ

остаточными суммами отъ сметныхъ исчислений по всемъ ведомствамъ восточной Сибири. Отчетъ въ израсходованіи этихъ суммъ Муравьевъ прямо представлялъ Государю. Наконецъ было рѣшено „*платить по рѣкѣ Амуру!*“ но съ тѣмъ, какъ лично изволилъ прибавить Императоръ, „*чтобы при этомъ не пахло порохомъ*“. Важность этихъ рѣшеній побудила Муравьева немедленно отправить М. С. Карсакова въ Иркутскъ для окончательныхъ распоряженій по сплаву, подготовительныя работы къ которому велось уже въ теченіе всей зимы по предусмотрительности Муравьева. Не готовясь отъ заранѣе въ предвидѣніи, что рано или поздно правительство придетъ къ этому рѣшенію, то, разумѣется, не было бы никакой возможности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ снарядить эту колоссальную экспедицію. Только 10-го февраля утромъ Карсаковъ пріѣхалъ въ Иркутскъ. Въ тотъ же день началась работа съ Шелашниковымъ, Заборивскимъ, Тваровскимъ и въ особенности съ Казакевичемъ. Я былъ свидѣтелемъ той кипучей дѣятельности, съ которою Карсаковъ принялся за дѣло и той энергіи, которую онъ сумѣлъ вселить своимъ сотрудникамъ. Во время 4-хъ-мѣсячнаго отсутствія Муравьева изъ Иркутска, чего тамъ не было? описать трудно. Кота не было, и мыши на столѣ! Но Муравьевъ обо всемъ получалъ свѣдѣнія. Карсакову, кромѣ примаго порученія, касавшагося государственнаго дѣла, сплава по Амуру, приказано было во многомъ удостовѣриться и писать Муравьеву въ Петербургъ и Красноярскъ, такъ какъ онъ собирался вкорѣ послѣ Карсакова выѣхать изъ Петербурга. Обрадовался и Карсакову, какъ брату родному. Съ нимъ я душу отдалъ при трудныхъ обстоятельствахъ, меня окружавшихъ. Передо мною теперь многія его письма къ Муравьеву: что-за свѣтлая, чистая душа! какъ всегда, такъ и въ данное время онъ являлся миротворцемъ. Не отаергая дѣйствительности того или другаго неотраднaго явленія, многихъ даже неблаговидныхъ поступковъ и дѣйствій, онъ всегда искиналъ поводы въ смягченію и, сообщая о нихъ Муравьеву, онъ никогда не упускалъ случая, чтобы отъ себя не добавить:

распеките порядкомъ, но покажите, выщите построже, но будьте снисходительны, увольте отъ службы или предайте суду, потому что нуженъ примѣръ, нужна гроза, но не оскорбляйте: подобнаго рода совѣтами переполнены его письма. Миръ праху твоему! „Блаженн миротворцы, яко ти сынове Божии нарекутся.“ Тыиъ не менѣе приѣздъ Карсакова въ Иркутскъ произвелъ всеобщій страхъ: ояъ сообщилъ что Николай Николаевичъ очень недоволенъ всѣмъ, что происходило въ Иркутскѣ въ его отсутствіе, всѣ были въ ожиданіи и въ недоумѣніи, какой имъ будетъ приѣмъ отъ грознаго начальника края. Карлъ Карловичъ Венцель, иркутскій военный губернаторъ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири и командовавшій войсками за отсутствіемъ генералъ-губернатора, человекъ высоко честный и благонамѣренный, но въ то же время крайне мягкій и уклончивый, положительно не былъ на высотѣ своего положенія: безплодный губернаторъ подъ рукою у энергическаго генералъ-губернатора, ояъ въ должности главнаго начальника края терался и шелъ ощупью, а сибирскіе офицеры и чиновники этимъ пользовались. Бригадный командиръ А. потворствовалъ всѣмъ неблагоприятнымъ поступкамъ подчиненныхъ ему офицеровъ, а Венцель былъ противъ него безсиленъ. Больше всего отъ этого страдали двое, оба полковые командиры только-что сформированныхъ Иркутскаго и Книсейскаго городовыхъ казачьихъ полковъ Моллеръ и Мазаровичъ, люди благороднѣйшіе, дѣйствовавшіе неукоснительно въ духѣ Муравьева и задавшіеся трудомъ установить въ этихъ полкахъ такую же дисциплину, какая требовалась отъ регулярныхъ войскъ. Ояя были ученики тогдашнихъ драгунскихъ полковъ, стоявшихъ на югѣ Россіи подъ начальствомъ генераловъ Никитяна и Монтеюра, школы строгой, недопускавшей мысли о какомъ-либо уклоненіи отъ службы. Съ бригаднымъ командиромъ А. и я имѣлъ крайне непріятныя столкновенія вслѣдствіе той же безхарактерности генерала Венцеля. Дѣло дошло до того, что я былъ вынужденъ откаться отъ управленія Иркутскою губерніею. Генералъ-

Бенцель убѣдилъ меня нанять мой рапортъ назадъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него въ душѣ затѣилось неравнѣющее ко мнѣ, которое впоследствии тяжело отозвалось на мнѣ, когда онъ долженъ былъ бы за меня заступиться, а между тѣмъ красно-рѣчнымъ молчаніемъ только еще усугубилъ трудность моего положенія. Правда, я былъ требователенъ и рѣзокъ, какъ же это могло быть иначе въ мои годы, всего 26 лѣтъ отъ роду и уже третій годъ возсѣдать на губернаторскомъ креслѣ! Рабочая сила неутомимая, званіе дѣла, пріобрѣтенное въ ежовой школѣ Муравьева и при этомъ власть въ рукахъ!!! Безъ сомнѣнія были ошибки и промахи съ моей стороны, но требовательность, настойчивость моя не принесли никакого вреда, это я могу сказать по совѣсти, а только усилили чувство зависти къ той роли, которую я игралъ, и побудили завистниковъ ухищратся, чтобы обить меня съ позиціи незамѣтнымъ образомъ. Я былъ готовъ на борьбу, но мнѣ не пришлось бороться, мнѣ даже не была дана возможность возражать, какъ увидите впоследствии: однимъ ударомъ скосили, и прощай все прошлое. Какая великая истина, повидимому: отъ друзей избави Богъ, со врагами самъ я справлюсь!

По возвращеніи Муравьева изъ Петербурга въ мартѣ все обошлось для меня благополучно, и я знаю, почему. Тогда я былъ еще нуженъ, а Карсаковъ написалъ Муравьеву: „ободрите Струве“.

Не безъ архипастырскаго благословенія уѣхалъ Муравьевъ въ Иркутскъ, а оттуда новымъ путемъ на дальній востокъ. Перебралъ и все собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго въ надеждѣ найти въ этомъ собраніи какой-либо отзывъ этого маститаго государственнаго дѣятеля объ одномъ изъ важнѣйшихъ шаговъ нашего правительства во время тяжелаго испытанія, испосланнаго Провидѣніемъ въ 1854 году на наше отечество, но тщетно. Тѣмъ болѣе интересно будетъ читателямъ убѣдиться, что и великій святитель первопрестольной Москвы съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ подъятому Муравьевымъ дѣлу, благословляя его въ путь самыми теплыми выраженіями, изложенными его своеобразнымъ слогомъ въ письмѣ

къ Муравьеву отъ 3-го марта 1854 года, т. е. въ слѣдъ на Высочайшимъ повелѣніемъ: „плыть по Амуру“. Какъ всѣ письма владыки, они начинаются изображеніемъ +, за сими: „Ваше
 „превосходительство, милостивый государь! Пользуясь олу-
 „чшемъ для слова къ вамъ. имѣя мало времени для слова
 „съ вами. Богъ да благословляетъ попеченія ваши о проч-
 „номъ благѣ вѣреннаго вамъ края. Да просвѣщаетъ Онъ
 „взоръ вашъ къ усмотрѣнію праваго и полезнаго и къ изы-
 „сканію средствъ для общепользныхъ цѣлей; и необильныи
 „средства дая вамъ сильными чрезъ поспѣшествованіе Спо-
 „его Провидѣнія. Да укрѣпляетъ васъ противъ трудностей
 „со стороны природы и людей, недовольно способныхъ или не-
 „положенныхъ понимать и принимать усовершенія. Да увѣнчи-
 „ваетъ ваши труды и подвиги возжелѣянными успѣхами.
 „По соизволенію вашему вмѣстѣ съ симъ дойдетъ до васъ
 „небольшое бремя, которое вашею силою доносится до васъ
 „и, надѣюсь, также препровождено будетъ до преосвящен-
 „наго Иннокентія.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣ-
 „етъ быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій“.

въ Москвѣ
 марта 3-го 1854 г.

Митрополитъ Филаретъ былъ великій патриотъ. его проповѣди, произнесенныя въ тяжелую годину испытанийъ 1812 года, имѣли безпримѣрный успѣхъ, поэтому повитно. на кого онъ намекалъ въ такую же годину испытанія, въ 1854-мъ году, призывая свыше на Муравьева укрѣпленіе про- тивъ людей, „недовольно расположенныхъ понимать или при- нимать усовершенія“. Преосвященный Иннокентій Камчат- скій, впоследствии преемникъ митрополита Филарета въ Москвѣ, аккуратно сообщалъ послѣднему объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ дѣлѣ проповѣдыванія слова Божья въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи успѣхами Му- равьева. Въ Иркутскѣ, въ мартѣ 1854 года, съѣхались трое преосвященныхъ: Нилъ, переведенный въ Ярославль. Афанасій, вновь назначенный въ Иркутскъ, и Иннокентій

Камчатскій и Якутскій, пріѣхавшій съ цѣлью совѣщанія съ генераль-губернаторомъ по вопросамъ о присоединяемой къ Имперіи Амурской области, какъ бы представителя единой православной церкви трехъ частей свѣта: Европы, Азии и Америки, на которыя простираются русскія владѣнія на разстояніи десяткомъ тысячъ верстъ, гдѣ все населеніе говоритъ однимъ и тѣмъ же русскимъ языкомъ. Какое это было великое торжество: сослуженіе на заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія трехъ архіепископовъ въ отдаленномъ губернскомъ городѣ: Св. Евангеліе было читано на 11-ти языкахъ. въ томъ числѣ на алеутскомъ, бурятскомъ и якутскомъ. Съѣхались три іерархи, а имъ и всей восточной Сибири возвѣщаетъ главный начальникъ края: „Царь повелѣлъ намъ плыть по Амuru, осуществить вѣковую мечту сибиряковъ, о которой я писалъ Государю еще въ началѣ 1849 года“.

Столица восточной Сибири и представитель всей ея умственной и промышленной жизни, Иркутскъ ликовалъ и пировалъ, торжествуя побѣду Муравьева надъ вѣковыми заблужденіями, окованными и представителями высшей власти въ Петербургѣ тѣснымъ кругозоромъ, изъ котораго высвободиться не хватало у нихъ силъ. Только орлиный взоръ и полетъ Муравьева-Амурскаго могли внести свѣтъ въ тѣмную дальнюю окраину и разоблачить истину. Я не умѣю передать, каковъ это было несобъемающее состояніе радости, всякій сидѣлся и спѣшилъ принести свою лепту. Купечество, которое знало, какого невыгоднаго мнѣнія былъ Муравьевъ о немъ, по достоинству оцѣнило заслугу Муравьева и, являя готовность сдѣлать значительныя денежныя пожертвованія на сплавъ по Амuru, старалось, такъ сказать, съ нимъ помириться. Со всѣхъ сторонъ посыпались приношенія: торжественный роскошный обѣдъ въ залѣ благороднаго собранія запечатлѣлъ дѣло примиренія Муравьева съ купечествомъ, это былъ первый обѣдъ, который Муравьевъ, со времени своего назначенія генераль-губернаторомъ, принималъ отъ Иркутскаго купеческаго общества. На 20-е

апрѣля былъ назначенъ выѣздъ изъ Иркутска, только не по льду черезъ Байкаль, какъ повѣствуютъ всѣ описывавшіе этотъ эпизодъ изъ нашей сибирской жизни, а по кругобайкальской дорогѣ, по пути, сопряженному съ неимоверными трудностями. Тутъ уже мы, приближенные Муравьева, устроили ему въ маленькой деревнѣ за Ангарою, по средствамъ нашимъ скромные, но задушевные проводы. Распорядителемъ обѣда былъ Б. К. Кукель, а полковникъ Облеуховъ, прозванный между нами „старымъ солдатомъ“, написалъ, какъ сумѣлъ, по этому случаю стихи, которыхъ я нигдѣ въ печати (въ безчисленныхъ описаніяхъ перваго сплава по Амуру 1854 г.) не встрѣчалъ, и оригиналь которыхъ едва-ли не сохранился у меня одного. Стихи эти, хотя и лишены литературнаго достоинства, но свидѣтельствуютъ о настроеніи сибирскаго общества и о живомъ, тепломъ участіи, которое оно принимало въ современныхъ событіяхъ.

Порадоваль ты насъ ирѣздомъ:
 Но даль лишь на себя взглянуть,
 И ужь сулишь намъ грусть отъѣздомъ,
 Собравшись въ дальній, дивный путь.

Хоть жаль, съ тобою намъ разстаться,
 Но вѣдь Амуръ тебя зоветъ,
 И мы должны тѣмъ утѣшаться,
 Что тамъ тебя безсмертье ждетъ.

Молитва наша къ вышнимъ. Богу
 Тебѣ стихій покорить,
 Благословить тебя въ дорогу,
 И къ намъ со славою возвратитъ

Гряди жь, герой, среди моленій,
 Теплящихся во всѣхъ сердцахъ;
 Русь отъ тебя ждетъ приношеній,
 Какихъ не сдѣлалъ и Ермакъ

Молниеноснымъ соображеньемъ
 Твоимъ ни въ чемъ препятствій нѣтъ:
 Ты назначенъ Провидѣньемъ,
 Чтобъ старый съ новымъ сблизить свѣтъ.

Дѣйствительно „герой“! съ неустрашимымъ гражданскимъ геройствомъ Муравьевъ, путемъ мирнымъ, отвоевалъ для Россіи Амурскій край отъ двухъ враговъ, внутренняго и внѣшняго, одинаково упорно противившихся достиженію Муравьевымъ желанной цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые вызвалъ сближеніе между Россією и Сѣверо-Американскими Штатами, дѣйствительно сблизилъ старый свѣтъ съ новымъ.

О томъ, какъ совершился первый сплавъ по Амуру въ 1854 году, такъ много разсказано и писано, что мнѣ ничего не приходится дополнить. Особенно живо и интересно описавъ этотъ сплавъ моимъ другомъ Н. Д. Свербеевымъ, котораго генераль-губернаторъ опредѣлилъ къ себѣ секретаремъ по дипломатической части на основаніи Высочайшаго повелѣнія, коимъ было признано необходимымъ, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ плыть по Амуру и съ предоставленіемъ Муравьеву входить въ непосредственныя сношенія съ китайскимъ правительствомъ, учредить эту новую должность. 14 іюня вся сплавная флотилія подъ начальствомъ генераль-губернатора вошла въ заливъ Маринскаго поста, и здѣсь за обѣдомъ у Н. Н. Муравьева все его спутники радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ *пер-* *вою* сплава по Амуру. Осмотрѣвъ заливъ де-Кастри и Императорскую гавань, Муравьевъ отправилъ на шкунѣ „Востокъ“ М. С. Карсакова въ Аянъ и оттуда въ С.-Петербургъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о благополучномъ прибытіи его съ отрядомъ нижнихъ чиновъ и продовольственнымъ запасамъ на устье Амура. Выѣхавъ изъ Аяна 8 іюля, Карсаковъ пріѣхалъ въ Петербургъ 22 августа. Насколько интересовались въ Петербургѣ результатомъ перваго сплава по Амуру, какъ вопросомъ первостепенной важности, свидѣтельствуется письмо Карсакова къ Муравьеву отъ 23 августа: „Выхожу изъ вагона,—пишетъ Карсаковъ—и тутъ же встрѣчаю фельдъегеря, который, видя мою небритую бороду и длинные волосы, говоритъ: „Вы Курьеромъ?“—„Курьеромъ“.—„Такъ сейчасъ же ѣдите къ дежурному генералу“. Я ему показываю свой туалетъ (солдатская шинель

въ рукава сверхъ изодраннаго почти до тла сюртука). — „Дайте мнѣ переодѣться“. — „Нѣтъ, такъ, какъ есть, и поѣдете.“ — „Но вещи мои?“ — „Оставьте ихъ кому-нибудь, а ужъ сами со мною къ дежурному генералу, такъ мнѣ приказано“. Въ нѣсколько минутъ, взявъ съ собою портфель съ бумагами и оставивъ вещи и адресъ братниной квартиры находившемуся при немъ одурѣвшему отъ труднаго долгаго пути на перекладной уряднику, Карсаковъ съ фельдъегеремъ примчались къ Катенину, а отъ него къ военному министру, князю В. А. Долгорукову, которому Карсаковъ вручилъ письмо отъ Муравьева. Военный министръ отправилъ Карсакова на той же фельдъегерской тележкѣ (настоящій адскій экипажъ тогдашняго времени) къ Государю Наслѣднику и къ великому князю Константину Николаевичу въ Петергофъ и въ Стрѣльну. Разспросамъ не было конца. Цесаревичъ, читая конецъ рапорта Муравьева: „Мы стали твердою ногою на Амурѣ, я надѣюсь, что никто у насъ больше его не отыметъ“, поднялъ глаза на Карсакова и твердо сказалъ: „да ужъ надѣюсь“, а потомъ, читая далѣе: „Вся честь этого дѣла принадлежитъ Невельскому, Казакевичу, Карсакову“ — „А себя Муравьевъ забылъ“, — воскликнулъ Наслѣдникъ Цесаревичъ: „ему, ему вся честь! завтра же утромъ представлю васъ Государю“. На другой день утромъ, Карсаковъ имѣлъ счастье представиться Государю. Царь обнялъ и поцѣловалъ Карсакова, нѣсколько разъ выразилъ свою благодарность за безпрямѣрно успѣшный сплавъ по Амуру и повелѣлъ всѣхъ спутниковъ Муравьева представить къ наградамъ. „Говорятъ, что всѣ будутъ награждены слѣдующимъ чиномъ, писалъ Карсаковъ, но я уже вполне награжденъ царскою ласкою!..“

Все время отсутствія Муравьева, для сплава по Амуру, супруга его Екатерина Николаевна жила въ Иркутскѣ на дачѣ, на такъ называемой Кузнецовской заимкѣ, и только когда она получила павѣстіе, что Николай Николаевичъ уже ѣдетъ обратно изъ Якутска, она поплыла ему навстрѣчу по Ленѣ чуть-ли не до границы Якутской области и верну-

лась въ Иркутскъ вмѣстѣ съ нимъ 1-го октября. Что тамъ было на Ленѣ въ предѣлахъ управляемой мною Иркутской губерніи, я не знаю и никогда узнать не могъ. Видно много было Муравьеву написано и наговорено противъ меня, фактъ тотъ, что съ послѣдней станціи до Иркутска Муравьевъ отправилъ ко мнѣ, какъ къ управлявшему Иркутскою губерніею, который долженъ былъ его встрѣтить въ его квартирѣ съ почетнымъ рапортомъ, исправника Ефимова съ приказаніемъ, что онъ не желаетъ меня видѣть, и что я могу ему представиться, когда будетъ назначенъ общій пріемъ. Я зналъ хорошо Муравьева: ему нужно было, какъ говорится, сорвать сердце на комъ-нибудь, я чувствовалъ, что этою жертвою я былъ предназначенъ, я зналъ про самого себя, что пожалуй не вынесу публичнаго оскорбленія, и могла бы выйти ужасная сцена. Я не поѣхалъ на общій пріемъ, подалъ рапортъ о болѣзни. Весь гнѣвъ Муравьева обрушился на С. Ѳ. Соловьева: на общемъ пріемѣ онъ на него и покричалъ, и погрозилъ ему пальцемъ. Соловьевъ вскорѣ поправилъ опять свое положеніе какимъ-то крупнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, а мнѣ Муравьевъ не хотѣлъ простить, что я уклонился отъ возможности быть оскорбленнымъ. Карсакова тогда не было въ Сибири.

При этихъ условіяхъ, въ виду прежнихъ моихъ отношеній къ Муравьеву, я не считалъ возможнымъ долѣе остаться на службѣ въ восточной Сибири и тотчасъ послалъ прошеніе о переводѣ меня въ одну изъ внутреннихъ губерній. До полученія отвѣта я считался сначала больнымъ, что впрочемъ дѣйствительно и было, а затѣмъ поѣхалъ въ продолжительный отпускъ, не узнавши никогда, въ чемъ собственно Муравьевъ меня обвиняетъ, что побудило его такъ рѣзко поступить со мною. Повторяю то, что я уже раньше писалъ ¹⁾, что Муравьевъ своею вопыльчивостью лично мнѣ много повредилъ, тѣмъ не менѣе, отдавая полную спра-

¹⁾ См. „Р. В.“ 1884 г. июль, стр. 366.

ведливость его дальновидной государственной дѣятельности, я нахожу, что все остальное сравнительно мелочь.

Хотя я уже не былъ у дѣлъ, но мнѣ пришлось въ концѣ 1854 года, до выѣзда моего изъ Иркутска, еще разъ убѣдиться, что всѣ недостатки и слабости Муравьева меркнутъ передъ его проницательнымъ административнымъ умомъ и его свѣтлымъ взглядомъ на государственные вопросы, передъ его послѣдовательностью въ ихъ разрѣшеніи и предъ его геройскою рѣшимостью въ случаѣ надобности. Блестательное отраженіе Англо-французскаго непріятельскаго флота отъ Петропавловскаго порта произвело потрясающее впечатлѣніе на западъ Европы. Народный голосъ требовалъ, чтобы соединенный флотъ въ будущемъ 1855-мъ году опять пошелъ въ Камчатку отмстить за неудачу 1854 г. уничтоженіемъ Петропавловскаго порта и всей нашей Тихо-океанской флотиліи. Герой защиты Петропавловскаго порта, военный губернаторъ В. С. Завойко, немедленно послѣ удаленія непріятельскаго флота, принялся вновь за усиленное укрѣпленіе этого порта, воздвигались новыя твердыни, новыя батареи, сооруженію которыхъ даже непріятель въ слѣдствіи отдалъ полную справедливость, съ такою глубокою обдуманностью онѣ были созданы. Непріятель снаряжалъ для дѣйствій противъ насъ въ Тихомъ океанѣ военную эскадру въ 18 вымпеловъ. Муравьевъ узналъ объ этомъ въ Иркутскѣ въ концѣ ноября. Устоять Петропавловскому порту противъ такой громады не было никакой возможности, между тѣмъ испросить разрѣшеніе изъ Петербурга, какъ поступить въ данномъ случаѣ, при тогдашнихъ способахъ сообщенія, также не представлялось возможнымъ, время было бы упущено. Муравьевъ принялъ рѣшеніе по истинѣ геройское, въ виду той отвѣтственности, которая ему угрожала за это. *Не имѣя приказанія изъ Петербурга, на свой страхъ,* Муравьевъ послалъ въ декабрѣ своего адъютанта есаула Мартынова въ Камчатку, кругомъ черезъ Якутскъ, Охотскъ и Гяжигу, съ приказаніемъ адмиралу Завойкѣ: *снять Петропавловскій портъ съ его укрѣпленіями, вооружить все су-*

да, забравъ гарнизонъ и не только воднѣмъ, но и уразданскими чинами съ ихъ семействами, раннею весною выйдти въ море и отправиться со всею эскадрою къ устью Амура. Это безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей исторіи распоряженіе спасло честь и славу нашего оружія и всю нашу эскадру и избавило насъ отъ тысячей бесполезныхъ жертвъ. Вѣчное русское спасибо Муравьеву-Амурскому!

Б. СТРУВЕ.